

1418 ДНЕЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

ФЕНОМЕН ЛОКОТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

АЛЬТЕРНАТИВА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ?

ФЕНОМЕН ЛОКОТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Альтернатива советской власти?

Москва
«Вече»

УДК 94(47)(091)
ББК 63.3(2)62
Ф42

Ф42 Феномен Локотской республики. Альтернатива советской власти? / Авт.-сост. Д.А. Жуков, И.И. Ковтун. — М. : Вече, 2012. — 288 с. : ил. — (1418 дней Великой войны).

ISBN 978-5-9533-6348-8

В 1941 г. на территории Брянщины немецкими оккупантами было санкционировано создание самоуправления, со временем получившего официальное название «Локотский административный округ». Численность населения этого округа, подчиненного тыловому командованию 2-й танковой армии вермахта, составляло свыше 500 тыс. человек. Со временем в Локте была создана так называемая Русская освободительная народная армия, известная также как Бригада Каминского, и в 1944 г. ставшая 29-й дивизией войск СС. Это соединение, наряду с немецкими и венгерскими частями, участвовало в антипартизанских операциях и нанесло народным мстителям немало болезненных ударов. Заключительным аккордом деятельности каминцев стало участие сводного полка 29-й дивизии в подавлении Варшавского восстания. В настоящем сборнике публикуются воспоминания непосредственных участников борьбы между каминцами и советскими патриотами, причем представлены обе стороны этого противостояния.

УДК 94(47)(091)
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9533-6348-8

© Составление, предисловие,
Жуков Д.А., Ковтун И.И., 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012

Предисловие

БРИГАДА КАМИНСКОГО: PRO ET CONTRA

История соединения, известного как Бригада Каминского, Русская освободительная народная армия, штурмовая бригада СС «РОНА» и 29-я гренадерская дивизия войск СС, а также вопросы существования сопутствующих коллаборационистских органов самоуправления в условиях немецкой оккупации, более не принадлежат к числу «белых пятен» в историографии Второй мировой войны. За последние пятнадцать лет¹ вышло в свет около десятка книг и огромное множество газетных и журнальных публикаций, подробно рассматривающих различные аспекты деятельности Каминского и подчиненных ему гражданских и военных структур².

Сегодня не только специалисты-историки и исследователи-краеведы, но и многие из тех, кто интересуется отечественной военной историей, осведомлены о том, что в 1941 г. — задолго до появления так называемого «власовского движения»³ — не-

¹ Первой отечественной научной публикацией, посвященной указанному вопросу, является работа кандидата исторических наук С.И. Дробязко «Локотский автономный округ и Русская освободительная народная армия», опубликованная в сборнике «Материалы по истории Русского освободительного движения» (Вып. 2, под общ. ред. А.В. Огорокова. М., 1998. С. 168—216).

² См., в том числе, наши работы: Жуков Д.А., Ковтун И.И. 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М., 2009. 304 с.; Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русские эзэсовцы. М., 2010. С. 262—376.

³ Широко распространенный термин «власовцы», активно используемый как в советской, так и в эмигрантской историографии и публицистике, следует признать совершенно некорректным. Можно согласиться

мецкими оккупантами было санкционировано создание самоуправления, со временем получившего официальное название «Локотский административный округ». В состав этой автономной единицы, формально подчиненной тыловому командованию 2-й танковой армии вермахта, вошли несколько южных районов Брянской (в те годы — Орловской) и северо-западных районов Курской областей, а население округа составляло, по разным оценкам, от 581 тыс. до 1,7 млн человек¹.

Еще первый бургомистр самоуправления (в ту пору — Локотской волости), Константин Воскобойник, создал Народную социалистическую партию России, а также небольшой отряд самообороны, впоследствии развернутый в «Бригаду народной милиции», и — позже — в Русскую освободительную народную армию (так она именовалась из пропагандистских соображений, на самом же деле к 1943 г. эта «армия» по численности соответствовала дивизии). После гибели Воскобойника (во время партизанского налета на Локоть 8 января 1942 г.) во главе самоуправления и его вооруженных формирований встал Бронислав Каминский, заручившийся поддержкой немецкого командования в обмен на обещание выполнять продовольственные поставки, бороться с партизанами и проводить пропаганду «нового порядка».

Этот опыт оказался вполне успешным, хотя нацисты практически нигде больше на оккупированной территории СССР не риск-

с мнением эмигрантского исследователя Р. Днепров (Р. Дудина), который отмечал: *«После появления... солженицынского "Архипелага ГУЛАГ" как-то уже повелось именовать освободительное движение времен Второй мировой войны [имеется в виду отечественное коллаборационистское движение. — Примеч. ред.] "власовским". Что, конечно, и неверно по сути, и является неким историческим упрощением»*. См.: Днепров Р. «Власовское» ли? / «Континент» (Мюнхен). 1980, № 23. С. 287.

¹ Грибков И.В. Хозяин Брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. М., 2008. С. 22; Даллин А. Бригада Каминского. М., 2011. Тот же автор сообщает, что «локотский эксперимент» проводился с личной санкции Гитлера. Там же. С. 30.

нули его повторить. Бригада Каминского, наряду с немецкими и венгерскими частями, участвовала в антипартизанских операциях и нанесла «народным мстителям» немало весьма болезненных ударов. Опыт боевых действий с частями Красной армии (весной 1943 г. на Севском направлении) оказался менее удачен: фактически был уничтожен целый полк РОНА. Впрочем, командование 2-й танковой армии, судя по всему, было вполне удовлетворено качеством боевой подготовки РОНА. В итоге, к концу лета 1943 г. бригада Каминского вместе с гражданскими беженцами была эвакуирована в Белоруссию, где чуть позже ее включили в состав войск СС. Летом 1944 г. РОНА стала 29-й дивизией ваффен-СС. Заключительным аккордом деятельности каминцев стало участие сводного полка 29-й дивизии в подавлении Варшавского восстания. Сам Каминский погиб при весьма загадочных обстоятельствах, а его подчиненные были в основном переданы в Вооруженные силы власовского Комитета освобождения народов России.

В настоящем сборнике публикуются воспоминания непосредственных участников борьбы между каминцами и советскими патриотами, причем представлены обе стороны этого противостояния.

Надо отметить, что обращение к теме Локотского самоуправления в СССР началось фактически сразу после окончания войны. В то время шли судебные процессы, на которых рассматривалась деятельность коллаборационистов, оказавших немалую помощь германским оккупационным органам. Поэтому авторы воспоминаний, участники партизанского и подпольного движения, военные журналисты, побывавшие в командировках за линией фронта, стремились показать «продажную сущность» «немецких прислужников», воевавших против советской стороны.

Первые упоминания о Локотской автономии появились в очерках писателя и военного корреспондента газеты «Известия» А.И. Шияна (1946 г.)¹. В 1943 г. он четыре месяца провел в со-

¹ *Шиян А.И.* Партизанский край. Киев, 1946. Заметим, что очерки Шияна вышли в тот момент, когда в Москве проходил закрытый про-

ставе партизанской бригады Героя Советского Союза генерал-майора А.Н. Сабурова. Именно там Шияну довелось услышать рассказ о борьбе «народных мстителей» с контрреволюционной организацией «всёя Россия» (так именовали Народную социалистическую партию России), которую партизаны якобы ликвидировали в 1942 г. в Брасовском районе Орловской области.

После окончания войны очерки А.И. Шияна были опубликованы в книге «Партизанский край». Издание носило сугубо публицистический и пропагандистский характер. О том, почему на Брянщине возникла «фашистская партия», автор скромно умолчал. Тем не менее он привел интересные факты — рассказал о первом бургомистре — К.П. Воскобойнике, подготовившем *«Декларацию прав народов России»*. Глава местного самоуправления, по словам Шияна, *«проводил конференции и произносил речи на рынках и ярмарках»*. Командование партизан, увидев в деятельности Воскобойника большую опасность, отдало приказ о ликвидации бандитской «шайки», а «матерого» предателя-бургомистра следовало захватить живым. Эту задачу поручили выполнить отрядам А.Н. Сабурова¹.

Сам Александр Сабуров рассказал о налете на Локоть в своей книге «За линией фронта» (1953 г.)².

Зимой 1941 г., пишет автор, появилась партия, возглавляемая К.П. Воскобойником, который за короткий промежуток времени сумел издать «Манифест» и «Декларацию», адресованные мест-

цесс над военнослужащими бригады РОНА. Приговор подсудимым был зачитан 30—31 декабря 1946 г. См.: Протокол судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР по делу военнослужащих бригады РОНА / *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский»... С. 256—280.

¹ Там же. С. 43—47. На очерки Шияна ссылается в своей работе о Каминском А. Даллин. К слову, некоторые исследователи почему-то считают, что партия Воскобойника никакой угрозы для партизан не представляла (См., например: *Дюков А.Р.* Растоптанная Победа. Против лжи и ревизионизма. М., 2011. С. 140).

² *Сабуров А.Н.* За линией фронта (Партизанские записи). Книга первая: Партизанский край. М., 1953. 320 с.

ному населению. Впервые встречается информация о численности и вооружении «народной милиции» (около 350 человек, 27 пулеметов, около 10 минометов), детально представлена картина нападения на Локоть.

Вместе с тем повествование Сабурова помимо чисто конъюнктурных элементов содержало в себе изрядную долю пропаганды и немало мифов. Так, автор заявляет о подконтрольности Воскобойника и его немецких опекунов американской разведке! В других книгах Сабурова — «Силы неисчислимые» (1967), «Отвоеванная весна» (книги 1—2, 1968) — покровителями Локотской администрации назывались уже британские спецслужбы!¹ Эти надуманные, высосанные из пальца заявления показывают, насколько сильным было желание Сабурова связать политико-административную деятельность К.П. Воскобойника с послевоенными планами США и Великобритании в отношении Советского Союза.

К разряду мифов следует отнести утверждение, что костяк партии и вооруженных формирований милиции составляли офицеры-белогвардейцы (якобы прибывшие из Франции, Чехословакии и Польши). Именно они, заявляет партизанский генерал, упорнее всего сопротивлялись.

Автор, пытаясь быть «объективным», рассказывает о серьезных трудностях, возникших в ходе боевых действий. Однако эти, не слишком приятные для него, моменты он нивелирует, превращая очевидные тактические неудачи в «победы», и предпочитает не вести речь о тяжелых потерях. К примеру, увлекательно по-

¹ Этот миф со временем видоизменился. Имя мифического немецкого полковника Шперлинга, запущенное в оборот Сабуровым, проникло в научно-публицистическую работу бывшего смоленского партизана Н.А. Касаткина (В тылу немецко-фашистских армий «Центр»: всенародная борьба на оккупированной территории западных областей РСФСР. 1941—1943. М., 1980. С. 32), который обобщил данные о деятельности партизанских отрядов и соединений в оккупированных регионах РСФСР.

вествуя о прорыве штурмовой группы И. Федорова в милицейскую казарму, Сабуров не признается, что попытки выручить ее из осады стоили партизанам большой крови. После того как группа Федорова все-таки вырвалась из здания, буквально унося ноги из-под кинжального огня, ее вновь послали под пулеметы, на штурм, который якобы закончился успешно, хотя, с военной точки зрения, для этого не было никаких предпосылок.

При изучении воспоминаний Сабурова обнаруживаются противоречия, за которыми прославленный командир (не набравшийся тогда еще боевого опыта) попытался спрятать свои ошибки. Сам факт победы, якобы одержанной «народными мстителями», представляется сомнительным, а желание некоторых партизан остаться в Локте и пострелять «кукушек» (снайперов) — и вовсе вызывает удивление, так как из Брасово и Комаричей в Локоть прибыло подкрепление.

Однако, несмотря на эти откровенные выдумки, мифические и пропагандистские пассажи, книга Сабурова положила начало освещению в военных мемуарах и научной литературе о партизанском движении различных аспектов противостояния советских партизан и каминцев.

В 1959 г. вышел в свет первый том материалов, в котором рассказывалось о борьбе «народных мстителей» на оккупированной территории Брянской (в годы войны — Орловской) области. Несколько публикаций касались и «Локотской республики». Так, были напечатаны воспоминания бывшего бойца Брасовского партизанского отряда «За Родину» Н.И. Ляпунова («В ночь под Рождество»)¹ и бывшего секретаря Навлинского подпольного окружкома комсомола П.Я. Пархоменко («Комаричские подпольщики»)².

¹ Ляпунов Н.И. В ночь под Рождество / Партизаны Брянщины. Сборник рассказов бывших партизан. Т. 1. Брянск, 1959. С. 419—421.

² Пархоменко П.Я. Комаричские подпольщики / Партизаны Брянщины. Сборник рассказов бывших партизан. Т. 1. Брянск, 1959. С. 253—254.

Ляпунов предпринял попытку подробнее осветить эпизоды, связанные с нападением на Локоть. Читатель теперь мог узнать, почему для налета избрали ночь под Рождество, каковы были силы партизан, на чем они совершали марш (120 саней), как шли бои. Интересно, что Ляпунов оспаривал тезис Сабурова о решающем вкладе его подчиненных (штурмовая группа Алексея Дурнева) в уничтожении Воскобойника. Так на свет появился новый герой, якобы уничтоживший *«вражеского прихвостня»*, — пулеметчик отряда «За Родину» Михаил Астахов.

Сам по себе этот факт достаточно примечателен, поскольку он свидетельствует о сложных и конфликтных взаимоотношениях между командирами разных партизанских формирований. Как сегодня известно, осенью — зимой 1941 г. борьбу с немцами и «народной милицией» на Брянщине вели два партизанских центра. Первый возглавлял А.Н. Сабуров, второй — бывший начальник Суражского райотдела УНКВД по Орловской области младший лейтенант госбезопасности Д.В. Емлютин. В подчинении последнего находилась региональная оперативная группа 4-го отдела, объединившая к январю 1942 г. 18 партизанских отрядов и 105 так называемых «групп самообороны», численностью до 9 тысяч человек¹.

О непростых отношениях, сложившихся между «емлютинцами» и «сабуровцами», позже обмолвился в одной из статей бывший начальник штаба объединенных партизанских отрядов южного и юго-западного направлений В.К. Гоголюк², выступивший с критикой Сабурова, который отказался объединяться и перейти под начало оперативной группы (*«Однако не все командиры отрядов понимали важность объединения сил. Боясь потерять “независимость”,*

¹ См.: *Боярский В.И.* Партизанство вчера, сегодня, завтра. Историко-документальный очерк. М., 2003. С. 206.

² *Гоголюк В.К.* Брянский партизанский край / Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Сборник статей. М., 1963. С. 237. Гоголюк ссылался в статье на книгу А.Н. Сабурова «За линией фронта».

отдельные командиры под разными предложениями сторонились объединения»). Конфликт разгорелся из-за Трубчевского, Суземского и Брасовского отрядов. Сабуров подчинил их себе, не предупредив об этом Емлютина. Поэтому Ляпунов и поставил в своем рассказе акцент не на формированиях А.Н. Сабурова¹ (харьковские отряды К.И. Погорелова, И.Ф. Боровика и, собственно, А.Н. Сабурова и З.А. Богатыря), а на отряде «За Родину» (командир — В.А. Капрапов) и отряде им. Сталина (командир — М.И. Сенченков). В последующем этот весьма важный эпизод выпал из поля зрения некоторых специалистов и привел их к неверным выводам относительно того, кто руководил налетом².

¹ Ляпунов отмечает: *«Командиры партизанских отрядов “За Родину”, имени Сталина и имени Сабурова договорились о проведении совместного нападения на Локоть»*. Указ. соч. С. 419. На самом деле Сабуров, возглавлявший штаб объединенных партизанских отрядов, имел широкие полномочия, а также право по своему усмотрению привлекать к выполнению боевых заданий любой отряд. Операцию по нападению на Локоть разрабатывал он и его заместитель, З.А. Богатырь. Договор между партизанскими командирами (если он вообще был) имел формальное значение: отряды им. Сталина, «За Родину» и суземский «За власть Советов» (командир — И.Я. Алексютин) подчинялись в декабре 1941 г. Сабурову. К слову, обилие противоречий, встречающихся в партизанских мемуарах, лишь подтверждает вывод о существовании между Емлютиным и Сабуровым конфликта.

² Например, И.Г. Ермолов полагает, что *«для выполнения задачи по ликвидации “змеиного гнезда контрреволюции” был создан сводный отряд под руководством Д.В. Емлютина, в который вошли отряды А.Н. Сабурова, “За Родину” и имени Сталина»*. (См.: Ермолов И.Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления. 1941—1943. М., 2009. С. 171.). Для таких заключений, на наш взгляд, нет оснований, к тому же из воспоминаний самого Емлютина видно, что в операции он не участвовал, а если и пытался оказывать влияние на ход предстоящих событий, то только по разведывательной линии. То, что Сабуров командовал партизанами в ходе налета, зафиксировано в документах НКВД и политуправления Брянского фронта. Историк А. Дюков, верно указывая на этот факт, однако, утверждает, что некоторые специалисты ошибаются и неверно называют руководителя операции (См.: Дюков А.Р. Растоптанная Победа. Против лжи и реви-

В воспоминаниях Ляпунова встречается немало ценной информации. Автор, к примеру, сообщает, что о гибели К.П. Воскобойника партизаны узнали только на второй день после нападения; казарму «народной милиции» захватить не удалось (Сабуров писал об обратном), «враг стал наседать с других сторон», и командование «решило закончить боевую операцию»¹.

Вывод, казалось бы, напрашивается сам — налет оказался неудачным, цели и задачи, поставленные перед партизанами, не были выполнены. Но Ляпунов не заостряет на этом внимание, а заявляет о больших потерях «захватчиков и их прихвостней» (более 100 человек), о «крупном боевом успехе»². Партизанские потери, утверждает автор, были минимальными: ни одного убитого и лишь несколько раненых.

зионизма. М., 2011. С. 140). Хотя, например, в нашей работе, на которую А. Дюков ссылается, прямо говорится, что операцию разрабатывал Сабуров и лично руководил отрядами 8 января 1942 г.; в той же книге впервые в историографии вопроса реконструированы бои в Локте (См.: Жуков Д.А., Ковтун И.И. 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский»... С. 23—46).

¹ Ляпунов Н.И. Указ. соч. С. 421.

² Там же. Согласно докладной записке НКВД УССР от 6 марта 1942 г., подготовленной наркомом внутренних дел Украинской ССР В.Т. Сергиенко, партизаны «под руководством и при непосредственном участии Сабурова» истребили 54 человека. См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Крушение «Блицкрига». 1 января — 30 июня 1942 года. Т. 3. Кн. 1. М., 2003. С. 222. Та же цифра проходит в донесении заместителя начальника политуправления Брянского фронта Шаталова от 31 марта 1942 г. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 88. Л. 42. И те же данные встречаются в донесении начальника УНКВД по Орловской области К.Ф. Фирсанова от 15 марта 1942 г.: «В декабре месяце 1941 года в Брасовском районе инженером Воскобойниковым создана националистическая организация «Всея Россия» с задачей борьбы с компартией, Советами и колхозным строем... 7 января с.г. партизанский отряд под командованием тов. Сабурова произвел налет на эту организацию, уничтожив 54 человека». Цит. по: Партизаны Брянщины. Сборник документов и материалов. Т. 2. Брянск, 1962. С. 97.

Бывший секретарь Навлинского подпольного окружка комсомола П.Я. Пархоменко затронул тему покушений на Б.В. Каминского, организованных по указанию начальника Навлинского райотдела НКВД А.И. Кугучева. Пархоменко не указывает, кто конкретно отдавал приказы о ликвидации обер-бургомистра, но сообщает о том, что подполье в Комаричах возглавлял врач местной больницы П.Г. Незымаев. Уделил автор внимание и тому, как анонимные подметные письма, написанные членами организации, помогли руками каминцев уничтожить наиболее активных борцов с партизанами: начальника штаба одного из батальонов Паршина, следователей Гладкова и Третьякова, начальника Комаричской полиции П. Масленникова. В патетически-скорбных тонах Пархоменко пишет об аресте и казни подпольщиков, впервые называя имя выдавшего их Алексея Кытчина.

В 1960 г. в Брянске опубликовали документальную повесть А. Незвецкого и В. Федорова «Там, где течет Навля»¹. Опираясь на рассказы навлинских партизан, авторы обратились к вопросу разложения подразделений и частей РОНА. В книге целая глава посвящена тому, как подпольщики помогают группе каминцев перейти на сторону бригады «Смерть немецким оккупантам». При этом повествование Незвецкого и Федорова содержит массу фактических неточностей и ошибок.

Своеобразным событием для первой половины 1960-х гг. можно считать публикацию мемуаров заместителя А.Н. Сабурова — комиссара житомирского партизанского соединения З.А. Богатыря «Борьба в тылу врага» (1963)². Воспоминания Богатыря отличаются наукообразностью, стройностью изложения (автор в то время работал в Институте марксизма-ленинизма в Москве). Немало места в книге отведено рассказу о том, как «сабуровцы»

¹ Незвецкий А., Федоров В. Там, где течет Навля... (Документальная повесть). Брянск, 1960. 166 с.

² Богатырь З.А. Борьба в тылу врага. М., 1963. 336 с. См. также: Богатырь З.А. Борьба в тылу врага. 2-е изд. М., 1969. 470 с.

организовали налет на Локоть. Богатырь не просто постарался дополнить мемуары своего бывшего командира, но также представить на суд читателей свой взгляд.

Следуя сформировавшимся к тому времени штампам, автор пишет, что в поселке Локоть была организована «народная социалистическая партия всея России». Деятельность партии, которую возглавляли «шпионы и контрреволюционеры Воскобойников, Каминский, Ворона» (мифический персонаж, перекочевавший из книги Сабурова), оказалась чересчур активной и вызвала беспокойство у советских патриотов. Штаб Сабурова принял решение разгромить гарнизон.

При подготовке операции командование столкнулось с немалыми трудностями. По данным разведки, в Локте находились хорошо вооруженные формирования (более 200 человек). Поселок был превращен в опорный пункт, имевший систему дзотов и траншей, делавших его неуязвимым. Рядом с Локтем размещались форпосты, готовые поднять тревогу. Разведчику Василию Буровихину удалось выяснить, что к Воскобойнику придет подкрепление из Брасово. Под видом этого подкрепления партизаны и решили войти в поселок.

Автор рассказывает, кто и как принимал участие в налете, но не называет число «народных мстителей», привлеченных к нападению. Ликвидировать руководство НСПР и лично Воскобойника поручили группе Алексея Дурнева (12 бойцов из Трубчевского отряда им. Сталина), а не отряду «За Родину» (где воевали Ляпунов и Астахов).

Штурм казармы Богатырь почти не рассматривает, отмечает лишь упорное сопротивление «народной милиции»; партизаны заняли значительную часть здания, но не все (Сабуров писал о полном захвате казармы). Смертельно ранить К.П. Воскобойника удалось не сразу (Сабуров утверждал, что ранили бургомистра через 10—15 минут после начала налета). Богатырь упоминает о проблемах, возникших у партизанского заслона, выставленного на подступах к поселку. Он ссылается на приказ Сабурова

«любой ценой» удержать противника (т.е. действовать по принципу — «ни шагу назад!»). Выясняется и еще одна любопытная деталь: Воскобойник обратился к «народным мстителям» со словами, что они окружены.

Если верить Богатырю, вождя НСПР ранили в заключительной фазе боя. Тяжелым или легким оказалось его ранение, партизаны знать не могли — дом бургомистра остался неприступен. О смерти Воскобойника известие пришло только через два дня, когда из Локтя вернулся разведчик.

Богатырь, насколько позволяли рамки цензуры, затронул и тему партизанских потерь. Он первый назвал следующие цифры — 4 человека убито, 15 ранено (эти данные вызывают сомнение, поскольку бои носили ожесточенный характер и разгромить гарнизон партизаны не смогли). Потери милиции оценивались автором в 54 человека (сведения Н.И. Ляпунова — более 100 человек — явно далеки от реальности).

Богатырь не отрицает, но и не подтверждает, что партизаны Сабурова вели бой за тюрьму. Автор увлечен эпизодом гибели разведчика В. Буровихина, зверски замученного в «гестапо» (пункта полиции безопасности и СД в поселке не было, но там располагалось отделение абвергруппы-107).

Как завершилась операция, Богатырь не сообщает, и это весьма показательно, так как Сабуров и Ляпунов однозначно заявляли о победе. Но автор воспоминаний «Борьба в тылу врага» воздерживается от подобных выводов, пишет обтекаемо: *«Так было положено начало ликвидации одного из опорных пунктов фашистского оккупационного режима»*. Словом, Богатырь ушел от прямого ответа на вопрос и дал повод усомниться в успешном проведении налета.

Более скупое в советской литературе представлено информация о борьбе против каминцев на захваченной территории Белоруссии.

Так, Герой Советского Союза В.Е. Лобанок, бывший руководитель оперативной группы Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) и Полоцко-Лепельской партизанской зоны,

вскользь коснулся эпизода пребывания РОНА на Витебщине. В работе «В боях за Родину»¹ он ограничился рассказом о переброске каминцев и гражданских беженцев из Лепеля в город Дятлов. Говоря о борьбе с немецкой экспедицией «Весенний праздник», автор среди антипартизанских формирований называет и бригаду Каминского, но умышленно опускает все подробности, связанные с ее боевым применением.

Ту же линию Лобанок выдерживает в книге «Партизаны принимают бой»². Несколько абзацев он посвятил РОНА, представив биографию Каминского, якобы судимого в период шахтинского процесса. Сама бригада, замечает Лобанок, состояла из всякого «сброда», и «ее путь через Лепель, Волковыск, Белосток, Петраков» был «залит кровью советских людей».

О степени боеспособности РОНА автор ничего не пишет, хотя при чтении его книги возникает вопрос: почему же партизанам никак не удавалось уничтожить этот «сброд»?

Лобанок рассказывает о служебно-боевой деятельности партизанской бригады «Алексея» (командир — А.Ф. Данукалов), сдерживавшей натиск превосходящих сил противника. «Алексеевцы» отбивали атаки РОНА в ходе операции «Весенний праздник». Автор сначала подтверждает этот факт, но затем о нем «забывает» и, чтобы скрыть разгром бригады «Алексея» бойцами Каминского, называет их «фашистами» и «гитлеровцами». Впрочем, точно так же автор именует и другие коллаборационистские части, привлеченные к ликвидации полоцко-лепельских партизан.

Несмотря на ошибки и подтасовки фактов (неверно названы части боевой группы «фон Готтберг», заметна попытка минимизировать потери «народных мстителей» и т.д.), научно-публицистические книги Лобанка несколько приоткрыли страницу пребывания РОНА в Белоруссии.

¹ Лобанок В.Е. В боях за Родину. 3-е изд. Минск, 1964. 412 с.

² Лобанок В.Е. Партизаны принимают бой. М., 1972. 304 с. См. также: Лобанок В.Е. Партизаны принимают бой. 2-е изд. Минск, 1976. 328 с.

Немало внимания Локотской автономии и бригаде Каминского было уделено в воспоминаниях Героя Советского Союза, бывшего руководителя региональной оперативной группы 4-го управления НКВД по Орловской области, командира объединенных партизанских отрядов и бригад южного и юго-западного направлений Д.В. Емлютина. Его мемуары были опубликованы уже после его смерти (19 июля 1966 г.) и послужили своеобразным дополнением к воспоминаниям А.Н. Сабурова, З.А. Богатыря и Н.И. Ляпунова.

В очерке «В южном массиве брянских лесов» (1968)¹ Емлютин рассказывает, как были разгромлены гарнизоны в деревнях Тарасовка и Шемякино. Для уничтожения милиции были выделены отряды «За власть Советов» (командир — Ф.И. Попов, комиссар — Н.С. Паничев), им. Калинина (командир — В.Н. Глыбин, комиссар — И.Г. Новиков), «Большевик» (командир — С.И. Ерофеев, комиссар — И.И. Зайцев), а также три группы «самообороны». Кто конкретно помог партизанам проникнуть в населенные пункты, Емлютин не пишет. Партизаны захватили в плен 153 «гитлеровца» (!). О том, что с ними было дальше, герой-партизан умалчивает, и сразу переключается на описание боев, произошедших за деревни. Вольно трактуя события, Емлютин заявляет, что «народные мстители» отбили все атаки. А затем в селе Чернь прошла демонстрация трудящихся по случаю празднования 1 мая и проведен парад партизанских сил. В очерке нет ни слова о расправе, учиненной над семьями милиционеров, о боевых действиях, проходивших 3, 6, 8 и особенно 11 мая, когда деревни вновь перешли в руки Каминского.

В книге «Шесть сот дней и ночей в тылу врага» (1971)² Емлютин вновь обращается к теме нападения партизан на Локоть. Автор предлагает свою версию событий. Согласно Емлютину, за-

¹ Емлютин Д.В. В южном массиве брянских лесов / За линией фронта. Очерки. Тула, 1968. С. 97—113.

² Емлютин Д.В. Шесть сот дней и ночей в тылу врага. М., 1971. 174 с.

мысел операции родился не у Сабурова, а у командования брасовского отряда «За Родину», разведка которого узнала о создании в Локте «особого округа» (хотя такового на момент описываемых событий еще не было). Именно командование отряда «За Родину» (командир — В.А. Капралов) якобы пригласило для участия в налете Трубчевский отряд им. Сталина и Суземский отряд «За власть Советов», и в самую последнюю очередь — украинские формирования Сабурова и Погорелова. Емлютин указывает лишь на два объекта, выбранных для атаки, — казарму милиции, находившуюся в здании лесного техникума, и дом бургомистра. Сам ход боев автора, видимо, интересовал мало, зато эпизод с ликвидацией Воскобойника описан им подробно. Следуя версии Н.И. Ляпунова, он считает, что «предателя» и «подлеца» расстрелял из пулемета Михаил Астахов.

Анализ мемуаров Емлютина приводит к следующим выводам: во-первых, сам автор в операции не участвовал, иначе его рассказ о боях в Локте был бы содержательнее. Во-вторых, Емлютин поддерживает позицию рядового партизана Ляпунова, который, конечно, не мог знать всех нюансов подготовки налета, и уж тем более всей картины боевых действий в поселке. И, в-третьих, Емлютин осознанно не касался того, как действовали в Локте подчиненные Сабурова и Погорелова. По-видимому, желание поставить своих людей выше, чем «сабуровцев», оказалось у автора сильнее. В этом видятся и рецидивы старого конфликта, и определенная зависть к ненавистным коллегам (к Сабурову и Богатырю), к тому времени снискавшим широкую популярность своими книгами.

Однако есть в мемуарах Емлютина и весьма важные дополнения. Он, например, сообщает, что партизанам пришлось отойти, так как враг стал *«наседать с двух сторон»* (пришло подкрепление из Комаричей и Брасово). Сама операция *«не была доведена до конца»* (почему и победа партизан, о которой ярко писал тот же Сабуров, представляется сомнительной). Наконец, автор признает, что *«полицейские силы в Локте сохранились»* (а значит, задача

уничтожить «осиное гнездо» предателей не была выполнена), и к тому же, как далее отмечает Емлютин, Каминский создал целую бригаду, и партизаны с ней вели непрерывные бои в течение «нескольких месяцев» (а точнее — до конца оккупации Брянщины).

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. в различных изданиях публикуются воспоминаниях сотрудников советских органов госбезопасности, боровшихся во время войны с Локотской автономией. Среди них — воспоминания К.Ф. Фирсанова¹, В.К. Морозова², В. Засухина³, М.А. Забельского⁴, М.С. Григорова⁵. Благодаря их рассказам открылось немало новых фактов. Так, в мемуарах бывшего начальника НКВД—НКГБ по Орловской области К.Ф. Фирсанова отмечается, что прежде чем был совершен налет на Локоть, проводилась оперативная работа под контролем Д.В. Емлютина, И.Е. Абрамовича и А.И. Кугучева. Причем, как подчеркивает автор, перед чекистами и партизанами была поставлена задача — ликвидировать «банду предателей». На этом моменте особенно следует заострить внимание, так как некоторые современные специалисты, пытаясь затушевать неудачу «народных мстителей» в Локте, стараются представить это нападение только как акцию по уничтожению К.П. Воскобойника.

Фирсанов также сообщает интересные подробности о деятельности подполья в Комаричах во главе с П.Г. Незымаевым и А.И. Енюковым, которые привлекли на сторону партизан офицеров РОНА П. Фандющенко и Ю. Малахова. Кроме того, автор

¹ Фирсанов К.Ф. Как ковалась Победа / За линией фронта. Очерки. Тула, 1968. С. 5—85; Фирсанов К.Ф. Так воевали чекисты. М., 1973. 163 с.

² Морозов В.К. Врагу от нас не уйти / За линией фронта. Очерки. Тула, 1968. С. 125—143.

³ Засухин В. Специальное задание / Фронт без линии фронта. М., 1970. С. 110—131.

⁴ Забельский М.А. На «малой» земле / Незримого фронта солдаты. Сборник воспоминаний. Тула, 1971. С. 259—266.

⁵ Григоров М.С. Грозовые дни / Незримого фронта солдаты. Сборник воспоминаний. Тула, 1971. С. 212—258.

называет фамилию одного из руководителей операции по захвату деревень Тарасовка и Шемякино — М.А. Забельского, рассказывает о беспощадной борьбе между партизанами и каминцами в 1942—1943 гг. Ветеран КГБ признает: предпринятые чекистами меры по ликвидации обер-бургомистра успехом не увенчались.

Тем не менее, воспоминания Фирсанова имеют и множество изъянов. Так, автор продолжает придерживаться мифа, что партизаны, напав на Локоть, одержали полную победу и, более того, уничтожили весь актив партии «Викинг», после чего НСПР якобы навсегда прекратила свое существование. Победными реляциями наполнен и рассказ об успешном отражении партизанами в мае — июне 1943 г. карательной экспедиции (операция «Цыганский барон»), хотя «народные мстители» оказались в окружении, понесли большие потери, а движение к фронту немецких эшелонов с живой силой и техникой остановить не смогли. Операция по захвату Тарасовки и Шемякино освещена Фирсановым весьма бегло. Об успешном штурме деревень каминцами он ничего не сказал.

Интересные факты приводились и в очерке бывшего оперуполномоченного Мглинского РО НКВД В.К. Морозова. Чекист приводил сведения из довоенного личного дела первого бургомистра Локтя. Сослался он и на допрос жены «коварного и хитрого врага» — А.В. Колокольцевой-Воскобойник. Поскольку Морозов не участвовал в нападении на Локоть, то его версия уничтожения Воскобойника доверия не вызывает. Зато к захвату деревень Тарасовка и Шемякино автор имел прямое отношение. Еще осенью 1941 г. Морозов лично завербовал старосту деревни Шемякино Машурова. Тот исправно снабжал чекистов оперативной информацией, и он же помог партизанам без боя овладеть населенными пунктами. В плен было взято «150 изменников и предателей Родины».

Кратко автор рассматривает отражение партизанами немецкой экспедиции «Цыганский барон». Морозов неправильно называет номер войскового объединения вермахта, соединения и части ко-

того участвовали в оперативных мероприятиях. Смехотворно выглядит и авторская попытка сопоставить бронетанковые силы германских войск, привлеченных к боевым действиям, с партизанской бронетехникой (11 единиц различной модификации), якобы оказавшей упорное сопротивление.

Наконец, Морозов скрыл от читателей факт снятия Д.В. Емлютина с должности командира объединенных партизанских бригад южного и юго-западного направлений ввиду его фактической неспособности адекватно руководить «народными мстителями» (сказалось отсутствие у Емлютина военного образования, незнание им общевойсковой тактики и оперативного искусства).

Небезынтересными представляются воспоминания бывшего заместителя начальника отдела управления НКВД по Брестской области В. Засухина. В годы войны он получил специальное задание — парализовать работу абвергруппы-107, чье отделение, находившееся в Локте, постоянно засылало в партизанские отряды свою агентуру. Кроме этого, была поставлена и другая важная задача — ликвидировать Б.В. Каминского.

Засухин подробно описывает, как проводилась оперативная работа по сбору информации о немецких частях, дислоцировавшихся на территории Локотского самоуправления, как готовилось очередное покушение на обер-бургомистра. Автор раскрывает детали этой секретной операции, во время которой Каминскому передали книгу с вложенной в нее двухсотграммовой шашкой тола с взрывателем. Однако обер-бургомистру вновь сопутствовала удача: он вовремя успел избавиться от партизанского «подарка».

Затрагивая проблемы, связанные с Локтем и бригадой Каминского, нельзя не упомянуть художественное произведение ветерана КГБ А.Н. Васильева «В час дня, ваше превосходительство...», впервые опубликованное в журнале «Москва» (1967). Хотя значительное место в романе отводилось изобличению «власовского движения», несколько страниц посвящено и Локотскому самоуправлению. Разумеется, ничего нового Васильев в своем опусе не сообщил — все сказанное им уже было озвучено в различных

партизанских воспоминаниях. К моменту выхода романа отдельным изданием (1973) мемуары «народных мстителей» еще более обогатились ценным фактическим материалом.

Так, в 1971 г. были опубликованы воспоминания Ф.Е. Шлыка и П.С. Шопы «Во имя Родины»¹, в которых авторы впервые остановились на теме переброски бригады Каминского в Белоруссию, о боях, сопровождавших ее появление в тыловом районе 3-й танковой армии вермахта. Бывшие партизаны, кроме того, рассказали, как разведчики соединения «Дубова» (командир — Ф.Ф. Дубровский) пытались «распропагандировать» начальника разведки РОНА майора Б.А. Костенко (в воспоминаниях он проходит под фамилией Краснощеков). Авторы (по вполне понятным причинам) не говорят, чем закончилась оперативная игра (она завершилась провалом, так как Костенко не перешел на сторону партизан), но их мемуары расширили представление интересующейся аудитории о пребывании каминцев на оккупированной территории Белоруссии.

В 1973 году выходит 3-е издание мемуаров бывшего начальника БШПД П.З. Калинина «Партизанская республика». В его воспоминаниях неоднократно упоминается бригада РОНА и ее антипартизанская деятельность².

В 1975 году появляются мемуары членов бюро Витебского обкома КП(б) Б — Я.А. Жилинина (второй секретарь обкома), И.Б. Пожнякова (секретарь обкома) и В.И. Лузгина (первый секретарь обкома комсомола) «Без линии фронта». Партизаны-партийцы в очередной раз обращаются к вопросу переброски РОНА в Белоруссию, упоминают о переходах каминцев на советскую сторону (роты Проваторо-

¹ Шлык Ф.Е., Шопы П.С. Во имя Родины. Минск, 1971. 224 с.

² В частности, П. Калинин, приводя боевое расписание немецких сил и средств, выделенных для операции «Весенний праздник», пишет о частях «под командованием предателя Каминского». См.: Калинин П.З. Партизанская республика. 3-е изд. Минск, 1973. С 343. См. также: Калинин П.З. Партизанская республика. Москва, 1964. 336; Калинин П.З. Партизанская республика. 2-е изд. Минск, 1968. 382 с.

ва, артиллеристов из дивизиона капитана Малахова; есть информация о казни командира 2-го полка майора Тарасова). В книге (правда, в урезанном виде) опубликован приказ Каминского от 15 февраля 1944 г. о передислокации некоторых подразделений в город Дятлов. Авторы почему-то решили, что этот документ свидетельствовал о «бегстве» всех каминцев в Барановичскую область, о неспособности соединения противостоять ударам «народных мстителей». На самом деле ситуация выглядела далеко не так, и боевые части бригады постоянно привлекались к операциям¹.

О борьбе советских патриотов против каминцев также пишет Герой Советского Союза, бывший командир партизанского соединения Борисовско-Бегольской зоны Р.Н. Мачульский². Об этом же рассказывает в своих воспоминаниях и Герой Советского Союза, бывший командир партизанской бригады «Железняк» И.Ф. Титков. Он приводит факты участия РОНА в боевых действиях осенью 1943 г.³

В 1978 г. в Москве был опубликован документальный роман В.П. Рослякова «Последняя война»⁴. Автор, писатель и журналист, воевал в составе брасовского отряда «За Родину», позже работал при штабе Д.В. Емлютина — в газете «Партизанская правда». Несколько страниц произведения посвящено нападению на Локоть. Опираясь на документы и рассказы очевидцев, Росляков попытался представить красочную картину уничтожения предателей. Немало место в романе уделено фигуре Воскобойника. Перед читателями он предстает в облике продажной личности,

¹ *Жилянн Я.А., Поздняков И.Б., Лузгин В.И.* Без линии фронта. Минск, 1975. 320; *Жилянн Я.А., Поздняков И.Б., Лузгин В.И.* Без линии фронта. 2-е изд. Минск, 1979. 382 с.

² См.: *Мачульский Р.Н.* Вечный огонь. Партизанские записи. Минск, 1965. 447 с; *Мачульский Р.Н.* Вечный огонь. Партизанские записи. 2-е изд. Минск, 1969. 462; *Мачульский Р.Н.* Вечный огонь. Партизанские записи. 3-е изд. Минск, 1978. 446 с.

³ *Титков И. Ф.* Бригада «Железняк». Минск, 1976. 272 с.; *Титков И. Ф.* Бригада «Железняк». 2-е изд. Минск, 1982. 270 с.

⁴ *Росляков В.П.* Последняя война. М., 1978. 462 с.

алкоголика, который вместе с Каминским пил ночью 8 января 1942 г. водку, произносил пространные речи о будущей России и грозился сурово покарать «лесных бандитов». Вскоре, однако, бургомистр был сражен партизанскими пулями. Ближайшему окружению Воскобойника пришлось ждать, когда завершиться налет, только после этого раненого занесли в дом, положили на письменный стол, на котором он и скончался.

Произведение Рослякова наполнено выдумками и мифами. Видно, что в своем повествовании автор придерживается версии, которую ранее озвучивали Н.И. Ляпунов и Д.В. Емлютин. Пожалуй, единственным достоинством романа Рослякова является цитирование им приказов германского командования и Локотского самоуправления.

В 1984 г. была издана документальная повесть Г.О. Осипова «Пароль — “Наступает осень...”»¹. Автор, историк-краевед и журналист, на протяжении четверти века по крупицам собирал факты о деятельности подпольщиков в Комаричах. За годы работы Осипову удалось накопить немало информации. Во-первых, исследователь проинтервьюировал бывших партизан и подпольщиков, вел с ними активную переписку; во-вторых, историк работал в областном архиве, документы из которого помогли ему реконструировать ряд событий и представить любопытную картину подпольной борьбы. И в-третьих, Осипов немало внимания уделил Локотской автономии, Воскобойнику и Каминскому, а также милицейским формированиям, находившимся на службе в Комаричах.

Центральной фигурой повести является руководитель подпольной группы П.Г. Незымаев. Осипов подробно останавливается на том, как он возглавил комаричскую организацию, кто в нее входил, как действовали подпольщики против немцев и каминцев. Автор раскрывает перед читателями детали подготовки операций, указывает на роль НКВД в их осуществлении, приводит немало нюансов, имевших отношение к функционированию Локотской администрации, ее судебных и хозяйственных орга-

¹ Осипов Г.О. Пароль — «Наступает осень...». М., 1984. 159 с.

нов, к боевой деятельности бригады РОНА, взаимодействию коллаборационистов с немецкими спецслужбами.

Однако, несмотря на большую работу, проделанную исследователем, и многие интересные факты, обнаруженные им, Осипову не удалось избавиться от штампов и мифов, заимствованных из ряда партизанских мемуаров. Автор пытался придерживаться исторической хронологии, особенно в описании деятельности администрации Каминского, но, сосредоточившись в основном на партизанских документах и воспоминаниях, допустил ряд ошибок, искажающих действительный ход событий.

В 1985 г. было опубликовано третье издание мемуаров П.Л. Лебедева «Мы — алексеевцы»¹. В годы войны автор был разведчиком в партизанской бригаде Алексея Данукалова, выполнял задания по сбору сведений о немецких гарнизонах, в которых происходила концентрация сил перед антипартизанскими операциями. Одно из таких заданий заключалось в том, чтобы узнать численность и вооружение каминцев, прибывших в населенный пункт Оболь Сенненского района Витебской области. В книге Лебедева описываются боевые действия партизан против 4-го батальона 2-го полка РОНА, произошедшие 25 августа 1943 г. Как следует из повествования, 4-й батальон, включая командира, был уничтожен в ходе боя. Тем не менее при сопоставлении разных данных информация Лебедева не подтверждается. В бою с «алексеевцами» была разгромлена одна рота каминцев. Не был убит и командир части — Голяков (у Лебедева — Гляков).

Воспоминания Лебедева, таким образом, несут в себе искаженную информацию, почерпнутую из донесения А.Ф. Данукалова в БШПД². Вместе с тем в мемуарах бывшего партизана приведены

¹ *Лебедев П.Л. Мы — алексеевцы. Записки партизанского разведчика.* 3-е изд. Минск, 1985. 415 с.

² См.: Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944): Документы и материалы. В 3-х т. Т. 2. Развитие всенародного партизанского движения во второй период войны. Книга вторая (июль — декабрь 1943). Минск, 1978. С. 177—178.

факты о передислокации РОНА в Белоруссию летом 1943 г., об ожесточенной борьбе подчиненных Каминского с белорусскими «народными мстителями».

Значительный массив партизанской литературы, в которой встречаются эпизоды, связанные с деятельностью Локотской автономии и бригады РОНА, позволяет сделать вывод, что администрация Каминского и вооруженные формирования, созданные при его непосредственном участии, оказались весьма эффективными военно-политическими и хозяйственными институтами. Конечно, в советское время об этом невозможно было писать открыто, но, в любом случае, партизанские воспоминания были первыми источниками по локотской проблеме в СССР. Пять Героев Советского Союза (А.Н. Сабуров, Д.В. Емлютин, В.Е. Лобанок, Р.Н. Мачульский, И.Ф. Титков) рассказывают о борьбе против Каминского. Уже один этот факт говорит о многом.

Как ни странно, вопросы Локотской автономии и служебно-боевой деятельности РОНА очень неохотно освещались представителями «второй волны» эмиграции (в то же время власовское движение авторами-эмигрантами описано довольно подробно). Вероятно, это объясняется нежеланием большинства бывших каминцев афишировать свою службу в соединении, пользующемся в Русском Зарубежье не самой лучшей репутацией.

Следует вспомнить, что дискредитация Каминского и его вооруженных формирований фактически началась еще во время войны. Так, некоторые нацисты попытались списать эксцессы, происходившие в ходе подавления Варшавского восстания, чуть ли не исключительно на каминцев. Политики из власовского окружения (прежде всего, из числа членов Национально-трудового союза, НТС), в свою очередь, были крайне недовольны тем, что Каминский пытался вести свою игру и отказался признать Власова в качестве «вождя Русского освободительного движения». Поэтому даже после смерти командира 29-й дивизии СС отношение к его подчиненным было, как правило, резко негативным. Этот тренд обрел новую силу в послевоенные годы.

Эмигрантские авторы, дерзнувшие апологетически (или даже просто объективно) подойти к истории формирования Каминского, подвергались со стороны НТС едким нападкам. Неудивительно поэтому, что многие предпочли молчать, а если и делились воспоминаниями, то на условиях анонимности.

Последнее относится, в частности, к респондентам так называемого «Гарвардского проекта опроса беженцев» (Harvard Interview Project), созданного фактически в интересах американских разведывательных служб. В рамках проекта, в течение нескольких послевоенных лет, по всему свободному миру были проведены массовые опросы эмигрантов, репатриантов и перемещенных лиц из СССР и стран Восточной Европы. Интервью проводили опытные американские исследователи, в числе которых был и историк Александр Даллин, впоследствии положивший проведенные им интервью в основу своих научных работ, посвященных коллаборационизму на оккупированных территориях СССР.

В настоящий момент представляется возможность выявить некоторые имена респондентов. Так, в данном сборнике публикуется интервью с бывшим полковником РОНА Г.Д. Белаем, данные которого А. Даллин активно использовал при написании работы, посвященной бригаде Каминского (1972), и невольно «расшифровал» своего респондента, назвав того «бывшим полковником РОНА». Поскольку других «бывших полковников РОНА» в эмиграции не было, ответить на вопрос, кто же скрывается за соответствующим безликим номером, не составило особого труда.

Что касается публицистических работ, вышедших из-под пера эмигрантов-каминцев, то их можно пересчитать по пальцам. Одним из первых авторов, рискнувших затронуть тему альтернативных власовскому движению антибольшевистских военных формирований, стал Михаил Голубовский (псевдоним — Бобров). Следует отметить, что этот профессиональный журналист (до войны он был корреспондентом таких изданий, как газеты «Известия» и «Труд») перешел на сторону противника уже летом 1941 г., и в дальнейшем возглавлял целый ряд коллаборационист-

ских оккупационных печатных органов. В Белоруссии он вступил в партию Каминского — Национал-социалистическую трудовую партию России — и со временем стал играть в ней довольно значительную роль, попытавшись даже совершить своеобразный переворот. Как пишет А. Даллин, *«амбициозный и энергичный Бобров... устал от бездействия и чопорности Сошальского»* (псевдоним профессора истории Дмитрия Кончаловского, который к тому времени возглавлял минское отделение НСТПР) и, *«посоветовавшись с Каминским в Дятлово в конце мая 1944 г. ... договорился с курирующими партию германскими официальными лицами в Минске вытеснить Сошальского»*¹. Впрочем, этот эпизод никакого практического значения уже не имел: вскоре Бобров эвакуировался вместе с немцами и каминцами на Запад.

В 1949 г. он опубликовал в парижском журнале «Возрождение» статью «Страшное безмолвие России», значительная часть которой была посвящена РОНА². Весьма вольно трактуя факты, Бобров предпринял попытку реабилитировать от нападок некоторых эмигрантских кругов хотя бы часть каминцев. Он с явной симпатией описал деятельность и личность Воскобойника (которого, впрочем, лично не знал), а во всех последующих негативных явлениях прямо обвинил Каминского и его ближайшее окружение: *«Так из замечательного начинания Воскобойникова и его друзей, политических узников большевизма, родилась “русская дивизия СС”, так люди с нечистой совестью и грязными руками воспользовались антибольшевистским порывом народа»*.

Другой известный эмигрантский публицист, Борис Башилов, в годы войны также служивший у Каминского на пропагандистских должностях, пошел несколько дальше (в 1948 г. он порвал с НТС, что развязало ему руки). В конце 1952 г. он опубликовал в газете И.Л. Солоневича «Наша страна» пространную статью

¹ Даллин А. Указ. соч. С. 75.

² Бобров М. Страшное безмолвие России / «Возрождение» (Париж). 1949. № 6. С. 130—132.

«Правда о бригаде Каминского»¹, частично опровергающую выводы Боброва. Так, он называет Каминского «талантиливым военачальником», а причиной печальных эксцессов называет то, что обер-бургомистра по трагическому стечению обстоятельств окружили *«морально нечистоплотные элементы из числа немецких и большевистских агентов»*. Чуть позже *«Каминский... перестал верить в удачу дела, начал пьянствовать и сквозь пальцы смотреть на те безобразия, которые стали творить в отдельных случаях над партизанами и населением подчиненные ему отдельные военачальники»*. Такая трактовка в принципе соответствует фактам, изложенным некоторыми другими каминцами (в том числе, Г. Белаем). Однако далее по какой-то причине Башилов вводит читателя в заблуждение, утверждая, что Каминский якобы отказался от участия в подавлении Варшавского восстания.

Подводя итог, Башилов называет Каминского «жертвой безвременья»: *«Будь политическая обстановка менее сложной и найдись люди, которые поддержали бы Каминского на первом этапе его деятельности, после смерти Воскобойника, он мог бы стать выдающимся деятелем в антибольшевистской борьбе»*.

В 1954 г. бывший заместитель редактора орловской оккупационной газеты «Речь» В.Д. Самарин (Соколов), лично знавший Каминского, опубликовал работу «Гражданская жизнь под немецкой оккупацией»², в которой одну из глав посвятил локотской проблеме. В целом оценки Самарина близки к трактовке Башилова. Он характеризует Каминского следующим образом: *«Поляк по происхождению, но, по всем свидетельствам, убежденный русский патриот, антибольшевик... Личность самого Каминского представляет несомненный интерес. В нем наблюдалась некоторая двойственность. С одной стороны, это был человек большого*

¹ Башилов Б. Правда о бригаде Каминского / «Наша страна» (Буэнос-Айрес), 13 декабря 1952, № 152. С. 3, 6.

² Samarina V.D. Civilian life under the German Occupation. 1942—1944. N.Y., 1954. P. 82—86.

*лично́го мужества и храбрости, с друго́й стороны, истерик. Че-
ловек несомненно одаренный, хороший организатор и талантливый
военачальник, он не знал, однако, чувства меры».* Самарин
очень высоко оценивает боевые качества РОНА, с похвалой от-
зывается о личном составе бригады. Однако и этот автор не ушел
от того, чтобы мистифицировать читателя сообщением о реши-
тельном отказе Каминского участвовать в подавлении Варшавы.
По словам публициста, после этого немцы убили Каминского
(в то же время Башилов допускает, что командира дивизии могли
убить и поляки, а Бобров прозрачно намекает, что Каминский и
вовсе пал жертвой неких таинственных антибольшевиков, кото-
рые выступали против немцев).

В дальнейшем в эмигрантской прессе тема РОНА тщательно
обходила стороной, а сам Каминский воспринимался большин-
ством эмигрантов в негативном ключе. Было предпринято лишь
несколько почти незамеченных попыток как-то изменить эту тен-
денцию. Одной из подобных попыток стала статья бывшего кол-
лаборациониста Романа Днепров (Рюрика Дудина) «Власовское
ли?», опубликованная в 1980 г. в журнале «Континент»¹. Автор
попытался заявить, что в Каминском *«не все было так черно, как
об этом пишут»*, но при поиске аргументов стал прибегать к пря-
мой подтасовке фактов. Например, он пишет, что историк А. Дал-
лин *«то ли случайно, то ли сознательно прошел мимо ряда до-
кументов в немецких архивах, которые выставляют Каминского
в несколько ином свете. Например, письмо Каминского Гитле-
ру, которое, будь оно отправлено немцами по адресу, принесло
бы Каминскому смерть значительно раньше осени 1944 года».*
Однако Даллин весьма подробно останавливается на указанном
письме обер-бургомистра фюреру, подробно цитирует его и пи-
шет: *«Группа армий “Центр” направила это письмо в Берлин с
благоприятными сопроводительными характеристиками. Гит-*

¹ Днепров Р. «Власовское» ли? / «Континент» (Мюнхен). 1980, № 23.
С. 287—312.

лер, очевидно, получил эту информацию и, насколько известно, в конце марта утвердил проведение эксперимента»¹ (по созданию Локотского округа).

Помимо вышеуказанных воспоминаний и материалов мы сочли нужным опубликовать в данном сборнике и мнение видного члена НТС Романа Редлиха², который в годы войны также находился в рядах движения Каминского и, в отличие от подавляющего числа своих коллег по Союзу, относился к командиру 29-й дивизии вполне лояльно.

В заключение следует сказать, что в современной России, к сожалению, все еще находятся полуграмотные спекулянты от истории, пытающиеся применить свои в высшей степени сомнительные взгляды к теме Локотской автономии. Мы искренне надеемся, что данный сборник хотя бы в какой-то мере будет способствовать дальнейшему объективному изучению локотского феномена и станет для адекватных исследователей подспорьем в деле разоблачения попыток фальсификации истории Отечества.

Д. Жуков, И. Ковтун

¹ Даллин А. Указ. соч. С. 29—30.

² Редлих Р.Н. В бригаде Каминского / Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сб. статей, воспоминаний, документов / Под общ. ред. А.В. Огорокова. М.: Архив РОА, 1998. Вып. 2. С. 431—442.

Часть первая

ВОСПОМИНАНИЯ СОВЕТСКИХ ЧЕКИСТОВ И ПАРТИЗАН

А.Н. Сабуров¹

ИЗ КНИГИ «ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА»

...Мы сидим в командирской землянке. По обеим сторонам деревянные нары. В углу стоит железная бочка, приспособленная под печь. Посредине стол. Начальник штаба раскладывает на нем карту района. Тут же жена командира — она, оказывается, живет в отряде. Докладывает командир²...

¹ Сабуров Александр Николаевич (1908—1974). Образование среднее. В органах НКВД УССР с 1938 г. В 1941 г. — комиссар истребительного батальона, майор НКВД; принимал участие в обороне Киева. Осенью 1941 г. организовал партизанский отряд, действовавший в Сумской и Орловской областях. С марта 1942 г. командир партизанского соединения, с сентября 1942 г. — член подпольного ЦК КП(б)У. Герой Советского Союза (1942), генерал-майор (1943). С ноября 1942 г. — начальник штаба по руководству партизанским движением Житомирской области. В 1954—1957 гг. возглавлял Главное управление пожарной охраны МВД СССР. Приведенные воспоминания публикуются по: *Сабуров А.Н.* За линией фронта. (Партизанские записи). Книга первая: Партизанский край. М., 1953. 320 с.

² Речь идет о первом командире брасовского партизанского отряда «За Родину» Василии Андреевиче Капралове. В последующем Капралов был расстрелян за убийство полкового комиссара, а также за многочисленные факты дезертирства, пьянства и мародерства, имевшие место в отряде. — *Примеч. ред.*

Нет, это не командный доклад. Легко и плавно течет речь. Слова пустые, невесомые — вылетают и словно тут же тают в воздухе. Ну, прямо голубок воркует.

Хорошо, привольно голубку. Чистое синее небо. Ласково светит солнышко. На полочке вкусные зернышки. Сейчас голубка выйдет из голубятни. Он поворкует с ней и опять взлетит в безоблачную высь...

По мнению командира, в районе все обстоит как нельзя лучше. Отряд собран. Землянки построены. С водой вопрос разрешен: костер горит днем и ночью — дежурные непрерывно плавят снег. Начинает налаживаться связь с селами, даже с райцентром. Немцы исчезли... Только в самом Брасове остался крохотный гарнизон. Правда, в Локте Воскобойников [так в тексте, правильно — Воскобойник. — *Примеч. ред.*] организывает «партию», но в нее никто не идет, и она развалится сама собой... Одним словом, в районе все блестяще. А тут еще наша армия наступает. Говорят, партизаны захватили Суземку...

— Короче, гроза проходит, — говорит Капралов. — Горизонт очищается. Теперь можно начинать действовать. Думаем завтра Игрицкое брать, — торжественно заканчивает он и, довольный собой, садится.

Я слушаю его, и во мне все кипит. Хочется разбить это благодушие, взволновать, заставить заняться делом.

— Игрицкое? — переспрашиваю я. — А вам известно, что позавчера Игрицкое заняла полиция, и в селе обосновался крупный полицейский гарнизон?

— Вот как?.. Это для нас новость, — удивленно замечает Капралов и замолкает до конца нашей беседы. Словно в небе неожиданно появился ястреб, и голубок сник, спрятался в голубятню...

Поднимается секретарь райкома.

— Должен признаться, товарищи, я новичок в партийной работе, а в подпольной тем более: все наши секретари ушли в армию, и мне неожиданно поручили это дело... Трудно было в первые дни. Очень трудно. Тем более что недостатков — хоть пруд ими

пруды. Сейчас как будто начинаем понемногу налаживать работу. Вчера выбрали бюро райкома. Наметили план. Одно горе — никак не можем договориться с командиром. Он считает, что райком мешает ему. Поэтому и решил встретиться с вами и просить помочь нам.

Чуть помолчав, секретарь продолжает, обращаясь к Капралову:

— Плохо ты говорил, командир. Очень плохо. Зря так небрежно отмахиваешься от «партии» в Локте. Уже только тот факт, что в нашем районе появилась такая нечисть, позор для нас обоих — для тебя, командира, и для меня, комиссара отряда и секретаря райкома. Мне известно, что охрана Воскобойникова состоит из старых опытных царских офицеров. Их собрали отовсюду — из Франции, Чехословакии, Польши. Это — ядро. И пусть народ не идет к ним, но в Локоть потянется всякая шваль, отбросы, накипь, которой нечего в жизни терять... Вот, не угодно ли...

Секретарь протягивает мне «Манифест» и «Декларацию», выпущенные Воскобойниковым¹.

Быстро проглядываю оба документа. Это какая-то мешанина: тут «единая неделимая Русь» и «долой большевиков», и «священная частная собственность», и «права трудящихся». Вместе с офицерским ядром «партии» все это невольно напоминает мне те заговорщические «группы» и «партии», что десятками создавала на нашей земле Антанта в годы становления советской власти...

— А что если мы возьмем в ваш отряд две боевые вооруженные группы во главе с командиром артиллерийского полка и комиссаром авиаполка? — предлагаю я, думая о Балясове и Тулупове.

— Это было бы прекрасно! — охотно соглашается секретарь. — Они отряд укрепят, райкому помогут.

¹ Речь идет о «Манифесте Народной социалистической партии России», опубликованном в Локте 25 ноября 1941 г. Под «Декларацией», скорее всего, следует понимать «Приказ № 1», изданный тогда же. Текст этих документов см.: Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник. СПб., 2011. С. 168—171. — *Примеч. ред.*

— У нас и так командуют все, кому не лень! — недовольно замечает Капралов. — А вы еще хотите начальников добавить. Скоро у нас будет больше командиров, чем бойцов.

— Зазнайство! — резко обрывает Богатырь. — Вы еще пороха не нюхали, а разыгрываете из себя невесть что.

Останавливаю Захара и предлагаю назначить Балясова заместителем командира отряда, а Тулупова — командиром группы бойцов, которые будут влиты брасовцам.

— В связи с этим хочу предложить освободить меня от комиссарских обязанностей, — вступает в разговор секретарь райкома. — Мне трудно быть одновременно и секретарем, и комиссаром. Да едва ли и целесообразно такое совмещение... Может быть, назначим комиссаром товарища Тулупова?

— Мне кажется, об этом сегодня рано говорить, — замечает Богатырь. — Вы поближе приглядитесь к новым товарищам, они познакомятся с вами. Тогда и решите. Тем более, это дело райкома.

На этом пока наша беседа кончается.

Поздно вечером Захар приводит группы Балясова и Тулупова. Начинается практическая организация приема, и Капралов снова вскипает:

— К черту! Все брошу! Пусть райком командует!

Снова приходится Захару и секретарю резко одергивать его. Наконец он успокаивается, подписывает приказы, заверяет, что ничего подобного не повторится.

Поздно ночью выхожу из землянки и сажусь около неугасимого огня. Рядом со мной пожилой партизан, очевидно, ведающий хозяйством у брасовцев.

— Конь у вас хорош, ничего не скажешь, — любитесь он стоящей неподалеку Машкой. — Лес бы ему возить. Вот зазвенели бы тогда колоды в лесу.

Завязывается разговор. Оказывается, мой собеседник — потомственный лесоруб и страстный любитель лошадей.

Из командирской землянки доносится возбужденный разговор. Отчетливо слышны гневные окрики Капралова. Как будто идет спор о том, ехать или не ехать в села на заготовку продуктов.

Из землянки выходят люди.

— Сказано тебе: командир приказал не ехать, — доносится голос.

— А чем людей кормить будем?

— Отставить! — несется из землянки.

— Ваш командир всегда такой грозный? — спрашиваю моего собеседника.

Он медленно скручивает козью ножку и закуривает от уголька.

— По-разному. Сегодня так, завтра этак... Вот была у меня кобыла до войны, — неожиданно начинает он. — Норовистая кобыла, что и говорить. Такой по всей округе днем с огнем не сыщешь. Бывало, едешь — все хорошо. Но чуть что не по ней — не так вожжи натянул, не так крикнул или, скажем, не по той дороге поехал, какая ей по сердцу сегодня, — стоп. Ни с места. Ноги расставит, хвост направо, морду налево — и конец. Одним словом, лукавит: может везти, а не везет. И тут ты ей хоть кол на голове теши — не упустишь. Словом, деликатного воспитания кобыла.

Старик сладко затягивается и продолжает:

— Вот еду я как-то по лесу, и что-то ей не по нутру пришлось. А что — невдомек мне. Только стала она и ноги врозь. Я давай ей ласковые слова говорить, кнутом стегать — ничего. Тут сосед меня догоняет, на станцию торопится. А дорога, как на грех, узкая — никак не объедешь. Подходит сосед, смотрит, как я ее кнутом лупцую, и говорит: «Брось, Иван. Кобыла к твоему обращению привыкла. Дай-ка я попробую». Выломал хворостину — да как вытянет ее по заду. И что бы ты думал? Пошла! Да как пошла! Откуда только сила взялась... Вот и люди такие же норовистые бывают, — улыбается старик. — Ты им и так и этак — они ни с места. А новый человек придет, проберет разумным строгим словом — и порядок...

Утром ко мне приходят Капралов, Балясов, Тулупов, Богатырь.

— Всю ночь сидели, но кое-что сделали, — улыбается Захар.

Они действительно многое сделали: выработали новую структуру отряда, составили план регулярных стрельбищ и строевой подготовки, наметили ближайшие операции.

— Словом, скоро брасовцы пойдут в бой, — замечает Богатырь.

Отряд как будто прочно становится на ноги.

* * *

Наконец-то явился Буровихин!¹

Он все такой же — ровный, собранный, спокойный. Только внешность его чуть изменилась: на нем новый полушубок, мерлушковая шапка и добротные, выше колен, брюки, отороченные желтой кожей.

— Подарок моего «друга», трубчевского коменданта, — улыбается он.

...Докладывает Буровихин, как всегда неторопливо, останавливаясь только на главном.

Пришел в Севск. Тамошний комендант немедленно связал его с Воскобойниковым. Тот назначил Буровихина заместителем дежурного коменданта по охране «центрального комитета партии». В Локте около трехсот пятидесяти головорезов, в основном бывшие белые офицеры. Они хорошо вооружены: двадцать семь пу-

¹ Василий Буровихин — партизанский агент, действовавший осенью — зимой 1941 г. в южных районах оккупированной Орловской области. Буровихин владел немецким языком, поскольку до Октябрьского переворота был батраком у немецких колонистов с Поволжья. В начале войны Буровихин был ранен и попал в лагерь для военнопленных в Брянске. Воспользовавшись знанием немецкого языка, Буровихин выдал себя за Отто Шульца, сына своего бывшего хозяина-колониста. Это помогло ему покинуть лагерь и начать разведывательную деятельность в пользу партизан Сабурова. Одним из заданий Буровихина было проникнуть в административные органы Локтя. Он сошелся с бургомистром Трубчевска Павловым, пользуясь покровительством которого, сумел войти в доверие к коменданту Севска, а через него — познакомиться с Воскобойником. — *Примеч. ред.*

леметов, около десяти минометов, автоматическое оружие, большие склады боеприпасов.

Что это за «партия», Буровихин точно сказать не может. Читал «Манифест» и «Декларацию»...

— Знаем. Дальше, — перебивает Пашкевич.

Воскобойников в минуту откровенности объяснил Буровихину, почему своей резиденцией он выбрал Локоть.

Оказывается, земли вокруг Локтя якобы принадлежали когда-то царице Марфе, жене царя Федора Алексеевича, урожденной Апраксиной. После смерти Федора и Марфы Петр I передал эти земли своему любимцу, графу Петру Апраксину. Впоследствии Локоть стал центром бескрайнего великокняжеского имения. Одним словом, за весь обозримый период русской истории Локоть был тесно связан с царской фамилией, и поэтому Воскобойников считает вполне закономерным, что именно из Локтя «засияет свет новой возрожденной России».

— Чушь. Нелепость какая-то, — бросает Пашкевич. — Об этом нельзя серьезно говорить.

— Мне тоже кажется, что это всего лишь вывеска, — замечает Буровихин. — К тому же аляповатая вывеска. Суть в другом.

Воскобойников обмолвился Буровихину, что Локоть выбран его резиденцией не только потому, что имеет историческое значение. Он стоит на опушке Брянских лесов — цитадели партизан, которые сегодня являются основным врагом Воскобойникова: они мутят народ, поднимают его на борьбу за советский строй, ни в какой мере не совместимый, конечно, с будущностью «новой России».

— Ясно одно, — заключает Буровихин. — В Локте идет сложная, непонятная мне игра: уж очень не вяжется с фашистской политикой существование самостоятельной «партии». А с другой стороны, быть может, это всего лишь новая форма борьбы с партизанами руками русских эмигрантов — ведь придумали же фашисты полицию из наших отбросов?

— Может быть... Но все-таки, кто такой Воскобойников? — спрашивает Пашкевич.

— Подставное лицо, марионетка, кукла, — уверенно заявляет Буровихин. — Настоящий хозяин этого предприятия — полковник Шперлинг¹ со своим подручным Половцевым.

О них Буровихин кое-что уже успел разузнать.

Половцев в далеком прошлом — белый офицер и приближенный генерала Корнилова. Отец Половцева, крупный таганрогский помещик, был закадычным другом генерала. Вместе с Корниловым Половцев прошел весь его путь: бои в Галиции, расстрел в Петрограде рабочей демонстрации весной 1917 года, Ставка Верховного главнокомандующего при Керенском, неудачный поход на Петроград, бегство на Дон, добровольческая армия и последние бои на Кубани, когда Красная армия разгромила белых. Дальше, после смерти Корнилова, в биографии Половцева провал...

Шперлингу около шестидесяти лет. Не в пример большинству гестаповских офицеров — образован, культурен, начитан; в совершенстве знает французский и английский языки и свободно говорит по-русски. Изъездил весь мир: был в Азии, Америке, немецких африканских колониях, несколько лет жил в России...

— А известно тебе, что Шперлинг и Половцев охотятся за тобой? — И Пашкевич рассказывает о нашем разговоре с Мусей.

— Да, я заметил, они приглядываются ко мне, — задумчиво говорит Буровихин. — Когда в ту ночь после рождественской попойки Шперлинг прощался со мной, он задержал мою руку и, любезно улыбаясь, сказал: «Пользуясь правом своего возраста, я позволю себе дать полезный совет молодому человеку. У каждого из нас есть большая или маленькая тайна. Не спешите рассказывать о чужой тайне до тех пор, пока полностью удостоверитесь,

¹ По известным на данный момент документам, фамилии «Шперлинг» в списках офицеров немецкой военной разведки, действовавших на оккупированной территории Брянщины, нет. Вполне возможно, что за этой фамилией (оперативным псевдонимом) скрывался другой офицер абвера. Также возможно и то, что Шперлинг — вымышленный Сабуровым персонаж. — *Примеч. ред.*

что тот, о ком вы говорите, не раскроет вашей тайны. Спокойной ночи»... Да, умная, хитрая, опасная bestия.

— Почему он заподозрил, что ты связан с партизанами? — спрашивает Пашкевич. — На чем ты споткнулся?

— Нет, Шперлинг не думает, что я партизан, — уверенно замечает Буровихин. — Иначе он немедленно бы арестовал меня. Шперлинг боится, что я агент гестапо. Но почему?.. Это, конечно, связано с Воскобойниковым... Знаете, что пришло мне в голову? Может быть, Шперлинг и вся эта компания замешана в каком-нибудь заговоре против Гитлера? Может быть, намечается в Берлине «дворцовый переворот»?.. Черт его знает... Но, как бы там ни было, они не посмеют расправиться со мной: за моей спиной стоит гестапо. Да и не успеют... Когда намечен удар по Локтю?

— Скоро, Буровихин. Скоро. Остаются считанные дни.

— Тем более... Нет, все будет хорошо, товарищ командир.

Условившись о технике связи, мы прощаемся с Буровихиным.

— Ни пуха тебе, ни пера, Василий.

— Не благодарю: плохая примета, — улыбается он. — До встречи в Локте...

Проходит три дня. Я безвыездно сижу у брасовцев: вызываю людей, отправляю их в разведку и долго просиживаю над картой — еще и еще раз изучаю дороги, подходы к Локтю, план самого поселка.

Мне ясно: нам предстоит тяжелый и трудный бой. И снова к этому будущему бою нужно предъявить все те же требования, что и к нашей недавней операции в Суземке: мы должны ударить наверняка и ударить молниеносно.

Все больше и больше убеждаюсь: эти два условия — непреложный закон партизанской борьбы. Грубый просчет в разработке операции неизбежно приведет к затяжке боя. В сегодняшних условиях, когда нас горстка, а враг быстро может сконцентрировать в любом месте заведомо превосходящие силы, затяжной бой таит в себе большую опасность для нас...¹

¹ Автор говорит неправду. В конце декабря 1941 г. — в начале января 1942 г. в юго-западных районах оккупированной Орловской области

Утром приезжают Богатырь и Рева. Докладывают, что отряды на подходе. Иван Абрамович¹, наш начальник объединенного штаба, приехать не может — занят разработкой Трубчевской операции, трубчане выделили тридцать бойцов под командованием Кузьмина, а суземцы вообще не в состоянии участвовать в операции — в районе устанавливают советскую власть, принимают добровольцев в отряд, держат оборону.

— Едешь по району, и сердце радуется, — рассказывает Богатырь. — Работают сельсоветы, идет сбор оружия... Наш Лаврентьевич усиленно занимается организацией групп самообороны. Прямо чудеса творит: тринадцать сел объездил, тринадцать групп создал. Вот, оказывается, в чем нашел себя!

К полудню мне докладывают, что прибыли отряды. Еду к ним. Отдельными таборами расположились они в лесу — наш отряд, трубчане, сталинцы, харьковчане. Сто шестьдесят бойцов!

Идет, казалось бы, неторопливая, спокойная, но напряженная, сосредоточенная жизнь.

Вокруг Шитова собрались его подрывники: Иван Иванович объясняет им устройство новой мины. Иванченко распекает бойца за пятнышко, обнаруженное на станковом пулемете. В груп-

действовали 14 головных партизанских отрядов и 86 групп местной самообороны с общим количеством 8 тыс. бойцов. См.: РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 2. В то же время немецкие силы по поддержанию порядка испытывали явный недостаток в личном составе. Так, в сообщении от 12 декабря 1941 г., подготовленном в штабе командующего охранными войсками и начальника тылового района группы армий «Центр» генерала от инфантерии М. фон Шенкендорфа, отмечалось, что «обеспечение безопасности оставшимися силами больше невозможно». Цит. по: Arnold K.J. Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. Kriegführung und Radikalisierung im «Unternehmen Barbarossa». In: Zeitgeschichtliche Forschungen 23. Berlin, 2005. S. 431. — *Примеч. ред.*

¹ Абрамович Иван Егорович — начальник Трубчевского РО НКВД, начальник оперативно-чекистской группы штаба объединенных партизанских отрядов Сабурова. — *Примеч. ред.*

пах Федорова и Кочеткова командиры придирчиво проверяют оружие.

Володя Попов, тот самый суземский хлопчик, который все-таки настоял на своем и стал партизаном, разобрал пулемет, разложил части на потрепанной шинельке и смазывает затвор.

— Разобрать не хитро, браток, — говорит стоящий рядом со мной Рева. — А вот соберешь ли?

— Ваще задание выполнил, товарищ комиссар, — вытянувшись передо мною, браво рапортует Володя. — Могу, закрывши глаза, ночью собрать.

— Добрый из него пулеметчик получается, — подтверждает его командир Ваня Федоров. — Рука твердая и глаз острый.

Горят костры. Слышатся приглушенные голоса, звякает оружие.

— Як это у Михаила Юрьевича сказано? — улыбается Рева, показывая глазами на лагерь. — «Кто кивер чистил весь избитый, кто птык точил, ворча сердито, кусая длинный ус»...

Мне не дают покоя Муся и Буровихин: от них до сих пор никаких известий. Договариваюсь с Капраловым — и командир посылает в Локоть связного: он должен повидать Буровихина и привезти от него последние данные. Только после этого мы сможем наступать на Локоть.

Связной уходит и не возвращается в срок...

Помню, это было в сумерки следующего дня. Ко мне в землянку входит секретарь райкома.

— Сейчас пришел подпольщик из Локтя. Связной, посланный Капраловым к Буровихину на связь с подпольем, не явился, хотя есть непроверенные сведения, будто он в Локте. Буровихин арестован...

Ждать больше нельзя. Надо спешить. Может быть, мы еще успеем спасти Василия.

Нет, на этот раз нам, очевидно, не удастся добиться неожиданности удара — враг предупрежден. Но ждет ли он удара именно сегодня? Едва ли: связной никак не мог знать, что мы выступим

этой ночью. К тому же сегодня Рождественский сочельник, и полицейские не преминут справить Рождество. Тем лучше...

Созываю командиров. Один за другим они подходят ко мне, рапортуя о количестве бойцов, и каждый добавляет:

— Все на санях.

Ставлю отрядам самостоятельные задания.

Выступаем ровно в 24.00. Движение по маршруту в общей колонне. В 0.30 выход на большак к селу Бобрик. Прошу сверить часы, товарищи командиры.

* * *

Ночь. Звездное морозное небо. Прямо над головой опрокинулся ковш Большой Медведицы. ярко сияет Полярная звезда.

Скрипят полозья. Слышится приглушенный говор. Недовольно фыркает Машка, притормаживая сани: мы только что поднялись на высокий крутой бугорок, сейчас медленно спускаемся в него, и отсюда видна вся наша колонна. Ее головная застава теряется далеко впереди в голубоватом лунном свете.

Смотрю на часы. Уже сорок пять минут мы на марше. По моим расчетам, минут двадцать назад должен быть ручеек с крутыми берегами. Ручейка нет.

— Остановить. Проверить маршрут, — приказываю я.

Ларионов мчится вперед — и все наши сорок саней остановлены.

Вместе с Бородавко иду к голове колонны. Мороз дает себя знать. Никому не сидится в санях. Люди выскочили на снег, топчутся на месте, трут уши, борются друг с другом. Слышатся острые шутки, смех, веселый говор.

Кочетков, начальник головной походной заставы, докладывает, что мы действительно идем по новому маршруту: ранее назначенный путь завален снегом.

Вызываю проводника.

— Куда нас ведете?

— На деревню Тросную.

— Этой деревни в маршруте нет. Она должна остаться на востоке. В чем дело?

— По намеченному маршруту не проедешь — снег по пояс. А этот путь короче. Опасности никакой. В селах все спят. Если бы даже кто и захотел донести — дорога ему в Локоть одна: через нашу колонну. Все будет в порядке.

— По местам! Продолжать движение!

На этот раз иду впереди, рядом с Кочетковым. Проходим примерно полкилометра — навстречу бежит Калашников из нашей разведки.

— В Тросной вражеский гарнизон! — докладывает он. — Приехали с вечера, никого из села не выпускали и сидели в засаде. Около полуночи сняли посты, встретили сочельник, напились и сейчас спят.

— Вот тебе и безопасный путь! — вырывается у Бородавко.

Да, нас ждут. Неожиданность как будто полностью исключена. Но сочельник все-таки нам на руку...

Я, Калашников и Кочетков идем в село: в крайней хате осталась наша разведка в ожидании распоряжений.

Тросная спит. Даже шавки не лают, когда мы идем по улице.

Навстречу шагают двое мужчин.

— Кто это? — обращаюсь к Кочеткову.

— Вероятно, наши разведчики ходили в деревню. Возвращаются. Сейчас выясню.

Кочетков подходит к ним, останавливается, неторопливо беседует и совсем не спешит возвращаться.

Что за люди? О чем ведут разговор?..

Медленно идем с Калашниковым по улице. Мы уже в десяти шагах от них. Кочетков неожиданно поворачивается и рапортует мне:

— Господин начальник! Гарнизон спит.

Первое мгновенье ничего не понимаю.

— Сегодня сочельник старого Рождества, господин начальник, — чуть улыбнувшись, добавляет Кочетков.

Так вот, оказывается, в чем дело: нам встретился патруль, и Кочетков до поры до времени не хочет поднимать шума.

Патруль подтверждает, что все перепились, начальник гарнизона спит, они готовы отвести к нему.

Нет, я не пойду к начальнику. Пусть он мирно спит. Так лучше. Иначе начнется перестрелка, мы долго провозимся в деревне и сорвем операцию.

Захватив с собой патруль, бесшумно огибаем спящую Тросную — и колонна снова на большаке.

Проходит часа полтора. Впереди вырастает село Городище — оно в двух километрах от Локтя. Разведка докладывает: в одном из домов сидят вооруженные люди и пьянствуют.

Значит, и здесь нас ждут, но, к счастью, и здесь встречают Рождество.

Подходим к дому. Часовых нет. Сквозь щель в занавешенном окне виден стол, бутылки на столе и за столом пятеро мужчин.

Стучим. Открывает дряхлая хозяйка. В хате никого. Только на столе остатки еды, початые бутылки.

— Кто был у тебя?

— Вечером пришли, откушали и ушли, — громко отвечает старушка, а сама показывает глазами на дверь в соседнюю комнату. Потом переводит глаза на кровать и внимательно смотрит на нее.

Пашкевич вытаскивает из-под кровати насмерть перепуганного мужчину. В соседней комнате Богатырь находит остальных. Они стоят перед нами и бессвязно плетут о том, что, дескать, никакого отношения ни к Локтю, ни к Воскобойникову не имеют, вечером пришли из Брасова и решили вот здесь, в Городище, встретить Рождество. И только тот, кого вытащили из-под кровати, признается, что они посланы связными из штаба Воскобойникова: предполагается наступление партизан, в Тросную выслана засада, и, как только там начнется бой, связные должны сообщить об этом в Локоть.

— Откуда в Локте знают о партизанах? — допытывается Пашкевич.

Пленный охотно сообщает, что в штаб пришел незнакомый ему человек, назвался связным Брасовского партизанского отряда и потребовал провести его к начальнику. Через полчаса был отдан приказ об обороне Локтя и об аресте господина Буровихина.

— Что это значит, Александр? — удивленно смотрит на меня Пашкевич. — Связной брасовцев — предатель?

Рассуждать некогда. Продолжаю допрос пленного, благо он готов сказать все, что знает, лишь бы только спасти свою жизнь.

— Локоть вызвал подкрепление из Брасово, — докладывал пленный. — Оно должно прийти к утру.

— К утру?... Командиров ко мне! Быстро!

Обстановка проясняется. Нашего нападения ждут в Локте. Но не обязательно сегодня. Сегодня же утром из Брасово войдет в Локоть подкрепление...

А что если и здесь попытаться повторить то, что так хорошо удалось в Суземке: ворваться в город под видом этого брасовского подкрепления?..

— Знаешь пароль? — спрашиваю пленного.

— Как же не знать, гражданин начальник?.. Пароль — «царь Федор», отзыв — «Апраксин».

Тем лучше: на этот раз нам даже известен пароль.

Значит, весь вопрос только в том, кто явится раньше в Локоть — мы или брасовское подкрепление...

Пашкевич уводит четверых арестованных. Пятый — тот, кто так словоохотлив, остался со мной.

Один за другим входят командиры. Даю задание: в Локоть входить под видом брасовцев. Пароль — «Царь Федор», отзыв — «Апраксин». Войдя в город, группа Вани Федорова должна ворваться в офицерскую казарму, Кочеткова — штурмовать тюрьму и освободить Буровихина, группа трубчевцев с Кузьминым во главе — уничтожить руководство «партии»; Сталинский отряд прикрывает пути отхода, Бородавко с группой Иванченко блокирует дорогу на Брасово.

— Движение ускоренным маршем, лошадей не жалеть! — заканчиваю я.

На крыльце сталкиваюсь с Пашкевичем.

— Арестованный убежал, — тихо говорит он. — В тот лесок. В сторону Локтя.

— Ларионов с Джульбарсом, сюда!

Собака нюхает след на снегу, оцетинивается и бросается в лес. За ней бежит Ларионов.

Ну словно нарочно!... Если беглец уйдет, нам нечего идти в Локоть. Даже если и найдем его, провозимся с ним слишком долго, и тогда наш план ломается: наступит утро, в Локоть войдет подкрепление из Брасова...

Крепчает мороз. Поднимается ветер. Минуты кажутся часами...

Наконец из леса появляется Ларионов.

— Все в порядке, товарищ командир. Спасибо Джульбарсу...

...Быстро бегут лошади под уклон к Локтю. Сзади, на востоке, чуть светлеет горизонт.

— Ходу! Ходу! — несется по колонне.

Голова колонны уже въезжает в Локоть... Уже вся колонна в городе... Даже пароль не понадобился...

Улицы безлюдны. Тишина...

Перед нами большой занесенный снегом парк. Наши группы молча расходятся к своим объектам. А Локоть словно вымер. Неужели все пройдет так гладко?..

Раздается треск автоматов. Вокруг визжат и рвутся разрывные пули, и не поймешь, откуда стреляют. С этих заснеженных деревьев? Из соседнего дома? Из укрытия в парке?..

Стрельба нарастает с каждой минутой. Уже гремят выстрелы в стороне тюрьмы, офицерской казармы, дома, где живет Воскобойников. Значит, все группы вошли в бой...

Наступает рассвет. Поднимается солнце...

На КП прибегает связной. Докладывает, что тюрьма взята, но отступившая вначале охрана вернулась и сейчас блокирует тюрьму. Группа Кочеткова в осаде. Вместе с Кочетковым остался Пашкевич.

Беру харьковчан и бросаюсь на выручку.

Подступы к тюрьме под огнем: бьет вражеский автоматчик. Первым замечает это боец харьковского отряда, комсомолец Вася Троянов. Вася ползет по глубокому снегу. Вокруг него пули срывают снежинки с высоких сугробов, но Вася продолжает ползти. Он уже за углом пристройки, в тылу у вражеского автоматчика.

Обстрел усиливается. Троянов неторопливо прицеливается и дает короткую очередь. Автоматчик снят.

Троянов ползет обратно. Снова вокруг него пули вздымают снег. Еще несколько метров — и он скроется за выступом дома. Вдруг Вася вздрагивает и выпускает из рук автомат. На снегу расплывается красное пятно.

Харьковчане под огнем вытаскивают тело друга. Троянов убит пулей в сердце... Уже после боя в кармане его гимнастерки находят заявление:

«Прошу партийную организацию принять меня в ряды большевиков. Обязуюсь мстить врагу жестоко, беспощадно, неустанно...»

Мы врываемся внутрь тюрьмы. В коридоре лежат вражеские трупы. Их, пожалуй, более пятнадцати. Неужели был так силен тюремный гарнизон? В тех сведениях, которые принес мне разведчик Брасовского отряда, говорилось лишь о пяти сторожах. О гарнизоне не упоминалось ни словом... Как мог произойти такой грубый просчет?..

В тюрьме меня встречает Пашкевич.

— Сюда, Александр, — тихо говорит он.

Идем по коридору. На полу обваливается штукатурка, разбитое стекло, брошенный автомат, пустые патронные гильзы.

Входим в камеру. После яркого, солнечного морозного утра первое мгновение ничего не вижу в этой серой полутьме. Наконец, на полу вырисовывается фигура. Подхожу ближе.

Лужа крови. Ключья рваной окровавленной одежды. Исполосованный ножом, обезображенный труп.

Буровихин... Вася Буровихин... Его тонкий нос с горбинкой. Его густые, сросшиеся у переносья, брови.

— Когда я пришел сюда, — тихо говорит Пашкевич, — труп был еще теплый. Василия убили в тот момент, когда мы ворвались в Локоть... Смотри.

Николай подводит меня к стене, зажигает спичку, и в ее мерцающем свете я вижу слова, нацарапанные на грязной серой стене: «Выдал связной. Концы в Севске. Шперлинг аме...»¹

— Вот кто убил его, — все так же тихо, словно он не смеет повысить голоса в этой страшной камере, говорит Пашкевич. — Этого большого, честного, нестигаемого человека...

Неподалеку с воем рвется мина. Бой продолжается. Надо спешить.

У дверей с автоматом наготове стоит Ларионов. Он ничего не говорит нам, но я знаю: Ларионов скорее погибнет, но никому не отдаст Василия...

Бой то затихает, то вспыхивает с новой силой. Трещат автоматы. Около офицерской казармы бьет станковый пулемет.

Стараюсь сосредоточиться, по звукам выстрелов определить ход боя, но перед глазами по-прежнему стоит мрачная темная камера, замученный Буровихин и надпись на стене: «...Концы в Севске, Шперлинг аме...» Что это значит?

Связной от Кузьмина докладывает: наши прорвались к дому, где жил Воскобойников... Минут через десять — новый связной. От него узнаем, что лидера «партии всея Руси» срезала пулеметная очередь Леши Дурнева.

Часть дела сделана...

— Ваня Федоров в офицерской казарме! — взволнованно общается Петраков. — Он бьется один...

¹ Налицо — пропаганда эпохи «холодной войны». А. Даллин в этой связи замечает: «В 1953 году советские пропагандисты заявили, что Воскобойник и его покровители были агентами американской разведки! Эта фантастическая версия была призвана доказать, что программа Воскобойника согласуется с послевоенными планами американцев по интервенции в СССР». См.: Даллин А. Указ. соч. С. 21—22. Учитывая это, все данные А.Н. Сабурова про взятие тюрьмы в Локте и про надпись Буровихина представляются весьма сомнительными. — *Примеч. ред.*

Как выяснилось потом, у казармы дело обстояло так.

Оставив своих бойцов в прикрытии, Ваня спокойно пошел к дому. В предутреннем морозном тумане смутно вырисовывалось большое каменное здание сельскохозяйственного техникума, пре-
вращенное в казарму.

Ваня почти вплотную подошел к часовому у входа и в упор выстрелил из пистолета.

Федоров в вестибюле. Перед ним широкая лестница на второй этаж, где расположены офицерские спальни.

Очевидно, наверху услышали выстрел у крыльца. Тут как раз вспыхнул бой у тюрьмы, у дома Воскобойникова, и проснувшие-
ся офицеры всполошились.

— Тревога! Партизаны! — раздались голоса на втором этаже, и офицеры гурьбой бросились вниз по лестнице.

Вот тут-то Ваня и ударил по ним длинной очередью из ручно-
го пулемета. Падали убитые и раненые на ступеньки лестницы, сверху бежали все новые и новые группы офицеров, а Ваня, спря-
тавшись за колонной, продолжал бить.

Наконец офицеры опомнились. Они открыли огонь из окон как раз в тот момент, когда группа Федорова подбегала к крыльцу на помощь своему командиру. Сплошной огневой завесой отрезали офицеры подход к зданию — и группе пришлось отойти...

Когда мы подошли к дому, обстановка была сложна: на втором этаже — офицеры, в вестибюле — Федоров, вокруг здания — мы. Ворваться в здание невозможно: из окон бьют пулеметы, у самого крыльца рвутся гранаты.

Долго ли продержится Ваня в вестибюле? Хватит ли у него патронов? И что можно сделать с этим старым добротным камен-
ным домом¹, когда в нашем распоряжении только пуля?

Вызываю на помощь группу Иванченко: мы откроем ураган-
ный огонь по окнам и под прикрытием его попытаемся ворваться в здание...

¹ Из слов автора видно, что здание казармы было каменным, а не деревянным, как потом писали некоторые партизаны, участники собы-
тий. — *Примеч. ред.*

Со стороны Брасово вспыхивает перестрелка. Очевидно, подошло обещанное Локтю подкрепление. Там должен быть Бородавко. От него до сих пор никаких вестей. Посылаю к нему Богатыря и Пашкевича.

— Нашел, наконец, Лаврентьича, — подбегает ко мне Богатырь. — Говорит — трижды посылал связных, но они не находили тебя. Просит помощи. Направил к нему Тулупова с его хлопцами...

Все напряженнее становится огонь из окон казармы — очевидно, офицеры готовятся к атаке.

— Александр, Пашкевича ранили, — тихо говорит Богатырь. Тревожно сжимается сердце.

— Тяжело?

— В живот. Навылет... Его вывели из боя, с ним доктор из отряда Боровика...

Офицерские пулеметы неистовствуют. Надо во что бы то ни стало выручать Федорова. Если он еще жив... И кончать бой — он слишком затягивается...

За станковый пулемет ложится Иванченко. Длинные пулеметные очереди хлещут по окнам. Сейчас мы пойдем в решающую атаку.

— Иду к вам! — неожиданно раздается голос.

Из раскрытых дверей казармы выскакивает Ваня Федоров, мчится зигзагами по снегу и падает в сугроб рядом со мной.

— Цел, Ванюша?

— Все в порядке, товарищ командир, — весело отвечает Федоров. — Теперь бы нам всем туда, — и он показывает глазами на здание.

— Иванченко, огонь!

Снова заливается станковый пулемет. Рывок — и группа Федорова врывается в казарму. Однако еще добрых полчаса бьются наши в коридорах и в классах превращенного в казарму техникума, пока окончательно ликвидируют этот главный узел сопротивления¹.

¹ Как известно, «главный узел сопротивления» ликвидирован не был. В тот момент подкрепление из Брасова уже подошло. Непонятно, чем

Теперь все. Руководство «партии» уничтожено. Офицерское ядро разбито. Лишь в отдельных каменных зданиях засели вражеские снайперы...¹

Мимо меня медленно проезжают сани. На них, закрытый тулупом, лежит Пашкевич. Рядом с санями шагает доктор Сталинского отряда.

Лицо Николая бледное, без единой кровинки. Глаза закрыты.

— Без сознания, — тихо говорит доктор. — Большая потеря крови. Положение крайне серьезное. Приеду на место — немедленно же сделаю операцию. Но, боюсь, перитонит неизбежен. А тогда... Простите, товарищ командир, — надо спешить...

— Разрешите вот этих кукушек дострелять, — обращается ко мне Иванченко, кивая в сторону дома, откуда нет-нет да и раздастся выстрел. Рядом с Иванченко стоят Кочетков и Ваня Федоров и умоляюще смотрят на меня.

Конечно, заманчиво подмести весь Локоть до последней соринки. Очень заманчиво. Но уже один за другим подходят связные:

— Патроны на исходе.

— Сталинский отряд завязал бой с подкреплением из Камаричей².

— Со стороны Севска движется вражеская колонна.

Нет, пора кончать бой. Даю сигнал отхода. В прикрытии оставляю Шитова с его группой.

руководствовался Сабуров, посылая людей на смерть (до этого он постоянно говорил о том, что гарнизон нужно разгромить до подхода подкрепления). — *Примеч. ред.*

¹ Руководство НСПР не было уничтожено. В живых остались Каминский, Мосин, Иванин. Не были разбиты и подразделения «народной милиции». — *Примеч. ред.*

² Автор умалчивает о том, когда конкретно партизаны вступили в бой с подкреплением из Комаричей. Этот факт лишний раз указывает, что «народным мстителям» пришлось спешно покидать Локоть. Поэтому «подмести весь Локоть до последней соринки» они просто не могли. Патроны тоже были на исходе. — *Примеч. ред.*

Наши сани медленно выползают из Локтя. Метет пурга. На розвальнях лежит труп Буровихина, прикрытый суровой холстиной.

* * *

Беснуется вьюга. Нет ни земли, ни неба — один снежный метущийся вихрь в непроглядной ночной тьме. Ветер слепит глаза, обжигает морозом, наметает на дороге высокие рыхлые сугробы.

Сквозь бушующую пургу наша колонна с трудом пробивается к лесу. Тяжело дышат кони. Словно защищаясь от удара, люди закрывают руками лица. А ветер стонет в невидимых оврагах, вихрями завивает вокруг нас колючий снег.

Кажется, нет конца и края этой пурге, этой ночи, этой заваленной снегом дороге.

И вдруг: ни колючего ветра, ни снежных вихрей. Мы въехали наконец в лес, словно из бушующего бурного моря вошли в тихую гавань. Только высоко над нами шумят верхушки деревьев: так за молом бьются о камни сердитые пенистые волны.

Люди расходятся по лесу. Ищут сухой валежник — и один за другим вспыхивают костры. Пламя вырывает из темноты густые ели, золотистую кору сосен, голые осины. В отблеске костров расступаются деревья, но еще плотнее, еще чернее кажется за ними тьма.

Наблюдаю за людьми. Запорошенные снегом, с ледяными сосульками на воротниках тулупов, они все заняты делом. Одни прибирают коней, дают им сена, укрывают вспотевшие влажные конские спины. Другие протирают пулеметы, патроны, автоматы. Кто-то, очевидно, смертельно усталый, молча стоит у костра, греет над огнем замерзшую буханку хлеба и, не дождавшись, грызет еле оттаявшую верхнюю корку, пахнущую едким дымком.

Вначале слышится только тихий говор, лязг оружия, довольное фырканье лошадей, потрескивание горящего валежника. Постепенно голоса становятся громче, от костра к костру уже летят шутки, раздается громкий смех. А пламя разгорается все ярче, и все дальше отступает мрак.

— Хорошую мы сегодня операцию провели, — раздается рядом со мной голос Богатыря. Захар говорит громко, и его внимательно слушают бойцы. — Приказано было уничтожить Воскобойникова — и Леша Дурнев свалил его из пулемета¹. Приказано было разгромить офицерскую охрану, это ядро «партии», — и тут неплохо: по моим подсчетам, около сотни врагов полегло. Правда, все это далось нам не даром. Не успели выручить Буровихина, не уберegli Пашкевича, убито четверо товарищей².

Тяжело это. Очень тяжело... Зато новые герои родились. Взять хотя бы Ваню Федорова. Один на один дрался с офицерами. Всю лестницу трупами завалил... Или Кочетков. Когда его в тюрьме окружили, он перед своим пулеметом десяток врагов уложил. Словом, каждый себя проявил в огне и соседа своего увидел под пулями. Теперь мы знаем, кто чего стоит. Есть чему поучиться и чему учить других.

Мне не хочется говорить: на сердце тревожно и смутно...

...Выхожу с Гутаревой в соседнюю комнату...

— У нас в севской квартире переполох, — продолжает докладывать Муся. — пока я была в Игрицком, гестапо распорядилось арестовать Половцева. В комендатуре говорили (это Лида слышала), будто он американский агент. Половцев скрылся. Шперлинг нервничает. Ходит сам не свой...

Так вот, может, где разгадка недописанного Буровихиним слова... Однако, помню, я и тогда не поверил Мусе: во имя чего американской агентуре создавать эту нелепую «партию»? Прошло немногим меньше года, и в декабре, в небольшом старинном городке Остроге, судьба снова столкнула меня с Половцевым. Он явился туда на встречу со своим хозяином, резидентом американ-

¹ В тот момент партизаны еще не знали, скончался Воскобойник или нет. Это стало известно только через день. — *Примеч. ред.*

² Потери партизан были гораздо большими, что прекрасно видно из описания боев в Локте. Цифры, приводимые автором, явно не соответствуют действительности. — *Примеч. ред.*

ской разведки, сброшенным на парашюте в районе этого города. Только тогда мне стали ясны и причины смерти Евы Павлюк, и корни локотской «партии», и роль Шперлинга в этом деле... Но об этом будет рассказано во второй книге...¹

З.А. Богатырь²

ИЗ КНИГИ «БОРЬБА В ТЫЛУ ВРАГА»

Большую надежду фашисты возлагали на созданную ими в этих районах так называемую «народную социалистическую партию всея России». В поселке Локоть Брасовского района они создали центр партии. Руководили ею матерые шпионы и контрреволюционеры Воскобойников, Каминский, Ворона и другие³. Охранял эту шайку гарнизон немцев и полиции особого назначения численностью 200 человек, вооруженных винтовками, пулеметами и артиллерией...

¹ Сабуров обещания не сдержал: политическая конъюнктура изменилась, и все пассажи о роли американской разведки были изъяты из последующих изданий. Более того, в книге «Силы неисчислимы» (М., 1968) Сабуров пишет, что, по сведениям Гутаревой, «гестапо ищет Половцева, одного из организаторов "национал-социалистической партии всея России". Гестапо считало его своим агентом и вдруг узнало, что он одновременно служит английской разведке». Таким образом, по фантастической версии Сабурова, Половцев «переквалифицировался» из американского в английского шпиона. — *Примеч. ред.*

² Богатырь Захар Антонович. Окончил Харьковский коммунистический университет имени Артема. С 1934 по 1941 г. на комсомольской работе. Комиссар партизанского отряда им. 24-й годовщины РККА. Комиссар Житомирского партизанского соединения (командир — А.Н. Сабуров). Подполковник. Воспоминания публикуются по: *Богатырь З.А. Борьба в тылу врага. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1969. 470 с.*

³ Кто скрывался под именем «Ворона», установить так и не удалось. Скорее всего, это вымышленный партизанами персонаж, который понадобился, чтобы рапортовать «наверх» об удачном проведении операции в Локте. Как и многие другие участники налета, З.А. Богатырь неправильно называет фамилию Воскобойника. — *Примеч. ред.*

...Следующей крупной операцией, которую провел объединенный штаб, был разгром гарнизона в поселке Локоть Брасовского района. Здесь, как уже говорилось выше, расположился центр фашистской партии, именуемой «народной социалистической партией всей России», во главе с Воскобойниковым. Созданная оккупантами военно-пропагандистская машина работала на полную мощность. При этом ее деятельность выходила за пределы Брасовского района. Бесперебойно работала типография. Как из рога изобилия сыпались один за другими приказы, манифесты, декларации. В одном из таких приказов, переданном в отряд 24-й годовщины РККА, эти фашистские прихвостни писали, что «армия Гитлера непобедима», что она «давно разбила большевиков и их вооруженные силы, взяла Москву и Ленинград». Приказ требовал от партизан сдавать оружие старостам близлежащих сел, а самим небольшими группами по два-три человека идти в Локоть сдаваться. Воскобойников обещал жизнь, хлеб и работу. В противном случае приказ угрожал партизанам полным истреблением.

Командование партизанских отрядов решило совместными усилиями ликвидировать этот очаг фашистской гнусной пропаганды. Руководство операцией было поручено Сабурову. При разработке плана разгрома локотского гарнизона партизанское командование встретило с серьезными трудностями. Предварительная разведка выяснила, что в поселке находится хорошо вооруженный гарнизон численностью более 200 человек, там же действует усиленная комендатура гестапо¹. Оборудованные окопы и дзоты, открытые подступы к поселку делали его почти неуязвимым. Положение усложнялось тем, что фашисты расставили в окрестностях небольшие форпосты, которые могли поднять тревогу и исключить, таким образом, преимущество внезапности.

Решено было заслать в гитлеровскую охрану партизанского разведчика. На выполнение этой трудной задачи, сопряженной с ежеми-

¹ Сабуров называет цифру 350 человек, Емлютин пишет о батальоне. — *Примеч. ред.*

нутной смертельной опасностью, был послан партизан, коммунист Василий Буровихин. Он обладал исключительным хладнокровием и умение превосходно ориентироваться в любой обстановке. Буровихин не раз ранее выезжал в расположение крупных фашистских гарнизонов на санях, нагруженных деревянной посудой, и так искусно торговался при обмене ее на хлеб, что никто, в том числе и полиция, не мог заподозрить в нем партизанского разведчика. Теперь Василий пошел на прием к самому Воскобойникову и, назвавшись сыном раскулаченного, был принят в его личную охрану.

Получив через Буровихина нужные сведения, партизанское командование разработало план боевой операции в деталях. Стало известно, что в Локоть по просьбе Воскобойникова для подкрепления гарнизона прибудет вооруженный отряд полиции и гитлеровских головорезов. Соблюдая необходимую в таких случаях конспирацию, наш штаб решил войти в расположение гарнизона под видом этого подкрепления, опередив его на час-полтора¹.

В ночь на 8 января 1942 года партизаны из отрядов Сабурова, Сенченкова, Погорелова, Боровика, Капралова с обозом около 40 подвод сделали обходной маневр. Пройдя около 30 км по глубокому снегу, они вышли к поселку Локоть со стороны поля, откуда должно было появиться и гитлеровское подкрепление. В небольшом хуторке Нерусские Дворики партизанская группа внезапно напала на полицейскую заставу. Пьяные полицейские, так и не протрезвев, ушли к праотцам. Но один из новичков был трезв и сдался, не оказав сопротивления. Григорий (так его звали) просил пощадить его, дать возможность искупить вину, состоявшую в том, что под угрозой отправления в концлагерь пошел в полицию. Он назвал пароль и изъявил желание проводить партизан до самой казармы, а если удастся, и в помещение. Предприняв меры предосторожности, партизаны решили воспользоваться его предложением.

¹ Информацию о том, что в Локоть из Брасова прибудет подкрепление, партизаны получили уже во время марша. Поэтому Сабурову пришлось ставить боевые задачи командирам отрядов уже при подходе к Локтю. — *Примеч. ред.*

Все было предусмотрено до мелочей: Григорий и партизан Иван Федоров получили задание, пользуясь знанием пароля, подойти возможно ближе к казарме, убрать постового и поднять тревогу.

Было около часу ночи, когда Федоров и Григорий подошли к часовому, стоявшему у входа в казарму. Григорий назвал себя по фамилии и попросил прикурить. Часовой стал рыться в карманах, в это время Федоров выстрелил в упор, часовой упал. Звук pistolетного выстрела вызвал тревогу. В разных местах послышалась стрельба. Федоров с ручным пулеметом вскочил в вестибюль казармы в тот момент, когда по широкой лестнице со второго этажа гурьбой побежали поднятые по тревоге полицейские. Федоров выпустил в толпу очередь за очередью. Убитые и раненые валялись на ступеньках. Это длилось короткое время. Полицейские отхлынули назад, бросая со второго этажа гранаты. Бой разгорался с нарастающей силой. Стреляли отовсюду: с чердаков, с крыш домов, из-за угла. В низину, где стоял партизанский обоз, начали привозить павших в бою товарищей. К 5 часам утра потери составляли уже больше 10 человек¹.

В то же время для ликвидации «идеолога» Воскобойникова и его приспешников была отправлена группа из 12 лучших партизан Трубчевского отряда во главе с Алексеем Дурневым. Перед ней стояла задача скрытно подобраться к дому и постараться взять живыми или уничтожить новоявленных руководителей гитлеровского «порядка». Задача оказалась не из легких: из дома стреляли из пулеметов и винтовок.

Уже забрезжил рассвет, когда со стороны Брасова донесся шум перестрелки. Связной доложил, что подходит ожидаемое

¹ Получается, что группа партизан, имевшая задание уничтожить силы «народной милиции», вела бой за казармы не менее четырех часов. Исходя из этого, становится очевидно, что бой не только затянулся, чего хотел избежать Сабуров, но и стал складываться для партизан в самую худшую сторону. В то же время в данном отрывке встречается информация о партизанских потерях. Из этого следует, что информация о потерях, приводимая в воспоминаниях Ляпунова и Сабурова, явно входит в противоречие с тем, что пишет Богатырь. — *Примеч. ред.*

Воскобойником пополнение и оставленный для этой цели заслон навязал ему бой. Сабуров приказал любой ценой не допустить подкрепления в населенный пункт. Вскоре второй связной сообщил, что фашисты отогнаны и отступают к Брасову¹.

К утру стрельба почти стихла. Деревянное здание казармы было изрешечено пулями, все окна выбиты. Но в одном ее отделении еще находились охранники, продолжавшие оказывать сопротивление. В той части казармы, куда проникли партизаны, осталось более 50 трупов полицейских, а в других зданиях — несколько убитых гитлеровцев. Партизаны потеряли 19 человек, в том числе 4 убитых, и уже собирались оставить поселок, как вдруг со стороны Брасова подошли новые силы оккупантов, и опять началась схватка. Партизанская застава держалась твердо. Когда шум боя со стороны Брасова послышался более отчетливо, а в поселке стрельба почти утихла, Воскобойников решил открыть дверь своей «крепости» и громко обратился к партизанам со словами:

— Вы окружены со всех сторон, выхода нет, сдавайтесь!

В ответ группа Дурнева, притаившаяся в укрытии возле дома, открыла интенсивный автоматный огонь в направлении голоса Воскобойникова. Глухой стон и испуганный крик: «Константин Павлович ранен» — свидетельствовали о том, что Дурнев подстерег момент удачно. Двери захлопнулись, и стрельба из дома возобновилась с новой силой.

Трагичной оказалась судьба разведчика Буровихина: он и партизан из Брасовского отряда за несколько часов до прихода нашей группы были раскрыты как разведчики и умерли в гестапо под пытками².

¹ Автор пытается затушевать тот факт, что заслон Игната Бородавки, получивший задачу не пропустить подкрепление из Брасова, столкнулся с серьезными проблемами. Подкрепление из Брасова пробилось в Локоть, и партизанам и пришлось сворачивать операцию. — *Примеч. ред.*

² Здесь Богатырь входит в противоречие с Сабуровым, который писал о том, что именно разведчик, связной Брасовского отряда «За Родину», оказался предателем и сдал Буровихина немцам. Кроме того, никакого гестапо в Локте не было. Речь идет о абвергруппе-107. — *Примеч. ред.*

Партизаны похоронили погибших в бою товарищей с воинскими почестями в селе Красная Слобода Суземского района Орловской области. Был среди них и Николай Пашкевич — один из первых организаторов отряда имени 24-й годовщины Красной армии¹.

Через два дня партизанская разведка донесла, что в Локте расположена новая часть. Убитых 54 полицейских и гитлеровцев похоронили². Воскобойников скончался на операционном столе. Его близкий подручный Ворона был убит. Так было положено начало ликвидации одного из опорных пунктов фашистского оккупационного режима. Почти вся лесная часть Брасовского района была очищена от оккупантов.

Д.В. Емлютин³

ИЗ КНИГИ «ШЕСТЬСОТ ДНЕЙ И НОЧЕЙ В ТЫЛУ ВРАГА»

Не менее примечателен был и налет партизан на немецкий гарнизон в поселке Локоть. Разведка отряда «За Родину» выведала,

¹ Отряд Сабурова и Богатыря получил наименование 24-й годовщины Красной армии после 23 февраля 1942 г. — *Примеч. ред.*

² Аналогичная информация содержалась в докладной записке НКВД УССР от 6 марта 1942 г., подготовленной наркомом внутренних дел Украинской ССР В.Т. Сергиенко. См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Крушение «Блицкрига». 1 января — 30 июня 1942 года. М.: Русь. Т. 3. Кн. 1. С. 222. — *Примеч. ред.*

³ Емлютин Дмитрий Васильевич (1907—1966), Герой Советского Союза (1942), один из руководителей брянских партизан, полковник. Член ВКП(б) с 1931 г. До войны — начальник Суражского РО НКВД. С октября 1941 г. в партизанском отряде. С апреля 1942 г. возглавлял объединенное командование всех партизанских отрядов в юго-западных районах Орловской области и северной части Сумской области. Летом 1943 г. руководил обороной края от двух немецких и двух венгерских дивизий. С конца 1943 г. в Центральном штабе партизанского движения, затем — в органах госбезопасности. С 1957 г. в отставке. Воспоминания публикуются по: *Емлютин Д.В. Шестьсот дней и ночей в тылу врага*. М., 1971. 174 с.

что фашисты создали в Локте особый округ¹. Ober-бургомистром они поставили сына бывшего крупного помещика, фашистского агента Воскобойникова, именовавшего себя «Инженером Земля». До войны этот предатель работал преподавателем физики в лесохозяйственном техникуме. Воскобойников жестоко расправлялся с населением. Выпустил обращение с требованием явиться партизанам с повинной. Особенно возмутил партизан проект земельного закона, составленный Воскобойниковым. По этому документу, советские люди превращались в рабов гитлеровской Германии².

В Локте была и довольно сильная полиция — целый батальон. Фашистские правители на Брянщине ставили Локоть в пример перед своими ставленниками как образец желательного «орднунга».

И вот партизаны решили разгромить осиное гнездо. Но одному отряду это было не под силу. Тогда командование Брасовского отряда пригласило Трубчевский и Суземский головные отряды и два украинских — Погорелова и Сабурова.

В ночь с 7 на 8 января 1942 года сводный партизанский отряд сосредоточился в селе Игрицком³. Получив дополнительные данные о состоянии полицейского гарнизона от разведчика Брасовского отряда — старосты в селе Селечня Петра Ключикова, партизаны через Лагеревку и Тростную двинулись к Локтю.

¹ В конце 1941 г. — в начале 1942 г. Локотского округа еще не было. — *Примеч. ред.*

² В данном случае речь идет о 2-м и 3-м пунктах Манифеста НСПР. Ни в каких рабов, согласно этим пунктам, русские люди не превращались. Ср.: «*Бесплатная передача крестьянству в вечное, наследственное пользование всей пахотной земли с правом аренды и обмена участков, но без права их продажи... Бесплатное наделение в вечное наследственное пользование каждого гражданина России усадебным участком, с правом обмена, но без права продажи...*». — *Примеч. ред.*

³ В мемуарах Сабурова утверждается, что в Игрицком стоял крупный гарнизон полиции, поэтому непонятно, как можно было в этом селе назначать общий сбор партизанских формирований, выделенных для операции. Вероятно, Емлютин лично в этой операции не участвовал. — *Примеч. ред.*

Стояла студеная ночь, светила луна, со снежных увалов сползала поземка. Мороз сковывал. Чтобы согреться, партизаны бежали за саями. В селе Городище — оно в двух километрах от Локтя — получили сведения, что утром в Локоть придет подкрепление из Брасова. Возникла мысль — войти в Локоть под видом этого подкрепления. Нам уже удалось узнать пароль и отзыв для прохода через полицейские заставы. Но этого не потребовалось. Партизаны вошли в город без выстрела: видимо, этой ночью гитлеровцы не ждали нападения.

Оставив лошадей на аллее парка, партизаны стали расходиться по своим объектам, окружили здание лесного техникума, в котором располагались полицейские силы и дом бургомистра. Открыли огонь, в окна полетели гранаты. На крыльце дома появился Воскобойников, он кричал:

— Не сдавайтесь! Уничтожайте лесных бандитов!

Партизан Ляпунов подбежал к пулеметчику Михаилу Астахову и попросил, задыхаясь:

— Миша! Поверни пулемет! Чесани по предателю!

Короткой очередью Астахов свалил подлца¹.

Бой продолжался до рассвета. Партизаны Ляпунов и Малышев пытались поджечь дом бургомистра. Они натаскали к нему соломы, но она не загорелась — была мокрая. А тут послышалась команда к отходу: враг наседал с двух сторон. Эта операция не была доведена до конца, и полицейские силы в Локте сохранились. Заместитель Воскобойникова, Каминский, создал с помощью гитлеровцев бригаду РОА (Русская освободительная армия), с которой мы в течение нескольких месяцев вели непрерывные бои².

¹ В мемуарах Сабурова Воскобойник получил тяжелое ранение после того, как открыл стрельбу из пулемета Алексей Дурнев. Эпизод с тем, кто все-таки ранил лидера НСПР — Дурнев или Астахов, стал, по всей видимости, «камнем преткновения» для партизан, описывавших после войны этот эпизод. Из-за этого до сих пор трудно установить, кто сделал результативный выстрел. — *Примеч. ред.*

² Таким образом, автор признает, что нападение оказалось не таким успешным, как его представляют в своих воспоминаниях Сабуров и Ляпунов. — *Примеч. ред.*

Н.И. Ляпунов¹

В НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО

В поселке Локоть — центре Брасовского района — располагался Локотский округ немецко-фашистских оккупационных властей. Гарнизон противника размещался в двухэтажном здании лесохозяйственного техникума. Рядом с ним стоял деревянный большой новый дом, в котором жил бургомистр Локотского округа Воскобойников (так в тексте. — *Примеч. ред.*), именовавший себя инженером «Земля».

Этот сын крупного помещика царской России до войны работал преподавателем физики в лесохозяйственном техникуме. С приходом гитлеровцев на Брянщину старый немецкий шпион стал их активным прислужником. Угодничая перед немецко-фашистскими захватчиками, он жестоко расправлялся с населением оккупированных районов. Узнав о начале деятельности партизанских отрядов в Брасовском и Суземском районах и дрожа за свою шкуру, этот вражеский прихвостень сначала стал уговаривать партизан, чтобы они явились к оккупационным властям с повинной, за что обещал сохранить им жизнь и обеспечить хорошее существование. Когда это не помогло, он начал угрожать.

Партизанский ответ был один — умножение ударов по оккупантам и их холуям.

Партизан нашего отряда «За Родину», располагавшегося в лесу недалеко от Локтя, особенно возмутил принесенный партизанскими разведчиками печатный проект земельного закона за подписью Воскобойникова. По этому закону, советские люди превращались в настоящих рабов гитлеровцев. Гневу партизан не было предела. Мы решили проучить Воскобойникова, а заодно и его хозяев.

Командиры партизанских отрядов «За Родину», имени Сталина и имени Сабурова договорились о проведении совместного

¹ Бывший партизан Брасовского отряда «За Родину». Публикуется по: Партизаны Брянщины. Сборник рассказов бывших партизан. Т. 1. Брянск, 1959. С. 419—421.

нападения на Локоть. Днем налета был избран канун Рождества, который усердно праздновался гитлеровскими бандитами.

И вот в ночь под Рождество, с 7 на 8 января 1942 года, сводный партизанский отряд на 120 санях отправился в путь. В деревне Игрицкое сделали привал. Мороз стоял не рождественский, а крещенский, партизаны озябли. Жители Игрицкого обогрели их, накормили, и отряд тронулся дальше через деревни Лагеревка и Тростная. Мороз крепчал, его усиливал подувший северо-восточный ветер. Мела поземка. Чтобы не обморозиться, многие партизаны бегом бежали за санями.

Противник в Локте не ждал партизан, поэтому мы въехали в поселок без выстрела. Лошадей, запряженных в сани, поставили на липовой аллее. Партизаны сразу же обложили здание лесного техникума, где размещались основные силы гарнизона, и дом бургомистра Воскобойникова. Начали обстрел, в окна зданий полетели гранаты.

Окупанты и полицейские открыли по партизанам беспорядочный ответный огонь из автоматов и пулеметов. Во время перестрелки мы видели, как из дома, где жил Воскобойников, на веранду вышел кто-то и крикнул: «Не сдавайтесь, бейте их».

Рядом со мной лежал на снегу и вел огонь из ручного пулемета мой односельчанин Миша Астахов. Я обратил его внимание на веранду и сказал, чтобы он повернул пулемет туда. После второй короткой очереди мы услышали на веранде падение тела и возню людей. Как раз в этот момент усилился огонь противника, и это отвлекло нас от дома Воскобойникова.

Перестрелка продолжалась до рассвета. Вместе с А.А. Малышевым я попытался поджечь дом бургомистра. Мы подтащили к стене охапку соломы и стали ее зажигать. Но солома была мокрая и не загоралась. Между тем стало светать. Здание лесного техникума захватить не удалось, хотя оно было изрешечено пулями. Враг стал насаждать с других сторон. И командование решило на этом закончить боевую операцию. Не потеряв ни одного человека убитыми и захватив несколько раненых, мы ушли.

На второй день в Локоть из нашего отряда был послан в разведку коммунист Петр Клюйков, который по заданию партизан служил старостой в селе Селечня. Клюйков привез данные о результатах налета. Оказалось, что партизаны вконец испортили фашистам рождественский праздник. Захватчики и их прихвостни — полицаи потеряли убитыми и ранеными более ста человек. Смертельно был ранен на веранде и бургомистр Локотского округа Воскобойников. Его так и не смогли спасти, хотя оперировать его прилетели из Орла лучшие гитлеровские врачи.

Это был первый крупный боевой успех только что зародившихся и еще малочисленных партизанских отрядов Суземского и Брасовского районов. Он окрылил народных мстителей. Смелый налет на Локоть способствовал быстрому росту отрядов, и вскоре они превратились в грозную силу, не дававшую немецко-фашистским захватчикам покоя ни днем ни ночью.

Д.В. Емлютин¹

ИЗ КНИГИ «В ЮЖНОМ МАССИВЕ БРЯНСКИХ ЛЕСОВ»

...Перешедшие на нашу сторону полицейские раскрывали буквально всю подноготную Локотского и Шемякино-Тарасовского гарнизонов. Не только где, когда, кто в какие часы бывает, но и рассказывали, кого из полицаев следует уничтожить, а кого оставить.

Началась подробная разработка предстоящего дела. Согласовывали, какую огневую точку и кто будет уничтожать, как вести огонь, чтобы не задеть своих. На полицейских возложили обязанность — дать партизанам пропуск, самим стать у огневых точек с тем, чтобы стрелять вверх при нашем наступлении. Уничтожить огневые точки, которые закрыты. Полицаи обещали также дать проводников. Они снабдили нас картой, где были нанесены ог-

¹ Публикуется по: *Емлютин Д.В.* В южном массиве брянских лесов / За линией фронта. Очерки. Тула, 1968. С. 97—113.

новые точки и склады боеприпасов. Сообщили порядок смены караула, проверки постов и систему паролей.

Не теряя времени, мы решили разгромить фашистское собрание в ночь с двадцать девятого на тридцатое апреля¹.

По тщательно разработанному плану, в операции должны были участвовать отряды «За власть Советов» под командованием Попова и Паничева, имени Калинина под командованием Новикова и Голыбина, отряд «Большевик» под командованием Ерофеева и три группы самообороны.

На совещании с командирами и комиссарами отрядов шли дебаты: начальник штаба Федоров предлагал начать операцию в полночь. Паничев же говорил, что надо подождать до двух часов ночи, «когда уснут по-настоящему».

Командир отряда имени Калинина Голыбин и его комиссар Новиков никак не могли примириться с тем, что они получили, на их взгляд, скромное задание: находиться в засаде на случай, если немцы начнут подбрасывать подкрепление к Тарасовке.

— Мы просили, — закричали оба, — включить нас громить немецкий гарнизон, а в засаду посадить группу самообороны.

И опять радость нахлынула мне в душу. Партизаны на военную операцию смотрят как на искусство. Я понял, что мы выросли, достигли высокого мастерства и теперь нам, как говорится, сам черт не страшен. С такими кадрами можно решать любую задачу.

По сигналу начальника штаба Федорова партизаны одновременно ворвались в штаб и дома, где мирно спали фашисты и полицейские. Предателей стаскивали с кроватей в одном белье, собирали в заранее намеченном пункте. Всего нами было захвачено 153 гитлеровца, и лишь немногим карателям удалось убежать².

¹ На самом деле операция проводилась в ночь на 1 мая 1942 г. — *Примеч. ред.*

² Данное утверждение Д.В. Емлютина косвенно указывает на то, что зачинщиками расправы над захваченными в плен каминцами и гражданским населением были все-таки партизаны. — *Примеч. ред.*

Пять часов спустя два батальона карателей решили отомстить нам. Шесть самолетов, две бронемшины поддерживали их. Им удалось потеснить отряд «Большевик», но большой ценой. Фашисты нанесли также некоторый урон группам самообороны. Тогда мы, в свою очередь, решили разгромить карателей, вырвать у них инициативу на этом участке партизанского фронта¹.

Днем совершенно неожиданно для фашистов партизаны подошли к станции Холмечи и с трех сторон атаковали ее.

Батальон немцев, охранявший станцию, был застигнут врасплох. Солдаты металась в панике и попадали под прицельный огонь партизан. За несколько минут они расстреляли более семидесяти немцев, подорвали танк и бронемашину, взорвали станцию и путевое хозяйство. Захватив портфель с секретными документами, партизаны ушли, потеряв в этой операции шестнадцать человек ранеными и пять убитыми.

В ночь на Первое мая отряд товарища Вылова пробрался глухими тропами в тыл к противнику. Пройдя 15 километров, он с ходу ударил по немцам. Услышав стрельбу у себя в тылу, каратели бросились наутек в направлении Кокаревки. Но здесь они наткнулись на приготовившийся к атаке другой отряд. Из Тарасовки, Шемякино и Кокаревки наши отряды перешли в наступление и наголову разгромили карателей. Разрозненные остатки их батальонов бежали кто куда.

А затем по случаю праздника Первого мая и победы над карателями в селе Чернь мы провели демонстрацию трудящихся и парад партизан...

¹ Здесь и далее автор сводит воедино события, произошедшие в разные дни. 3, 6 и 8 мая 1942 г. части «народной милиции» под командованием заместителя бургомистра Г.Н. Балашова пытались безуспешно штурмовать Тарасовку и Шемякино. Лишь 11 мая при поддержке пяти самолетов и двух бронемашин каминцы (около 500 бойцов) отбили деревню, потеряв в боях 30 человек убитыми и ранеными. — *Примеч. ред.*

К.Ф. Фирсанов¹

КАК КОВАЛАСЬ ПОБЕДА

Группа М.А. Забельского оказала помощь в организации оперативно-чекистской работы, освободила ряд чекистов от не свойственных им функций в отрядах и сосредоточила их усилия на оперативной деятельности по вылавливанию немецких лазутчиков, проникавших в отдельные отряды, организовала мероприятия по разложению полицейских гарнизонов и частей так называемой «Русской освободительной армии» (РОА). Товарищ Забельский лично провел операцию по разгрому полицейских гарнизонов в Шемякино и Тарасовке. Подобранные им люди проникли в эти гарнизоны, склонили нескольких полицейских во главе с начальником перейти на нашу сторону. При их помощи немецкие часовые и патрули в селах были бесшумно сняты, а гарнизоны разгромлены. Было захвачено 98 пулеметов, 3 пушки, 200 винтовок, много боеприпасов и продовольствия и 156 пленных.

...Штаб товарища Емлютина совместно с оперативно-чекистским отделом разработал план проведения массовой операции под кодовым названием «рельсовая война».

Наступила ночь на 22 мая 1942 года. Семь партизанских отрядов — девятьсот двадцать человек — вышли к железнодорожной

¹ Фирсанов Кондратий Филиппович (1902—1993). Родился в семье крестьянина. Работал в хозяйстве отца, затем был рабочим-землекопом, телефонистом, налоговым инспектором. В 1937—1938 гг. — секретарь Елифаньского райкома партии. С 1938 г. — в НКВД. В 1939—1944 гг. — начальник управления НКВД, НКГБ по Орловской области; в 1944—1949 гг. — начальник управления НКВД, МВД Брянской области; в 1949—1954 гг. — министр внутренних дел Башкирской АССР. Снят с должности «за допущенные серьезные ошибки в руководстве органами МВД республики». В 1954—1958 гг. — зам. начальника Управления Кузнецовского ИТЛ МВД; в 1958—1960 гг. — зам. начальника УИТК УМВД Куйбышевской области. В 1960 г. уволен в запас. Воспоминания публикуются по: *Фирсанов К.Ф. Как ковалась победа / За линией фронта. Очерки. Тула, 1968. С. 5—85.*

линии Брянск — Гомель. На участке Кривой Рог — Выгоничи они разрушили семь с половиной километров телеграфно-телефонной связи. Кроме партизан в операции участвовало мирное население. Двести человек из Выгоничского и Трубчевского районов пришли со своими топорами и пилами, чтобы помочь партизанам разрушить нужную врагам дорогу к фронту. Ими руководили специально выделенные группы партизан, мастеров диверсии, заранее хорошо проинструктированные командованием. Толовые пашки для подрыва рельсов были припрятаны заранее. Хотя подготовка этой операции требовала много времени и в ней участвовало более тысячи человек, не нашлось никого, кто сообщил бы немцам о нависшей над их коммуникациями угрозе. Начало «рельсовой войны» было для немцев полной неожиданностью. Они вынуждены были вызвать два батальона специальных железнодорожных войск. Около четырех тысяч немецких солдат и офицеров долго работали над восстановлением линии, разрушенной партизанами за одну ночь.

А через двадцать дней отряды имени Стрельца, «За Родину», имени Калинина, Кокаревский и некоторые другие на линии Брянск — Льгов, на участке Погребы — Борщево разрушили еще три километра пути, сожгли станцию Погребы и уничтожили несколько десятков солдат из охраны станции. Чтобы отвлечь внимание немцев от проведения этой операции, штаб товарища Емлютина организовал нападение на ряд крупных полицейских гарнизонов, в частности в селе Крупец на хуторе Холмецкий и других. В этих операциях было убито около двухсот полицейских. Заранее предупрежденное командование фронта оказало партизанам помощь. Авиация фронта в эту ночь нанесла сильные бомбовые удары по станциям и поселкам Навля и Локоть, куда немцы стянули крупные подразделения полиции и войск так называемой «Русской освободительной армии», состоявшей из предателей и изменников Родины.

Газетка Локотского окружного управления «Голос народа», невольно отражая панику, возникшую среди немцев после этой операции, 5 июля 1942 года писала:

«В ночь на 3 июля партизаны совместно с авиацией предприняли небывалое наступление на наши оборонительные позиции».

Я привел только два примера. Но такие крупные рельсовые операции проводились неоднократно.

...Орловская область уже в первые дни войны Верховным Советом СССР была объявлена на военном положении, а вскоре и действительно стала прифронтовой областью. Отделы областного управления, а также городские и районные органы НКВД, обеспечивая государственную безопасность в области, одновременно вели подготовку мероприятий для работы в тылу противника в случае оккупации этих городов и районов. Кроме разведывательно-диверсионных групп, о которых сказано выше, они тщательно и кропотливо подбирали надежных людей для работы в тылу противника.

Сотрудник орджоникидзеградского горфинотдела коммунист А.И. Енюков дал согласие остаться в тылу врага для подпольной работы. Местом жительства он избрал райцентр Комаричи. Устроившись и осмотревшись, Алексей Иванович поступил работать завхозом в комаричскую больницу. Здесь он познакомился с врачом П.Г. Незымаевым, уроженцем села Радогощь, кандидатом в члены КПСС. Товарищи Енюков и Незымаев договорились о совместной подпольной работе. Созданная Незымаевым подпольная группа из комсомольцев, медицинских сестер, вела разведывательную работу и распространяла листовки. Незымаеву удалось раздобыть радиоприемник. С тех пор члены группы регулярно слушали и записывали сводки Совинформбюро, а затем распространяли их в селах и деревнях.

Группой Енюкова — Незымаева через связников руководил А.И. Кугучев, бывший начальник Навлинского райотдела НКВД, находившийся в партизанском объединении Емлютина.

Незымаеву удалось войти в доверие к немцам, особенно к их холую — начальнику Локотского округа предателю Каминскому. Молодого врача назначили начальником окружной больницы, ко-

тору он превратил в конспиративную явочную квартиру, в штаб антифашистской организации. Вскоре Незымаев стал членом созданной немцами медицинской комиссии по мобилизации населения на работу в Германию и в полицейские войска, создаваемые предателем Каминским. По справкам Незымаева более 150 человек были освобождены от угона в Германию, около 200 жителей района избавились от службы в полиции.

Более 200 человек из освобожденных ушли к партизанам.

Рискуя жизнью, группа Енюкова—Незымаева поместила в больницу двух летчиков со сбитого советского самолета и лечила их до выздоровления. Незымаевцы помогали партизанам, снабжая их медикаментами.

Группе Енюкова — Незымаева было известно, что начальник округа Каминский и начальник окружной полиции Масленников враждебно относятся друг к другу.

Масленников не менее преданно, чем Каминский, служил немцам, жестоко расправлялся с населением и партизанами и явно претендовал на место, которое занимал его шеф.

В июле 1942 года Каминский был легко ранен, попав в засаду партизан. Подпольщики написали Каминскому анонимное письмо, в котором сообщили, что Масленников был причастен к организации этой засады. Через два дня немцы повесили Масленникова¹.

Товарищ Незымаев втянул в подпольную работу Павла Фандюшенко, начальника штаба отряда и Юрия Малахова, начальника артиллерии.

Фандюшенко и Малахов, по существу, организовали военную секцию подпольной организации и сумели переправить к парти-

¹ По другой версии, Масленников, а вместе с ним начальник штаба одного из батальонов Паршин (согласно другому источнику, Поддуб), следователи Гладков и Третьяков являлись агентами НКВД. Так, Гладков, по утверждению каминцев, еще при отступлении Красной армии в 1941 г. даже взорвал Лопадинский завод. Такая трактовка содержится в листовке, составленной пропагандистами РОНА осенью 1943 г. на территории Белоруссии и адресованной партизанам. — *Примеч. ред.*

занам большую группу советских людей, насильственно мобилизованных в полицию.

В октябре 1942 года, в момент налета партизан на станцию Шарово, Малахов, стянув к месту боя немецкую артиллерию, как было условлено заранее, сдал ее партизанам.

Фандюшенко, привлеченный Незымаевым к подпольной работе, в свою очередь, вовлек в патриотическую борьбу ряд чинов полиции.

Фандюшенко и привлеченные им чинов полиции готовили для перехода к партизанам несколько полицейских батальонов. Но предатель Кытчин, пробравшийся в группу Фандюшенко, выдал их. По его доносу гестапо 1 ноября 1942 года арестовало Незымаева и группу полицейских, составлявших военную секцию подпольной организации¹. Товарищу Енюкову удалось, буквально из-под носа гестаповцев, уйти к партизанам. Операция по сдаче партизанам батальона сорвалась. Незымаева и семерых его товарищей после жестоких пыток в гестапо приговорили к смертной казни. Патриоты вели себя мужественно. Уже стоя под виселицей, П.Г. Незымаев обратился к народу, собравшемуся на площади, с призывом вести непримиримую борьбу с захватчиками.

Несколько позже партизаны по планам, разработанным ранее Енюковым и Незымаевым, сделали мощный налет на станцию Комаричи, перебили охрану местной тюрьмы, выпустили арестованных, разгромили два воинских эшелона и уничтожили не менее ста немецких солдат и полицейских.

Это была справедливая священная месть партизан за славного сына советской Родины коммуниста П.Г. Незымаева и его соратников.

...С первых дней оккупации в городах и районах нашей области стала всплывать на поверхность разная нечисть: троцкисты, меньшевики, правые эсеры, кулаки и бывшие купцы. Кое-где появились доставленные немцами с эмигрантской свалки помещики.

¹ Арест Незымаева и членов его организации проводило не гестапо, а сотрудники абвергруппы-107. — *Примеч. ред.*

Вся эта немногочисленная, но очень обозленная и грязная свора была верной опорой и лакеями фашистов.

Бургомистром Орла немцы сделали бывшего белогвардейца Старова. Сыскную полицию Орла возглавлял бывший купец Букин. Брянскую управу наводнили бывшие меньшевики. В районах Дятьково, Погар, Мглин всплыли осколки эсеровщины. Вся эта нечисть стала искать формы, чтобы объединиться и придать себе политическую окраску.

В Брасовском районе предатели Воскобойник, помещичий отпрыск, до войны работавший преподавателем лесохимического техникума, и бывший троцкист Каминский с согласия заместителя командующего 2-й немецкой армии генерала Шмидта начали создавать из всяческих антисоветских элементов контрреволюционную партию фашистского толка, назвав ее «национал-социалистическая партия всея России — Викинг». Организатором и руководителем этой партии стал Воскобойник, присвоивший себе псевдоним «Инженер Земля», его заместителем — Каминский.

Воскобойник и Каминский провели вербовку членов в организацию, создали несколько ячеек. Обнародовали устав и программу, выпустили манифест, в котором провозгласили цель — реорганизовать русское суверенное государство и его вооруженные силы. Члены этой организации заняли руководящие посты в окружном самоуправлении: обер-бургомистр, полиция, командование частями «РОА» и другие.

Организаторы шайки стали пытаться распространять свое влияние на районы смежных областей и рассчитывали превратить ее в партию всей оккупированной территории России.

Немцы впервые, как бы в порядке эксперимента, образовали для них в поселке Локоть, райцентре Брасовского района, военный округ¹. Создателей «Викинга», по заверению командования

¹ Локотский округ официально появился после 19 июля 1942 г., когда вышел соответствующий приказ командующего 2-й танковой армии генерал-полковника Рудольфа Шмидта. При Воскобойнике округа еще не было. — *Примеч. ред.*

2-й армии, ожидал вызов на прием в Берлин, где должно было состояться официальное признание Гитлером их организации.

Воскобойник и Каминский начали активную борьбу против партизанского движения. Они выступали в селах с провокационными речами с целью настроить население против советской власти, применяли жестокие меры против всех, кто положительно относился к партизанам. Они добились от немецкого командования создания крупных полицейских сил и использования войсковых власовских формирований для борьбы с партизанами, провели принудительную мобилизацию для службы в полицейской бригаде. Пытаясь запугать партизан, Воскобойник издал приказ, в котором писал:

«Предлагаю всем партизанам, оперирующим в Брасовском районе и близлежащих окрестностях, а также всем лицам в недельный срок, то есть не позднее 1 января 1942 года, сдать старостам все имеющееся у них оружие, а самим явиться для регистрации к старосте в поселок Локоть. Являться небольшими группами в 2—3 человека. Все не явившиеся будут считаться врагами народа и уничтожаться беспощадно».

Перед чекистами, работавшими в зоне партизанского объединения Емлютина, была поставлена задача уничтожить эту банду предателей¹.

Товарищи Емлютин, Абрамович и Кугучев провели необходимую оперативно-чекистскую работу, изыскали подходы и установили, где будет происходить сборище основного актива этой организации².

¹ Тем не менее некоторые современные исследователи утверждают, что ставилась задача ликвидировать одного К.П. Воскобойника, пытаясь тем самым нивелировать неудачу партизан во время налета на Локоть в ночь на 8 января 1942 г. — *Примеч. ред.*

² Ни Емлютин, ни Абрамович, ни Кугучев не принимали участия в разработке операции по нападению на Локоть. Утверждение, что в ночь на 8 января 1942 года должно было проходить совещание руководителей НСПР, является мифом. — *Примеч. ред.*

В день собрания «актива», 8 января 1942 года, партизаны из нескольких отрядов на ста двадцати санных упряжках совершили смелый налет на поселок Локоть. Первая группа партизан, ворвавшаяся в поселок с пулеметами и автоматами, окружила помещение лесохимического техникума, где находились главари организации.

Партизаны ураганным огнем пулеметов, автоматов нанесли сокрушительный удар. Подоспевшая основная группа партизанских сил довершила разгром, в окна и на балконы полетели гранаты. Операция была проведена в быстром и решительном темпе. Хотя рядом с техникумом находилось полицейское управление, полицейский гарнизон не успел привести силы в боевую готовность.

Основной актив организации, в том числе главарь ее «Инженер Земля» Воскобойник были уничтожены. «Викинг» как организация, не дождавшись признания ее Гитлером, перестала существовать.

Заместитель главара Каминский случайно уцелел. После гибели Воскобойника он занял пост обер-бургомистра округа, одновременно стал военным руководителем полицейской бригады и формирований «РОА». Немцы возвели его в чин бригадного генерала. Предпринятые чекистами попытки уничтожить этого предателя, к сожалению, не увенчались успехом.

В 1943 году немцы блокировали партизанские соединения южного массива Брянского леса. Снятыми с фронта дивизиями и полицейскими частями при поддержке крупных сил танков и авиации организовали широкую карательную экспедицию против народных мстителей¹.

В партизанском крае создалась тяжелая обстановка. В этот период Каминский решил на очередную провокацию. Он обратился к партизанам с личным посланием, пытаясь убедить их

¹ Речь идет об операции «Цыганский барон». Проводилась с 21 по 30 мая 1943 г. — *Примеч. ред.*

в безнадежности дальнейшего сопротивления, призывая сложить оружие и сдаться немцам.

Партизаны, получив это высокопарное и насквозь лживое послание, решили дать на него достойный ответ. Привожу дословно текст партизанской отповеди, при составлении которой они, видимо, руководствовались опытом славных запорожцев, писавших в свое время ответ турецкому султану. Чекистами письмо было доставлено Каминскому.

«Главному предателю, фашистскому холую, сиятельному палачу русского народа, шлюхе гитлеровского притона, кавалеру ордена в мечях и осинового кола, обер-бургомистру Каминскому. На твое письмо шлем мы ответное слово. Мы знаем, кто ты — изменник! Ты предал Родину за чины и ордена. Ты был троцкистом, тебе не впервые торговать Родиной и кровью русского народа.

Мы тебя били с твоей поганой полицией. Вспомни, как, удирая от партизан, ты потерял свои грязные портки и кожанку. Дрожи еще сильнее, сволочь! Слышишь канонаду? То наши советские пушки рвут в клочья твоих хозяев-немцев. Ты содрогаешься при разрыве наших приближающихся снарядов. Дрожи еще сильнее, знай, час расплаты близок.

Мы были мирные люди — добрые хозяева, ласковые отцы, мужья и братья. Немецкие двуногие звери твои бандиты посеяли зло и ненависть. Волки лютые, людишки без чести и совести! Это вы залили кровью нашу землю, опозорили наших жен, сестер, невест, угнали свободных советских людей на немецкую каторгу.

И как ты, палач и злодей, после всего этого вздумал пригласить нас к себе в плен?

Мы народ не из нежных и своей брехней нас не возьмешь, не запугаешь.

Ты всю свою жизнь торговал телом и своей совестью, так, как старая проститутка, содержательница бардаков, торгуешь и теперь жизнью русских людей.

Так как же ты, грязная сволочь, посмел обратиться к нам, смердить наш чистый воздух? Не в предчувствии ли взрыва на-

родного гнева, не в предчувствии ли окончательного разгрома фашистских орд, ты завыл, как шакал?

Короток наш разговор с тобой. Вот тебе последнее слово наше: придем к тебе скоро, скорее, чем ты ожидаешь. Красная армия бьет немецких разбойников на востоке. Америка, Англия — с запада и юга. Так не пеняй, смрадный Иуда, когда на твое приглашение мы, партизаны, двинем вместе с Красной армией с юга и севера, с востока и запада. Мы придем мстить, и месть эта будет беспощадной. Солдат и полицейских, обманутых тобой, мы пригласим в гости, мы их помилуем, если они вовремя опомнятся. А для тебя мы приготовим основной кол и петлю с большим узлом под подбородком.

До скорого свидания, обер-палач! Долизывай, пока еще жив, щетинистые зады твоих немецких генералов.

Партизаны Орловщины».

Таким был ответ предателю в письме. Текст письма был оглашен в боевых подразделениях, ведущих жестокие бои с неравными силами врага, блокирующими партизан.

Кольцо блокады партизаны разорвали. Прорыв блокады был возложен на бригаду «За Родину» (командир Г.Х. Ткаченко, комиссар — Н.П. Костин) и отряд имени Ворошилова (командир П.Г. Катков, комиссар — А.Ф. Князев). Противник с 19 мая по 3 июня 1943 года потерял убитыми 3250 и ранеными 668 солдат и офицеров, много танков, бронемашин, пушек и вынужден был увести свои войска, так как партизаны, прорвав вражеское кольцо, стали громить блокирующие немецкие войска с тыла¹.

Несмотря на это, редактор Оксан на страницах продажной лживой немецкой газетки «Речь» заявил, что партизаны уничто-

¹ По данным немецкого командования, в ходе операции «Цыганский барон» партизаны понесли следующие потери: 1459 человек убито, 420 взято в плен, 6 дезертировало. Из зоны боев было эвакуировано 2392 человека. В районе боевых действий было обнаружено 30 отдельных лагерей, около 300 жилых землянок, 100 блиндажей, 200 подготовленных огневых точек, связанных ходами сообщения. — *Примеч. ред.*

жены, захвачены их базы и пушки. На самом же деле партизаны, хотя и понесли значительные потери, но вышли из блокады еще более закаленными. И в последующих боях враг не раз испытывал силу ударов тех партизан, которые, по утверждению Октана, были уничтожены...»

П.Я. Пархоменко¹

КОМАРИЧСКИЕ ПОДПОЛЬЩИКИ

Недавно вновь пришлось побывать в местах, знакомых мне с суровых дней 1941—1943 годов. Здесь довелось встретиться с друзьями и товарищами, с которыми свела меня дорога войны в те грозные дни, с кем делил радости побед и лишения, чем были наполнены годы партизанской и подпольной борьбы против немецко-фашистских захватчиков.

Была встреча и в покосившемся от времени домике на Привокзальной улице в Комаричах, где живут пенсионер Гавриил Иванович Незымаев и его жена Анна Ивановна. В этом домике сейчас тихо. А когда-то было многолюдно и шумно.

В первые дни войны отсюда на защиту Родины ушли три сына Незымаевых: Михаил, Акиндин и Владимир. Все они пали смертью героев на разных участках фронта. Четвертому сыну, Павлу, не удалось попасть на фронт, но и он не остался в стороне от борьбы с врагом. Павел Незымаев стал одним из организаторов подпольной борьбы с оккупантами и изменниками Родины в здешних местах.

Перед самой войной Павел окончил Смоленский медицинский институт. В институте он не только отлично учился, но и вел большую общественную работу как секретарь комитета комсомола. Здесь же он стал кандидатом в члены партии. Получив

¹ Бывший секретарь Навлинского подпольного окружка комсомола. Публикуется по: Партизаны Брянщины. Сборник рассказов бывших партизан. Т. 1. Брянск, 1959. С. 246—260.

диплом, Незымаев поехал работать в районную больницу родных ему Комаричей.

Началась война, и он должен был почти все дни находиться на призывном пункте, осматривая призывников и добровольцев. Он рвался на фронт, но ему сказали, что он нужен здесь.

Район был внезапно оккупирован фашистскими войсками. Врач оказался на занятой врагами территории, спасая жизнь тяжелооболыным, которые оставались в больнице.

Врач им сообщил о приходе гитлеровцев и спросил:

— Что же будем, дорогие, делать? Придется, наверное, расставаться. Давайте адреса своих родственников, постараемся доставить вас к ним. Дадим лекарства и будете долечиваться дома.

Когда же стали выяснять адреса, то оказалось, что большинство прикованных к постелям везти некуда: у одних близкие родственники эвакуировались, другие, после призыва в армию военнообязанных членов семей, остались одиночками. Несколько человек были нездешними. Так, молодая женщина Надя жила с мужем в пограничной зоне. Уезжая оттуда, она в пути тяжело заболела, была снята с поезда и помещена в эту больницу. Ее положение осложнялось еще и тем, что Надя скоро должна была стать матерью.

Фашисты между тем уже хозяйничали в поселке. Вот-вот, видимо, заявятся и сюда. Со стороны станции слышались выстрелы, появились первые жертвы «нового порядка». Стало известно, что гитлеровцы занимают больницы под военные госпитали, а больных, в лучшем случае, выгоняют, чаще же уничтожают.

Куда девать больных? Этот вопрос мучил врача. Теперь все было на его совести. Обращаться за советом и помощью не к кому. Тревожила и судьба, которая ждет его самого. Он ведь кандидат в члены партии. Хорошо, что в Комаричах об этом никто не знает. Но есть же у него самого чувство долга, есть органическая потребность участвовать в борьбе с врагом.

Незымаев слышал, что многие бойцы, попавшие в окружение, перешли через линию фронта. С ними ушли работники во-

енкомата и другой актив. Как хотелось бы Павлу сейчас быть на их месте! Но как быть с этими с надеждой смотрящими на него людьми?

Бросить их? Дескать, все равно им погибать... При этой мысли краска стыда заливала его лицо. Один из больных, видимо, неплохо разбиравшийся в людях, поняв душевное состояние врача, как-то сказал:

— Павел Гаврилович, напрасно вы мучаетесь. Нам отсюда не выбраться, а вы можете спастись. Оставьте нужные лекарства медицинской сестре Ане Борисовой и уходите.

Незымаев ответил:

— Я никуда не уйду от вас. Буду лечить, пока это будет возможно.

Больница была на окраине поселка, и фашисты не сразу туда заявили.

Но через некоторое время лучшая часть больницы была отведена для лечения гитлеровских солдат и офицеров, а худшая оставалась под гражданскую больницу, врачом которой и продолжал работать Незымаев. Он рассчитывал: вот подлечит больных, выпишет их и тогда уйдет в лес, где должны быть партизаны. Но больных не убывало, а приходили все новые и новые, которых нельзя было не принять на стационарное лечение.

Лечил он наших советских людей. Все же совесть мучила за такой образ жизни. Он все яснее понимал, что и в таких условиях можно и нужно быть достойным тех бойцов, которые самоотверженно сражаются на фронте. Стал думать о создании подпольной организации, внимательно присматриваться к окружающим людям.

Близкое общение на работе с комсомолкой медицинской сестрой Аней Борисовой убедило его, что это надежный человек. Муж ее сражался на фронте, а она, не успев эвакуироваться, осталась с маленькой дочкой Олей. В один из вечеров, дольше обычного задержавшись в больнице, Аня сказала ему:

— А знаете, Павел Гаврилович, разобьют фашистов, кончится война, придет с фронта мой муж и спросит: «Ну, Аня, чем ты тут

занималась, когда мы фашистов на фронте били?» Что я ему скажу? У фашистов работала?

— Да, — ответил Незымаев, — и Родина спросит..

У Ани были родственники, ушедшие в партизанский отряд. Она знала, что у комсомольца Пети Тикунова двоюродные братья тоже ушли в лес. Говорили даже, что к нему приходили партизаны. Узнав об этом, Незымаев попросил организовать с Петей встречу. Эта встреча состоялась в больнице. Тикунов действительно оказался настоящим советским патриотом. Договорились работать сообща.

Вскоре случай свел Незымаева с коммунистом Александром Енюковым. По состоянию здоровья он не подлежал призыву в армию. Когда гитлеровцы подходили к Бежице, где он работал в горфинотделе, Енюков эвакуировал свою семью, а сам продолжал выполнять задание горкома партии по отправке в советский тыл ценностей из города. Здесь его и застала оккупация. Пройти через линию фронта не удалось. Возвращаться в город было нельзя. Тогда он пришел к родственникам в Комаричи. Скрыл свою принадлежность к партии. Старался не показываться на глаза соседям.

Неподалеку жила семья рабочего железнодорожника Максимова. У него был сын комсомолец Володя. Енюков заметил, что Володя доверяется ему, резко высказывается против гитлеровских порядков. В ноябре советские самолеты, пролетая над Комаричским районом, разбросали листовки, сообщавшие вести с Советской Родины. Попала листовка и в руки Енюкова! Он поручил Володе размножить ее, что тот охотно и сделал.

Листовки были разбросаны по дороге на рынок и расклеены на ряде зданий. Более сотни таких же листовок, но с другим почерком, появились на железнодорожной станции и по дороге к больнице. Это уже было делом рук Ани Борисовой, выполнившей задание Незымаева.

До Комаричей дошли вести о разгроме врагов под Москвой и успешном наступлении Красной армии. Но гитлеровцы и из-

менники Родины всячески скрывали правду. И вновь появились рукописные листовки — уже более трехсот экземпляров.

Как-то зимой врача Незымаева попросили зайти на квартиру к Меркулову помочь больной его дочери. Здесь и состоялось их знакомство с Енюковым, который Меркулову доводился зятем. Разговор был коротким и осторожным, но они поняли, что обоих волнует один и тот же вопрос.

Друг другу они открылись не сразу, но встречи стали частыми. Наконец, настал день, когда Енюков рассказал о себе и о первых шагах своей работы против фашистов. Незымаев познакомил его с Аней, затем с Петей, в эту же группу вошли Володя, несколько позже — Алимов, бывший член бюро райкома комсомола. Павел Незымаев был признан руководителем подпольной комсомольской организации. Договорились, что ему надо создавать видимость добросовестной работы на врагов, чтобы не вызвать подозрения, а больницу сделать центром подпольной работы.

Претворяя в жизнь этот план, врач вошел в доверие к гитлеровцам, и его назначили начальником окружной больницы. Тут же он устроил Енюкова завхозом больницы. Через некоторое время в подпольную работу были вовлечены бывший работник райздравотдела Степан Арсенов, комсомолка медицинская сестра Валентина Маржукова и Михаил Суконцев.

У Пети Тикунова был дома радиоприемник, но пользоваться им там было опасно, поэтому решили его перенести на квартиру к Незымаеву. Петя жил за линией железной дороги, примерно в трех километрах от поселка. При переходе ее охрана, как правило, обыскивала людей. Это и усложняло решение задачи. Родные Ани Борисовой тоже жили за линией, и она иногда ходила туда с медицинской сумкой, оказывая помощь населению на дому. Полицейские, знавшие ее, обычно пропускали без проверки. Учитывая это, за дело взялась Аня.

Приемник она пронесила по частям. Два раза прошла благополучно, а на третий, когда проходила мимо вокзала, полицейский задержал ее.

— А ну-ка, покажи, нет ли у тебя в сумочке спирту? — сказал он и протянул руку к сумке.

Аню обдало жаром, сжалось сердце. Она отдернула сумку, сама отступила на шаг и сердито сказала:

— Не смей лазить в сумку, а то вашему начальству пожалуюсь.

— Ах, вот ты как! Тогда я тебя просто обыщу как подозрительную.

Аня растерялась, мелькнула мысль: «Бежать»! Но ведь это бесполезно. Она постаралась взять себя в руки.

— Ох, какой ты петушистый! — с наигранной веселостью сказала она. — Так и сказал бы, что нужен спиртик. Так уж и быть, принесу немного. А сейчас нет ни капельки. Одни бинты да медицинские инструменты. На, сам посмотри, — и протянула к нему санитарную сумку, в которой внизу лежали части от радиоприемника, а у самой все замерло.

Полицейский подобрел:

— Ну ладно, верю. Принеси только. Я дежурю в четверг, буду ждать.

Приемник был установлен у Незымаева в темной спальне и замаскирован книгами. Устанавливал его один красноармейский радист Миша, лежавший в больнице. Во время боя его тяжело ранило осколками снаряда, вышибло большинство зубов, сильно раздробило нижнюю челюсть. Кроме него в больнице лежало под видом гражданского населения несколько советских летчиков. Их самолеты были сбиты, а сами они ушли от преследования. В больнице они лежали нелегально. В случае доноса врачу грозила виселица. Но он пренебрегал опасностью.

Однажды тайком, под вымышленной фамилией, на лечение в больницу был взят тяжелобольной старый коммунист Григорий Кузнецов. Затем появились и раненые партизаны. Их лечил Незымаев лично с помощью Ани. В карточках писали вымышленный диагноз. Вылеченные уходили в партизаны или через линию фронта.

К лету 1942 года по приказу Гитлера готовились большие силы для борьбы с партизанами. Кроме гитлеровских частей, подкрепленных артиллерией, танками и самолетами, шла усиленная мобилизация мужчин, особенно молодежи. окруженцев из Красной армии, оказавшихся на оккупированной территории, в полицию и в так называемое «русско-немецкое войско»¹. В то же время большое количество здоровых юношей и девушек угонялось на работу в Германию. Все они проходили комиссию.

Важную роль в медицинском отборе играл Незымаев, включенный в состав комиссии как главврач окружной больницы. На осмотре то и дело раздавался его гневный голос:

— Какие калеки идут, и откуда их только черти несут! Нельзя же в полицию и в «русско-немецкое войско» всякую дрянь собирать. Нет, нет! Пора прижать старост и старшин. Они явно укрывают здоровую молодежь. Это же безобразие!

Так он браковал совершенно здоровых. Сколько было таких случаев: заходит юноша согласно очереди к нему на осмотр, а выражение такое грустное, что сразу видно — не по охоте. Врач говорит:

— О голубчик, так ты же совсем без ног, у тебя хронический ревматизм коленных суставов. При непогоде, небось, не знаешь, куда ноги девать от боли, так ведь?

Пациент радостно кивает головой.

— Ну вот что, бери-ка справочку и айда домой, ты негож в полицию и для работы в Германию не годишься.

Таким образом около 150 человек было освобождено от угона в Германию и более двухсот человек — от службы в полиции и в войсках предателя Власова.

Более полутораста человек по этим же мотивам было уволено из полиции. Эта работа была очень рискованной, главное — нельзя было ошибиться — дать справку тому, кто действительно рад ей и не выдаст в случае чего. Нечего скрывать, среди проходив-

¹ Так в тексте. Имеется в виду Бригада Каминского. — *Примеч. ред.*

ших через медицинскую комиссию были и заядлые предатели, потерявшие честь и совесть, готовые за подачку продать врагу не только соседа, но и своего отца с матерью. Все это понимал Незымаев и старался не промахнуться. Большинство «больных» впоследствии оказывались в партизанах и активно сражались с оккупантами.

Но и эта работа уже не удовлетворяла подпольную комсомольскую организацию. Решили проникнуть в полицию, занять там своих людей и повести работу по разложению ее состава.

Летом Незымаев познакомился с Павлом Васильевичем Фандющенковым, служившим в Комаричах начальником штаба двух батальонов полиции. Как удалось установить, Фандющенков был лейтенантом Красной армии, членом партии. Когда они ближе познакомились, Незымаев как-то спросил у него:

— Слушай, ведь ты коммунист, лейтенант, а служишь у гитлеровцев. Как же это получается?

Фандющенков насторожился.

— Откуда это тебе известно? В полиции сказали?

— Нет, никто, кроме меня, об этом не знает. Этим интересуются хорошие люди.

Тогда Фандющенков сказал:

— Я буду до конца предан своей Родине и постараюсь это доказать.

Они крепко пожали друг другу руки. Павел познакомил Фандющенкова с Енюковым. Затем с его помощью были завербованы Константин Никишин, служивший командиром роты, Семен Егоров, являвшийся в полиции вначале командиром взвода, а затем начальником штаба 7-го батальона.

Эти трое, Незымаев и Енюков на одном из совещаний, которое состоялось в кладовой больницы, договорились и дальше выявлять надежных людей в полиции, выдвигать их на командные должности, повышать по службе, укомплектовывать ими расчеты орудий, минометов и пулеметов. Все это должно преследовать цель — подготовить полк полиции для сдачи партизанам. Было

также условлено, что о руководстве подпольного центра больше никто не должен знать. Как и прежде, безопасность совещания охраняла Борисова. Кстати сказать, она была засекречена, о ней никто не знал, кроме Незымаева и Енюкова. Такую же роль выполняла и Валя Маржукова.

Летом 1942 года произошли важные события, связанные с покушением партизан на обер-бургомистра Локотского округа полиции, Каминского. Первое покушение было в июле 1942 года, когда группа партизан обстреляла его из засады, но, к сожалению, ему удалось уйти живым. Второе — несколько позже. Разведчик из бригады «За Родину» Аркадий Лешуков, переодевшись в форму солдата власовской армии, со специальной подготовленной электроминой, вложенной в книгу, под видом посыльного гестапо проник на квартиру к Каминскому и книгу лично вручил ему. Расчет был такой: при раскрытии книги замыкаются электроконтакты и происходит мгновенный взрыв. Приняв книгу, Каминский задержал посыльного, а сам стал снимать обертку из белой бумаги, перевязанную шнурком. Здесь же, в комнате обер-бургомистра, присутствовали шесть его сообщников. Разведчик уже не рассчитывал вырваться живым и приготовил имевшуюся у него гранату «лимонку» на случай неудачи.

В эту минуту раздался телефонный звонок. Из разговора можно было понять, что обер-бургомистру нужно срочно прибыть в комендатуру. Завернув обратно книгу, он вышел из дому, сел в машину и на ходу крикнул Лешукову:

— Иди в комендатуру. Ты мне будешь нужен.

Развернув пакет в машине, бургомистр открыл книгу не с лицевой стороны, а с обратной, то есть с той, где была вложена мина. Заметив подозрительную вставку, Каминский выбросил книгу в окно машины, и мина взорвалась на мостовой. Опять мерзавец остался в живых.

Узнав о покушении на Каминского, Комаричская подпольная организация решила использовать этот факт как средство борьбы с изменниками Родины. Было написано несколько анонимных писем

обер-бургомистру, в которых сообщалось, что покушение на него было организовано вовсе не партизанами, а начальником Комаричского отделения полиции Масленниковым, что в заговоре участвовали полицейские следователи Гладков и Третьяков, начальник штаба полка полиции Паршин. Эти гады отличались особой жестокостью к населению. Вскоре подпольщики узнали, что предатели были расстреляны самими же предателями по указанию Каминского...

На приеме больных одна женщина сообщила врачу, что враги захватили двух обгоревших советских летчиков, выпрыгнувших из подбитого самолета, и посадили в комаричскую тюрьму. Незымаев решил помочь летчикам. С помощью Фандющенкова он получил разрешение на обследование тюрьмы. Здесь врач дал заключение, что летчикам Старостину и Вишневному нужно немедленное стационарное лечение.

Через несколько дней оба летчика оказались в больнице. Виктор Старостин был 1921 года рождения, комсомолец, по званию младший лейтенант. Когда вылечился, он был переправлен с помощью Ани Борисовой и Пети Тикунова в партизанский отряд имени Чкалова, а оттуда на Большую землю. Он снова стал летчиком, получил боевую машину и сражался до дня нашей полной победы. Он и сейчас жив-здоров и с благодарностью говорит о тех, кто, рискуя своей жизнью, спас и вернул его в строй.

И таких военнопленных, спасенных коммунистами и комсомольцами подпольщиками, не один десяток. Михаил Тимаков был переправлен в отряд имени Тимошенко, Федор Масагутов, лейтенант-танкист, стал партизаном отряда имени Руднева. Всех не перечислить...

Тем временем подпольная организация все больше проникала в полицейский гарнизон. Завербованный Георгий Малахов, командир артбатареи, получил от Фандющенкова задание готовить к сдаче партизанам артиллерию. В октябре 1942 года такая возможность представилась. При нападении партизан на село Шарово Малахов всю артиллерию сдал без боя народным мстителям. Чтобы избежать подозрения, он сам ранил себя в ногу.

Выполняли задания подпольной организации также Степан Драгунов, оружейный мастер полиции, чьими стараниями оружие в нужный момент отказывало, Иван Стефамовский, Семенцев и ряд других.

В конце октября возник общий план сдачи трех батальонов полиции партизанам со всей боевой техникой и вооружением.

Нужно было сообщить это партизанам. Роль связных была возложена на трех окруженцев, участвовавших в строительстве больничных сооружений. Незымаев обратился к бургомистру с ходатайством, чтобы этих ребят за хорошую работу отпустили к семьям, которые якобы находятся в 30—40 километрах от Комаричей. Бургомистр согласился, пропуска были выданы. Енюков снабдил связных продуктами и, направляя их в лес, сказал:

— Найдите партизанское командование и передайте, что мы готовим сдачу гарнизона полиции. Пусть немедленно присылают к нам связных. Пароль — «Наступает осень», ответ — «Скоро выпадет снег».

Был разработан подробный план операции перехода гарнизона полиции на сторону партизан.

Связные ушли. В кладовой Енюкова вновь состоялось тайное совещание, на котором присутствовали Незымаев, Фандющенко, Енюков, Егоров, Никишин и Кытчин. Последний на совещании был первый раз и проявлял особую активность в обсуждении плана. Было решено: если связь наладится, осуществить переход к партизанам в следующее воскресенье. Когда все разошлись, Незымаев радостно сказал Ане:

— Ну, Аня, мы накануне больших и радостных событий. Праздновать годовщину Октября будем открыто, вместе с партизанами. Если бы ты знала, с каким большим подарком мы придем к празднику! А пока готовь четыре пары валенок, четыре полушубка и, самое главное, побольше ценных медикаментов. Смотри только, не попутай лекарства. Получше этикетки наклейте. Все упакуйте и спрячьте в операционной комнате в шкафу. Смотри, чтобы

все было сделано хорошо, остальное все узнаешь в свое время. Я надеюсь, ты пойдешь с нами?

— Конечно! Я очень буду рада вырваться из этого змеино-го болота. А дочурку можно с собой взять?

— Можно, можно.

Павел улыбался. Аня видела его таким радостным впервые и думала, как ему идет быть веселым, этому красивому с пышной белокурой шевелюрой и недавно отпущенной клинышком бород-кой человеку!

...Подошла суббота, а связных не было. Подпольщики все уже подготовили, дело было только за посланцами партизан.

Аня дежурила в больнице в ночь с субботы на воскресенье (с 31 октября на 1 ноября). Настало утро. Почему-то раньше обычного в больницу пришел Незымаев, усталый, осунувшийся, беспокойный.

— Вы что так сегодня рано, Павел Гаврилович? — спросила Аня.

— Знаешь, что-то тревожно на душе, — ответил он и тут же постарался замять этот разговор. — Иди, Аня, к моим старикам и отдохни, а я здесь останусь. Может, дождемся связных, тебе надо быть отдохнувшей.

День начался как обычно. Подошел обеденный перерыв, и Па-вел пошел домой. Хотелось кушать, он ведь сегодня был без за-втрака. Волнение несколько улеглось.

Когда подходил к своему дому, его догнал полицейский Блю-денов и сказал:

— Вас вызывают в полицию.

Приняв этот вызов за обычный — так ведь и раньше бывало не раз, — врач ответил:

— Хорошо, идите. Я сейчас немного перехвачу и приду.

— Нет. Сказали приходить вместе.

Павел посмотрел на полицейского. Все было как прежде. Толь-ко на этот раз он почему-то был с винтовкой.

«Да мало ли почему?» — стараясь себя успокоить, подумал Незымаев и вслух сказал своим родным и Ане, находившейся здесь же: — Я скоро приду.

Чем ближе подходил к полицейскому штабу, тем тревожнее билось сердце. У здания полиции стояла машина. Видимо, из Локтя. Возле нее были незнакомые полицейские и гитлеровцы. Когда Павел поравнялся с машиной, его неожиданно грубо толкнули в нее. Теперь было ясно, что все кончено...

Дома мать подготовила обед, поставила его на стол, и он уже остывал, а сын все не возвращался. Аня решила узнать, в чем дело. Пошла в полицию. Навстречу ей попался писарь Минаков, который и сообщил об аресте Фандющенкова, Егорова, Никишина и что сейчас врача тоже арестовали. Аня старалась не выдать себя и быстро возвратилась к старикам Незымаевым. Сообщила им, о чем узнала, и поспешила в больницу. Гавриил Иванович, отец Павла, понимая, что сейчас могут прийти с обыском, зашел в спальню, вытащил радиоприемник и воспользовался единственной возможностью — выбросил его в уборную. Аня застала Енюкова в больнице. Рассказала ему о случившемся.

— Мне надо уходить, — сказал Енюков. — Тебе, пожалуй, можно остаться, ведь ты была у нас в секрете. Оставайся на месте и выполняй обязанности руководителя организации. А теперь, Аня, беги скорее и предупреди об аресте Стефановского, Арсенова и Драгунова. Видно, кто-то предал. Ну, прощай!

Аня ушла выполнять задание, но вдруг вспомнила про радиоприемник. А что если старики Незымаевы не догадались спрятать его? Вначале к ним. Надо уничтожить улики.

Но она не дошла до дома. Ей встретилась машина, из которой спросили, где живет Енюков. Она показала. В это время увидела, что к Незымаевым хода нет. Там полицейские, уже шел обыск. Ничего не найдя, предатели неистовствовали, ставили старика и мать к стенке, грозили убить, требовали показать, где спрятано оружие сына и радиоприемник.

Борисова вновь прибежала в больницу и еще застала Енюкова.

— Александр Ильич! Что же вы медлите? За вами уже машина пошла.

Он бросил все. Захватил список личного состава полка полиции, план огневых позиций и охраны Комаричей, самой станции и ушел. В одном из переулков он натолкнулся на вооруженного полицейского. Хотел побыстрее пройти мимо, но тот его остановил:

— Вы не видели завхоза больницы?

— Это Енюкова, что ли?

— Да, да, Енюкова.

— По-моему, это он совсем недавно пошел вот в том направлении, на Радогощь, — и показал совершенно в противоположную сторону.

Енюков добрался до Бочарова, где его укрыли на явочной квартире Василий Савин и Тикунов. Отсюда он и ушел в лес с партизанской разведкой.

Между тем Аня Борисова старалась успеть предупредить об опасности остальных подпольщиков. Дома застала Степана Арсенова. Тот хотел уйти под видом поездки на мельницу, но был схвачен. Стефановского и Драгунова дома не застала. Они тоже были схвачены на дороге. Успел уйти от ареста Михаил Суконцев, вступивший затем в дмитриевский партизанский отряд Первой Курской бригады.

Всего было арестовано восемь членов подпольной организации. Из состава этой организации остались на месте и продолжали работать Аня Борисова, Петя Тикунов, Валя Маржукова, Василий Савин (уже пожилой мужчина) и несколько человек из полиции. В силу конспирации тот, кто выдал организацию, не успел полностью узнать ее состава.

Страшным пыткам подвергали арестованных, особенно Незымаева и Фандющенко. Но они держались стойко, не выдавали друг друга. Ведь документальных улик не было. Но из хода допроса заключенные поняли, что гестапо знает о плане сдачи трех батальонов полиции партизанам и о распространении ими листовок и сводок Совинформбюро. Когда следователи убедились, что

никакими пытками не вырвать у арестованных признания, они организовали очную ставку.

Первым был вызван Павел Незымаев. Он еле поднялся и с трудом вышел из камеры на очередной допрос. В кабинете следователь опросил:

— Ну что, Незымаев, все упорствуешь? А зря. Твои дружки уже все рассказали. За это им сохраним жизнь, а тебя придется казнить. Подумай! Если опомнишься и все расскажешь, то останешься и ты жить. Не расскажешь — самого повесим и старикам место найдем на виселице.

— Это все ложь. Я ничего не знаю и, уверен, никто ничего не мог сказать.

— Введите на очную ставку, — дал распоряжение следователь, и в кабинет вошел Кытчин.

Но Павел стоял на своем. Он сказал, что с Кытчиным не знаком и то, что он говорит, это провокация.

Взбесившись, следователь подошел и изо всех сил ударил Незымаева. Он пошатнулся, но не упал. Изо рта сочилась кровь. Он собрал ее во рту и плюнул в лицо следователю. Тот стал бить его, потом вызвал полицейских.

— Эту красную сволочь — на пытки. Получше поправьте ему бородку с шевелюрой, а то не очень красивый будет болтаться на виселице.

7 ноября 1942 года в Локотской тюрьме стояла тишина. Не сбылись мечты подпольщиков этот праздник встретить с победой в рядах народных мстителей. 8 ноября на рассвете Незымаев П.Г., Фандющенко П.В., Никишин К.А., Арсенов С.Т., Драгунов С.М., Стефановский И.И., Егоров С. и Семенцев были выведены из камер со связанными проволокой руками. Они были еще связаны за руки попарно.

Их посадили на грузовую автомашину, принудили лечь на дно кузова лицом вниз и увезли в Комаричи. Здесь уже были приготовлены виселицы. Полицейские согнали на площадь население. Под сильным конвоем к месту казни привели арестованных.

Первым отделили Павла Незымаева и подвели к виселице. Его нельзя было узнать. Бородка была выдрана с мясом. Вместо красивых белокурых кудрей болтались запекшиеся кровавые комья. Он был в изодранной одежде — на одной ноге лапоть, на другой — чуня.

Павел сам подошел к виселице. Когда ему на шею надели петлю, он в последний раз обратил свой взгляд к собравшимся людям и громко сказал:

— Прощайте, дорогие друзья! Верьте, товарищи, скоро придут наши! Фашистские мерзавцы будут изгнаны с нашей земли! А предателям не уйти от народного возмездия! Да здравствует Родина!..

В это время из-под его ног был выбит ящик, виселица покачнулась.

Вторым рядом с Незымаевым повесили Фандющенко, а потом всех остальных. Как солдаты в бою, умерли верные сыны Родины.

Трое суток висели их трупы для устрашения населения. В скорбном молчании проходили односельчане мимо. На четвертый день в большой воронке от бомбы возле линии железной дороги, на северной окраине поселка, зарыли трупы повешенных.

Родным и близким не пришлось увидеть мужественную смерть героев. Они были арестованы целыми семьями и вместе с малолетними детьми брошены в заточение вначале в Локотскую, а затем в Севскую тюрьму.

Казнь не запугала оставшихся членов подпольной организации. Борьба продолжалась. Подпольная организация помогла партизанской разведке получить точные данные об охране, вооружении и численности войск в поселке и на станции Комаричи. И вот в ночь с 14 на 15 декабря 1942 года партизанские отряды Комаричского и Суземского районов осуществили успешный налет на станцию. В бою было истреблено более двухсот вражеских солдат, офицеров и полицейских, взорваны стрелки, пути, сожжено три вагона с продовольствием, семь грузовых автомашин,

выведены из строя две пушки, освобождено из тюрьмы 68 советских граждан. Это был ответ на зверства фашистов.

Уже много лет минуло с тех пор. Залечены глубокие раны войны. Но не забыты герои, отдавшие свои жизни за нашу победу. Светлую память земляков-подпольщиков чтят и жители Комаричей. На кладбище в одной ограде — рядом две братские могилы, над которыми возвышаются два скромных памятника с пятиконечными звездами на вершине. В одной похоронены бойцы Советской армии, а в другой — подпольщики. Вечную славу и память о скромных героях, павших в боях за Родину, хранят эти дорогие могилы!

В.К. Морозов¹

ВРАГУ ОТ НАС НЕ УЙТИ

...Работники органов безопасности, находившиеся в партизанских бригадах, осуществляли значительную работу не только по обезвреживанию вражеской агентуры, но и по пресечению враждебной советскому народу деятельности изменников Родины.

Среди таких предателей выделялся некий К.П. Воскобойник, в прошлом преподаватель Брасовского лесохимического техникума. Это был очень коварный и хитрый враг. В декабре 1941 года он уже был обер-бургомистром созданного фашистами Локотского округа — начальником полиции и руководителем военной антисоветской организации.

¹ Морозов Владимир Кириллович — оперуполномоченный Мглинского РО НКВД. Являлся помощником начальника оперативно-чекистской группы, действовавшей при партизанских формированиях южных и юго-западных районов Орловской области. Воспоминания публикуются по: *Морозов В.К.* Врагу от нас не уйти / За линией фронта. Очерки. Тула, 1968. С. 125—143.

Подлинное лицо этого немецкого холуя было раскрыто на допросе показаниями его жены.

Еще в 1921 году Воскобойник вступил в отряд белобандита Попова и активно выступал против советской власти¹. Ему удалось скрыться и обосноваться в Астрахани. Там по документам на имя Лошакова поступил на работу, получил квартиру. С целью изменения фамилии жены на Лошакову супруги вторично зарегистрировали брак. Родившаяся дочь тоже получила фамилию Лошакова.

Лошаков-Воскобойник закончил Институт народного хозяйства имени Плеханова и работал начальником электротехнических мастерских при палате мер и весов. Из-за боязни, что вдруг может открыться прошлое, Лошаков решился явиться с повинной в органы ГПУ и рассказать о своих преступлениях. С учетом его добровольного признания Воскобойник был осужден на три года. Отбыв наказание, уже под прежней фамилией будущий предатель выехал в Кривой Рог, где с ним в третий раз зарегистрировалась его жена, но теперь опять на фамилию Воскобойник.

При приближении гитлеровской армии чета Воскобойник получила документы для эвакуации в глубокий тыл, но предпочла остаться, чтобы работать на фашистов. Лютая ненависть к своему народу привела Воскобойника к гибели. Автоматная очередь, выпущенная одним из партизан, совершила правый суд.

Среди предателей, как правило, оказывались люди трусливые и малодушные. Завербованные немецкими разведывательными органами, они предавали честных патриотов, выдавали себя за партизан и провоцировали малоопытных в подпольной работе советских людей.

Борьба с агентурой врага была нелегкой, поскольку в партизаны шли тысячи людей.

¹ В то время К.П. Воскобойник примкнул к антисоветскому повстанческому отряду бывших красных командиров К. Вакулина и Ф. Попова. Сражался в составе пулеметной команды. — *Примеч. ред.*

В октябре 1942 года командованием отряда имени Димитрова Трубчевского района были направлены в разведку молодые партизаны М.Г. Воронин и С.С. Шилин. Не выдержав трудностей, эти люди перешли линию партизанской обороны и добровольно сдались представителю фашистской власти в деревне Колодезьки. Изменников направили в Трубчевск, где их завербовали работники немецкой контрразведки (группы «Виддер»), дали им задание убить командира партизанского отряда Шатохина и снабдили холодным оружием, запасом махорки. Воронин и Шилин возвратились в партизанский отряд.

Зоркие глаза партизан подметили, что Воронин и Шилин курили махорку, отличную от той, которой снабжались партизаны. Мы получали табак елецкой фабрики с этикеткой «Партизанам Брянских лесов», а у них были пачки той же фабрики с довоенным рисунком «Три белки». Эта мелочь и помогла нам разоблачить немецких лазутчиков, не дав им возможности выполнить террористический акт.

Однако возвращусь к основной теме рассказа. На первых порах развития партизанского движения отряды испытывали недостаток оружия, пистолеты-пулеметы пользовались заслуженной любовью, и поэтому нашим партизанам хотелось обладать таким оружием. Вот я и задался целью добыть ППП или ППД. Помню как-то об этом я разговорился с партизанами, и один из них, Василий Абакумов, сообщил, что в селе Шемякино он знает старосту, которому наш офицер при выходе из окружения оставил ППД и просил его сберечь до возвращения нашей армии. В тот момент этот гражданин старостой еще не был.

Подумав, я решил вместе с Василием Абакумовым пойти в Шемякино.

Дом старосты хорошо знал мой спутник, который в этом селе около трех месяцев лежал после ранения. Рано утром мы подползли к дому и минут сорок наблюдали, что делается в селе. Абакумов вдруг толкнул меня в бок и сказал: «Смотри, староста Машуров пошел к колодцу». Я, забыв обо всем, встал во весь

рост и окликнул старосту. У него от неожиданности оба ведра вывалились из рук. Я предупредил, чтобы он не пугался, что мы свои люди, что меня прислал командир за автоматом, оставленным на хранение.

Машуров пригласил нас к себе. Войдя в сени, он сказал, что автомат спрятан на чердаке и, подставив лестницу, полез наверх, а я остался стоять внизу, не подумав о том, что староста может меня с чердака прикончить из автомата. Но Машуров оказался добропорядочным человеком. Через несколько минут он дрожащими руками подал ППД и сказал, что у него есть и вторая «кателка» к автомату. Так он назвал запасной диск.

Машуров мне понравился, и я, как чекист, не мог упустить представившегося мне случая.

Разговор с Машуровым был весьма коротким. Я прежде всего спросил, какая нужда заставила его стать старостой, неужели он думает, что Красная армия покинула родные земли навсегда, неужели он, русский человек, хочет служить оккупантам? Машуров заплакал и сказал, что он готов сейчас же вместе со своей женой пойти в партизаны и вместе с ними воевать с ненавистным врагом. Затем он пояснил, что старостой села его избрали жители села на собрании. Я поверил Машурову, но брать его в отряд не решился, а предложил ему другое — помогать партизанам. Машуров снова заплакал, столовым ножом разрезал себе руку и на листе бумаги написал собственной кровью: «Я всегда с вами, всегда со своей Родиной и родной Коммунистической партией».

...Кровью расписавшись на обязательстве, Машуров установил с нами постоянную связь и оказывал партизанам громадную помощь.

Когда оккупанты приказывали ему собрать несколько десятков тонн хлеба, мяса и других продуктов питания, он это беспрекословно выполнял, но перед тем, как направлять обоз в поселок Локоть, сообщал нам маршрут и время движения. Всякий раз партизаны нападали на этот обоз и увозили с собой собранные Машуровым продукты.

Машуров снабжал нас и ценными разведывательными данными. День 1 мая 1942 года было решено отметить захватом немецкого гарнизона, размещавшегося в селах Тарасовка и Шемякино, расположенных друг от друга на расстоянии одного километра.

В ночь на 1 мая, имея пароль и отзыв, которые нам сообщил товарищ Машуров, мы небольшой группой, примерно в шестьдесят человек¹, зашли в эти села, сняли постовых без единого выстрела, обезоружили караульных, а потом начали собирать остальных изменников Родины, в чем нам уже помогали обезоруженные солдаты.

Таким образом, к утру 1 мая мы взяли в плен 150 изменников и предателей Родины², захватили пять грузовых машин, несколько пушек и минометов, один танк и много боеприпасов.

Таков один пример. А их было немало. Ведь даже в тяжелое для партизан время майско-июльской блокады 1943 года советские патриоты совершали беспрецедентные боевые подвиги.

В одном из боев немцами был пленен партизан А.П. Елисеев, кандидат в члены КПСС.

В лагере пленных на станции Брасово Елисеев подвергался неоднократным допросам работниками немецкого разведывательного органа «Виддер» («Абвергруппа-107»)³, среди которых был русский военнопленный Р.А. Андриевский.

На допросах Андриевский интересовался жизнью партизан, их боевой деятельностью и откровенно рассказывал, что он сам русский и, будучи раненым, попал к немцам в плен.

¹ Здесь автор входит в противоречие с воспоминаниями Емлютина, который писал, что Тарасовку и Шемякино захватили три партизанских отряда и несколько групп самообороны. Количество участников этой операции было явно больше, чем 60 человек. — *Примеч. ред.*

² Среди этих 150 «предателей и изменников» находились также жены и дети членов полиции, которые стали жертвами партизанского террора. — *Примеч. ред.*

³ Речь идет об «Абвергруппе-107», у которой был радиопозывной «Виддер». — *Примеч. ред.*

На последующих допросах Андриевский дал понять Елисееву, что группа «Виддер» набирает людей для направления их в разведку против партизан. Он обещал Елисееву принять меры, чтобы тот остался в живых.

Через некоторое время по рекомендации Андриевского Елисеев был завербован как разведчик для засылки в партизанские отряды.

Переброска на сторону партизан была поручена Андриевскому.

Возвратившись в партизанский край, Елисеев доложил обо всем, что с ним произошло, начальнику особого отдела товарищу Засухину. Наше командование предложило Елисееву вернуться в поселок Локоть для привлечения Андриевского к работе на партизан.

Андриевский охотно согласился на предложение Елисеева и вплоть до изгнания немцев с Брянщины помогал партизанам.

Андриевский проделал большую и весьма полезную работу, рискуя собственной жизнью. Наш оперативный работник товарищ Засухин писал ему: «Категорически запрещаю рисковать с разложением солдат “РОА”, это в определенное время может вас провалить, от этой работы откажитесь».

Такое указание явилось ответом на следующее письмо Андриевского:

«После нашей встречи я вернулся на станцию Холмечи, все благополучно. Решил выполнить начатое мною дело с армянским батальоном, который находился на станции Холмечи, а на 10/VIII-1943 года находился на станции Кокаревке.

Я от Вас, товарищ майор, поехал в Кокаревку, где собрал своих людей, которые давно меня ждали, так как я решил поднять восстание в случае, если не наладится связь с объединенным штабом. И так, на станции Кокаревке мои единомышленники мне заявили, что большая часть солдат на нашей стороне, то есть на стороне восстания и ждут сигнала.

Учитывая это, я не поехал дальше, а остался на станции Алтухово, где повел свою работу. Беседовал с командирами взводов, а также с командиром роты Хачатуряном Муссой, которому я дал

карту, а для его помощника, по имени Володя, дал пароль: “Я люблю Кавказ, Борис “А”».

Привожу другое письмо Андриевского, написанное на первых порах работы с нами:

«...Вас, безусловно, мучит сомнение, но не сомневайтесь, с Вами имеют дело истинно русские люди, воспитанные советской властью, и мы отлично различаем цвета и их значение. Я при любых обстоятельствах оружия не сложу. Мое дело и идея — непоколебимы! Я раньше действовал самостоятельно в штабе врага. Я уже шесть лет подряд, как не выпускаю оружия из рук, а отдыхом пользовался только в госпитале... Так давайте тоже действовать так, чтобы враги и изменники получили свою “награду”.

Приведенные мной выдержки из писем Андриевского, я думаю, достаточно ярко и убедительно характеризуют весь облик этого смелого человека.

С отходом немецких войск Андриевскому и его товарищам было дано задание постепенно отходить с гитлеровцами в Белоруссию, чтобы продолжать свою работу. Там он и погиб.

...2 мая 1943 года 7-я немецкая армия¹, обученная ведению боев в лесных массивах и болотистых местах, снабженная самолетами, танками, артиллерией, минометами и другими видами оружия, начала наступление на партизан.

Вместе с 7-й армией действовали королевская дивизия², бригада изменника Родины Каминского и 18 гарнизонов полиции.

По полученным нами достоверным данным, против партизан была выставлена сила, вдвое превышающая их численность.

Фашисты направили против нас авиацию, танки и артиллерию.

В это же время партизаны ввели в действие свои, хотя и незначительные, бронетанковые силы, которые состояли из двух

¹ Никакой 7-й армии в это время на территории Брянщины не было. Здесь находились части и соединения 9-й армии генерал-полковника Вальтера Моделя. — *Примеч. ред.*

² Речь идет о 442-й дивизии особого назначения. — *Примеч. ред.*

танков Т-34, двух танков Т-26, четырех танкеток и трех бронемашин. Конечно, превосходство фашистов сказалось¹. Наши бронетанковые силы были выведены из строя, и немцы при поддержке своей техники начали теснить партизанские линии обороны. Не приукрашивая действительности, замечу, что отступление партизан перед численно превосходящими силами противника шло без паники и с малозначительными потерями.

В конце мая 1943 года партизанами был убит офицер 7-й немецкой армии, у которого находился приказ Гитлера. В этом приказе командующему армией предлагалось к 25 мая закончить ликвидацию группировки брянских партизан и предписывалось после завершения операции прибыть на Орловско-Курскую дугу². Однако не так просто было ликвидировать группировку брянских партизан. Правда, в результате боев немецкие войска окружили нас со всех сторон, к концу июня мы занимали площадь не более шести лесных кварталов, причем немцы рассчитывали, что мы будем форсировать реку Десну, на правом берегу которой они предусмотрительно сконцентрировали большое количество войск. Немцы форсировали реку Неруссу и Навлю и, кроме того, они наступали со стороны Локоть — Селечня, тесня нас к Десне в направлении Трубчевска.

Положение партизан крайне осложнилось, в связи с чем командующий партизанскими бригадами подполковник А.П. Горшков, заменивший накануне на этом посту товарища Емлютина³,

¹ Преимущество немцев было подавляющим. На этом участке против партизан действовали части 4-й и 18-й танковых дивизий. Проводить в данном случае какие-либо танковые «дуэли» были просто абсурдно с самого начала. — *Примеч. ред.*

² На самом деле операцию «Цыганский барон» планировалось завершить к концу мая 1943 г. — *Примеч. ред.*

³ Емлютин был снят с должности командира объединенных партизанских бригад, так как не сумел организовать оборону «партизанского края» и поставил на грань уничтожения все партизанские формирования, действовавшие в этом районе. Емлютин был отправлен на самолете через линию фронта — в Елец, где находился Брянский штаб партизанского движения. — *Примеч. ред.*

срочно созвал совещание и после обмена мнениями руководящего состава бригад приказал вести операцию по прорыву не в сторону рек Десны, Неруссы и Навли, а в направлении Локоть — Суземка, то есть в гущу немецких войск.

В ночь на 1 июля 1943 года ровно в четыре часа утра всем бригадам приказывалось перейти в наступление с целью прорыва вражеской блокады. Бригады «За власть Советов», «За Родину» должны были действовать сообща вместе со штабом объединенных отрядов, остальные — прорываться самостоятельно в разных направлениях. Это необходимо было для того, чтобы создать как можно больше очагов сопротивления и не дать возможности врагу установить направление движения основных сил партизан.

Весьма осложнило нашу задачу то обстоятельство, что вместе с бригадами находилось до сорока тысяч мирного населения, которые покинули родные места в связи с приближением гитлеровских войск.

Все стали готовиться к трудному бою. Нетрудно понять каждому, что значит под носом противника готовиться к прорыву на таком небольшом клочке земли, на котором мы оказались.

Обычно немцы с наступлением темноты прекращали военные действия. С учетом этого, как только окончилась стрельба, у нас началось приготовление к прорыву. Хозяйственные части раздавали оставшиеся продукты питания каждому бойцу, так как обозы могли не выйти из окружения.

В лагере партизан шум — кони ржут, коровы ревут, дети кричат. Немцы, конечно, догадались, в чем дело, и приготовились встретить нас во всеоружии. Мы тоже были к этому готовы.

Ровно в четыре часа, как и было предусмотрено, мы пошли в наступление.

Подпустив нас на самое близкое расстояние, немцы открыли шквал огня. Сначала лавина партизан, двинувшаяся на прорыв, дрогнула, так как мы потеряли сразу около 70 автоматчиков, но в это мгновение раздалось сзади громкое «ура», возгласы «Впе-

ред, за Родину!», и дрогнувшая волна снова устремилась вперед. Яростного партизанского натиска немцы не выдержали, и первый их эшелон был разбит, второй эшелон оказал лишь незначительное сопротивление и также был смят, а третий, видя надвигавшихся партизан, бежал, не сделав ни одного выстрела. Однако гитлеровцы быстро опомнились и открыли по месту прорыва навесной фланговый минометный огонь.

Тем не менее, в прорванную брешь ринулись все — и партизаны, и мирное население, находившееся с нами.

В этот момент прорвались и остальные бригады, каждая в избранном ею месте.

В.А. Засухин¹

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ

Начальник управления НКВД А.Д. Домарев представил меня А.П. Матвееву, секретарю Орловского комитета партии.

— Мы направляем товарища Засухина Василия Алексеевича в партизанский край для руководства чекистским аппаратом. Туда же будут переброшены молодые работники управления Ивченко, Драгунов, Кугучев, Гадаев — все коммунисты.

Мы познакомились. Матвеев спросил меня, где я работал до войны. Я рассказал, что работал в Бресте, в должности заместителя начальника отдела управления НКВД.

— Добровольно летите в тыл врага? — продолжал разговор Александр Павлович. — Или просто подчиняюсь приказу?

— Добровольно, об этом я писал несколько раз рапорты на имя начальника управления.

— Работа в тылу чрезвычайно сложная, ответственная, требует большой воли и выдержки. Даже перелет через линию фронта опасен.

¹ Публикуется по: Засухин В. Специальное задание / Фронт без линии фронта. М., 1970. С. 110—131.

Матвеев говорил спокойно, даже несколько строго, перечисляя все трудности и опасности, с которыми придется столкнуться в процессе работы в тылу врага.

— Товарищ Засухин уже обстрелян, — вмешался Домарев, — дважды был в тылу врага и выполнял важные задания.

На прощание секретарь обкома просил передать сердечный привет партизанам. Начальник управления просил меня аккуратно информировать его о работе чекистов в тылу.

Расстались мы в четвертом часу ночи.

Вернувшись на окраину, в тихий, неприметный домик, где располагались мои друзья-чекисты, я долго не мог уснуть: смотрел в синий квадрат окна, думал о предстоящем полете через линию фронта...

Как руководитель группы, я вылетел последним. Самым неприятным оказался момент пересечения линии фронта. На высоте около полутора километров немцы обрушили на нас шквал огня. Пилот маневрировал: самолет то снижался, то быстро поднимался вверх.

С юго-восточной стороны Брянского леса мы увидели сигнальные костры. Я обрадовался.

— Это ложные сигналы! — крикнул летчик. — Их тут немцы зажигают каждую ночь. Только нас не проведут. У партизанских костров иной рисунок.

Наконец показались костры партизан. Самолет сделал круг и пошел на снижение.

Землянки и шалаши партизан находились недалеко от посадочной площадки. Мы еще не успели добежать до них, как немцы начали бить из орудий. Снаряды стали падать в расположение лагеря. Так как лагерь партизан был обнаружен фашистами, нам пришлось в ту же ночь перебраться в другое место, совершив марш в пятнадцать километров.

Мы наскоро соорудили из ветвей шалаши, накрыв их материалом от парашютов, из жердей сделали койки, стульями были чурки из брянских елей, стол сколотили из досок. Мох и мелкие

сучья использовали в качестве матрацев. Во всяком случае, жизнь была налажена.

Во второй половине дня к нам в гости пришли командир объединенных партизанских отрядов Д.П. Горшков, комиссар А.Д. Бондаренко и секретарь подпольного окружка партии А.Р. Сафронов. Мы узнали многое о жизни местных партизан, о их боевых делах, нам рассказали и о майском сражении, которое было самым тяжелым за все время оккупации немцами Орловщины. Беседа длилась до поздней ночи.

Незаметно пролетели два дня. Мы успели уже познакомиться со многими партизанами, освоиться с жизнью в шалаше, где засыпали и просыпались под шум берез.

— Обстановка тяжелая, — рассказывал Иван Ряховский, исполнявший до меня обязанности начальника партизанской разведки. — После того как немцы прочесали Брянские леса, мы недосчитались многих хороших людей. Андрея Елисеева помнишь? Он был послан собрать данные о немецком гарнизоне, разведать планы оккупационных властей по борьбе с партизанами. И... не вернулся. Судьба его неизвестна.

Мне стало как-то не по себе. Неприятно заныло сердце, но надо было идти на первое оперативное совещание чекистов. На этом совещании мы должны были продумать, как лучше организовать выполнение поставленных перед нами задач. Вопросов, которые нужно было решать немедленно, накопилось порядочно. Во-первых, оказалось, что с некоторыми командирами бригад у нас отсутствует должный контакт в работе. Во-вторых, нужно было подумать о наших разведчиках, которые часто оказывались без пищи. В-третьих, враг менял тактику борьбы с партизанами, и в связи с этим должны были предусмотреть соответствующие действия и мы. Если раньше фашисты пытались разложить партизан, перетянуть их на свою сторону, то теперь, убедившись, что народные мстители непоколебимы, враги поставили задачу физического уничтожения нашего командно-политического состава. Чекисты были в ответе и за жизнь партизанских вожаков.

Помимо диверсионно-террористической и разведывательной деятельности в партизанском крае, гитлеровцы стремились засыпать к нам своих агентов. Иногда это им удавалось.

Немецкий разведывательный орган, который засылал своих агентов в партизанские отряды Брянских лесов, находился в поселке Локоть — центре созданного оккупантами административного округа на Брянщине. Этот разведорган был филиалом шпионского центра «Виддер» в Орле и назывался абверштелле-107. Его агентуру задерживали и на Большой земле. Нам было известно, что абверштелле-107 возглавляет офицер фашистской военной разведки Гринбаум, а его помощниками являются изменники Родины Шестаков и некий Борис, тщательно скрывавший свою фамилию.

Перед нами была поставлена задача, и это была одна из главных задач, — парализовать подрывную деятельность вражеского гнезда в поселке Локоть, оградить партизанские отряды от его агентуры. Для этого требовалось внедрить в это фашистское логово наших разведчиков.

Но осуществить это было очень трудно. Однажды ранним июльским утром ко мне в шалаш вошел партизан Ишков и доложил, что меня хочет видеть какой-то молодой человек. Я вышел и был обрадован: передо мной стоял Андрей Елисеев.

— Так вот, товарищ начальник, — сразу начал Елисеев, — докладываю, что я теперь немецкий шпион, должен выполнять задания господина Гринбаума, о чем дал письменное обязательство. Одним словом, то, о чем мы неоднократно толковали, свершилось как нельзя лучше. — И Андрей рассказал историю, которая могла бы стать сюжетом для приключенческого романа или фильма.

Схватили его полицаи на опушке леса, когда он шел на выполнение разведывательного задания.

— Партизан?

— Да.

— Куда идешь?

— В деревню к родным. Партизаны с голоду мрут. Вот я и бежал от них.

Андрея отвезли в поселок Локоть, бросили в тюрьму. Там взялся допрашивать его сам Гринбаум, явились и его помощники — Шестаков и Борис.

— Ты — разведчик! — орал Гринбаум.

— Да, нам известно, что ты шел в разведку, — настойчиво повторял Шестаков.

— Говорите правду, — усталым голосом просил Борис, отводя глаза в сторону.

Гринбаум и Шестаков не смогли сломить упорство Андрея и добиться от него признания.

— Давайте попробую допросить его я, — предложил Борис.

Борис и советский разведчик остались одни.

В противоположность Гринбауму и Шестакову — типичным псам Гитлера, Борис вел себя совершенно иначе.

— Ты что же упрямишься, парень. Разве не знаешь, как поступают здесь с теми, кто не дает показаний? — произнес он как бы для того, чтобы сказать что-то новое, дополнительное.

Елисеев молчал.

— Ну ладно, ты, я вижу, твердый орешек, настоящий партизан. На, кури, — и предложил арестованному пачку сигарет. — Я ведь сам был в плену и знаю, как здесь тяжело.

Закурив, Борис стал расспрашивать про партизан. Но допрос вел формально, рассеянно. Потом вдруг спросил:

— Что делают партизаны с теми немецкими военнослужащими и полицейскими, которые переходят на их сторону — расстреливают или сохраняют им жизнь?

— А зачем расстреливать? — усмехнулся Елисеев. — Если человек перешел к партизанам, стал выполнять их задания, то его начинают уважать. Вот у нас были случаи...

И Андрей привел убедительные примеры.

Борис задумался.

Елисеев почувствовал себя уверенней. Заметив на груди Бориса немецкую медаль, он даже поинтересовался, за что Борис был награжден. Тот махнул рукой:

— История длинная.

— Долго ли меня будут держать? — спросил Елисеев с уже проснувшейся надеждой. — Что меня ждет?

Борис прищурился:

— Что-нибудь придумаем.

В камере после допроса Елисеев все время думал о странном поведении следователя: он анализировал и оценивал все его слова, вспомнил, что на шее у Бориса он заметил ожоги и шрамы — значит, тот был когда-то ранен. Неужели это наш, советский человек? А может быть, хитрый и коварный враг?

Прошло несколько дней. Время тянулось бесконечно долго... Елисеев, как и другие арестованные, находился в постоянном напряжении, в ожидании конца. Каждую ночь из тюрьмы увозили куда-то одних и сажали в камеры других.

Наконец его вызвали в лагерную комендатуру. За столом следователя сидел Борис. Опять они встретились с глазу на глаз.

— Андрей, — начал Борис тихим и взволнованным голосом, — я знаю, что ты комсомолец, активный партизан, пользуешься доверием у партизанских командиров и даже представлен к правительственной награде. В нашем районе ты оказался, конечно, не из желания повидаться с родными и сытно поесть.

Эти слова следователя вновь озадачили разведчика. «Да, он знает многое обо мне, — думал Елисеев. — Но почему не допрашивает как следует, почему не добывается признания, не устраивает очных ставок?»

— Я убедился, что тебе можно доверять, — продолжал Борис, — и поэтому будем откровенны. Я ненавижу поработителей нашей Родины и давно ищу возможности связаться с партизанами.

Тон разговора, взволнованность и прямой открытый взгляд Бориса убедили партизана, и он спросил:

— Что нужно делать?

— Надо стать немецким агентом. Да, да, агентом. Только таким путем можно вернуться тебе к партизанам и договориться с ними о совместных действиях. Разведывательный орган, в котором, как

ты видишь, я работаю следователем и вербовщиком агентуры, занимается засылкой агентов в партизанские отряды. Сейчас мы как раз готовим очередную партию агентов, и я постараюсь включить тебя в эту группу. В лесу ты явишься в объединенный штаб партизанского движения и там расскажешь обо мне.

Елисеев принял предложение Бориса, и они тут же договорились о линии поведения разведчика на предстоящем допросе у Гринбаума и Шестакова.

Через несколько дней Андрея Елисеева ввели в знакомый ему кабинет. В нем находились Гринбаум и Шестаков. Арестованного посадили на табурет.

Гринбаум спросил:

— Ты жить хочешь?

— Хочу, — ответил Андрей.

— Мать и отца любишь?

— Очень люблю.

— Если хочешь, чтобы семья жила спокойно, а сам ходил на свободе, должен нам оказать серьезную помощь.

Елисееву как раз и нужно было такое предложение. Но чтобы не вызвать подозрения, он начал отказываться.

— Не пугайся, — успокоил Шестаков. — Дело нетрудное. Пойдешь обратно в партизанскую бригаду и принесешь нам некоторые сведения.

— Мне же нельзя обратно, там считают меня дезертиром, — возразил Елисеев.

— Ничего, скажешь, что ходил к родным за продуктами.

— Что же делать, давайте попробую.

Гринбаум довольно ухмыльнулся:

— Очень хорошо. Давно бы так.

Тут же Андрею было дано задание: установить истинное положение дел в партизанском крае. Дело в том, что весь май 1943 года фашистские кадровые войска вели крупные карательные операции по уничтожению орловских партизан, действовавших в Брянских лесах. Им нужно было обезопасить свой тыл

перед началом наступления на Орловско-Курской дуге. В связи с этим разведку немецко-фашистских войск интересовало, в каком состоянии находятся партизанские силы после проведенных операций, их дислокация, вооружение, как снабжаются они продуктами питания, поддерживается ли связь с Большой землей, есть ли у партизан аэродромы и в каком они состоянии, способны ли партизаны проводить крупные боевые операции и диверсионные акты. Нужны были и фамилии командиров, политработников, сотрудников чекистских органов, планы партизанского командования на ближайшее время и сведения о забрасываемых к ним советских разведчиках.

Все эти данные Андрей обязан был собрать в течение недели, а затем вернуться и доложить обо всем Гринбауму.

Тот напомнил, что семья Андрея будет уничтожена, если он попытается нарушить обязательство.

Убедившись, что Елисеев задание усвоил хорошо, Шестаков сказал:

— А теперь мы вас подвезем на автомашине до вашей деревни. Побываете у родных, покажетесь на глаза двум-трем жителям села, а через день возвратитесь к нам. Если партизаны будут проверять вас, односельчане подтвердят, что вы действительно были в деревне.

В установленное время Елисеев вернулся в поселок Локоть. Оттуда через сутки он был направлен в район действий партизан...

Недельный срок, данный немецкой разведкой для выполнения задания, Елисеев находился в бригаде, вместе с партизанами принимал участие в диверсии на железной дороге. Это делалось для того, чтобы ответы Елисеева, в том случае если бы немцы захотели его проверить, выглядели правдоподобными.

В соответствии с заданием, которое получил Андрей от Гринбаума и Шестакова, командованием партизанской бригады была разработана дезинформация для передачи немцам. В то же время мы тщательно продумали вопрос о привлечении Бориса к разве-

дывательной работе в пользу партизан и пришли к выводу, что риск, на который мы шли, доверяя Борису, должен быть оправдан.

Было решено, что к Гринбауму Елисеев явится на сутки позже установленного срока, объяснив эту задержку трудностями ухода от партизан.

Когда подготовка разведчика для возвращения в Локоть была закончена и все вопросы выяснены, он отправился в обратный путь.

Работа аппарата Особого отдела партизанской бригады разворачивалась по всем линиям. Квалифицированные разведчики и диверсанты, подготовленные на Большой земле, перебрасывались самолетами в наш партизанский край и затем уходили от нас на задания по дорогам Украины, Белоруссии, Орловщины. На железнодорожных магистралях Гомель — Брянск, Брянск — Орел, Середина Буда — Навля полетели под откос немецкие эшелоны с живой силой и техникой. На шоссежных дорогах подрывались десятки автомашин. Разведчики доставляли нам ценные сведения о дислокации вражеских частей и их вооружении, которые немедленно передавались по радию на Большую землю. Наша авиация бомбила скопления немецких войск, ее удары были точными. От советского командования за всестороннюю и точную информацию чекисты получали одну благодарность за другой.

Я никогда не забуду имена чекистов, проявивших в тылу врага мужество и героизм и не раз смотревших смерти в глаза, — товарищей Абрамовича, Морозова, Лазунова, Кугучева, Силина, Недосекина, Николенко, Кожемяко, Власова, Зарайского, Котова. При взрыве немецкого военного склада погиб отважный чекист-диверсайт Баздеркин. Не вернулись с войны подполковник Суровягин, капитан Коновалов, старшие лейтенанты Пиллюгин и Гичкин, радистка Нина и другие наши товарищи: они пали смертью храбрых, защищая свою Родину.

Помимо разведчиков и диверсантов, прибывших с Большой земли, в оккупированных районах создавались разведывательные

группы также из местных жителей. В задачу таких групп входило: сбор сведений военного характера, выявление вражеской агентуры и предателей, советская пропаганда среди населения и другие виды нелегальной работы. Этими группами руководили чекисты. Хорошо действовала разведывательная группа в городе Севске и в соседних с ним селах. Группа образовалась уже в дни оккупации. Для ее создания в Севск был послан бесстрашный разведчик М.С. Григоров, проживавший в этом городе до его оккупации. Находясь на нелегальном положении, он умело использовал личные довоенные связи; за короткое время он привлек для работы служащих немецких административных органов, медицинских и ветеринарных работников, учителей. Группа собирала и передавала нам военно-политическую информацию, выявляла немецких агентов, предателей и изменников Родины, распространяла сводки Совинформбюро, партизанские листовки и газеты. С большим риском для жизни советские патриоты саботировали выполнение немецких приказов и распоряжений, которые требовали отправки молодежи в Германию, изъятия скота и продовольствия у населения и т.д.

Летом 1943 года командование бригады решило уничтожить опасного государственного преступника — бургомистра Локотского административного округа, предателя Каминского. В округе при его активном участии немцами были созданы административные и карательные органы, пропагандистский аппарат, издавалась газета, создана была даже «Национальная трудовая русская партия», а также формировалась так называемая «Русская освободительная народная армия». Таким образом, Локотский административный округ захватчики рекламировали как прообраз «нового порядка» в будущей России.

План уничтожения Каминского, разработанный в Брянском лесу, был краток и прост. Мы решили преподнести предателю толстую книгу, замаскировав в ней двухсотграммовую шашку тола со взрывателем. Подобную мину опробовали. Взрыв получился довольно внушительный.

Книгу-мину решили вручить лично Каминскому или его приближенным. Для выполнения этого задания нужны были бесстрашные и находчивые люди. Выбор пал на сотрудника Особого отдела Драгунова и разведчика Григорова.

«Подарок» оформили как пакет за пятью печатями, адресованный бургомистру Локотского округа Каминскому.

Драгунов и Григоров оделись в форму солдат немецкого карательного полка «Десна» и, согласно плану, двинулись на станцию Брасово, туда решили вызвать самого Каминского или его доверенное лицо.

После ухода товарищей на это задание потянулись мучительно долгие дни ожидания.

Как-то на рассвете меня поднял оперативный работник Комарической партизанской бригады Котов.

— Извините, что побеспокоил вас, — сказал он, — мы задержали одного подозрительного типа. Не желает ни с кем разговаривать, не называет себя, требует доставить к начальнику Особого отдела.

— Расскажите, зачем я вам понадобился? — спросил я задержанного, всматриваясь в его лицо.

— Меня послал к вам работник немецкой разведки Борис. Он приказал мне разыскать именно вас и обо всем подробно доложить вам, — торопливо ответил он.

— Кто вы? Расскажите о себе, — сказал я.

— Андрей Никитович Колупов, партизан, находился в плену у немцев, содержался в локотской тюрьме, — быстро заговорил он.

Я обратил внимание на забинтованную правую ногу Колупова. Он объяснил:

— Тут у меня бумаги, боюсь, что от сырости могли испортиться.

Бинт сняли, и я увидел бланки со штампами и печатями для прохода и проезда по оккупированной территории, несколько аусвайсов — удостоверений личности, подробные сведения о бригаде Каминского, о главном штабе разведки и контрразведки

«Виддер». О шпионском центре «Виддер» сообщалось, что он переехал из Орла в Карачев, далее следовал перечень сотрудников «Виддера» с указанием их примет и характеристик. Отмечалось, что все руководители отделений «Виддера» хорошо владеют русским языком. Очень важными были сведения об агентуре, которую готовили для заброски к партизанам и в тыл Красной Армии. Названы были фамилии и клички агентов, их приметы, экипировка и предполагаемые районы выброски.

Сообщения Бориса представляли большую ценность. Однако не исключена была и возможность провокации со стороны фашистов, поэтому документы мы подвергли тщательной проверке, а Колупову предложили продолжать свой рассказ. И тогда он рассказал, как был завербован немецкой разведкой для выполнения шпионского задания в партизанском крае.

Каратели задержали его во время облавы на партизан. Около месяца его держали в тюрьме. Много раз допрашивали. Потом две недели не тревожили. А когда вызвали, допрос вел работник разведоргана Борис.

— Кажется, ваша мать в тюрьме? — спросил Борис.

— Нет, — ответил Колупов.

— Напрасно скрываете, — усмехнулся Борис, — ваша случайная встреча с матерью в тюрьме зафиксирована. Люди видели и доложили. Говорите правду, так будет лучше.

— Ничего я больше не знаю, — упрямо повторял Колупов.

Три раза вызывал его Борис, и наконец предложил выполнить небольшое задание в партизанском крае.

Колупов перепугался и отказался наотрез.

— Задание простое, — успокоил Борис. — Зато мать будет освобождена.

Колупов подумал и согласился. «Уйду к партизанам, — размышлял он, — больше не вернусь. Мать тоже уведу».

Через некоторое время Колупова доставили в кабинет, где находились Гринбаум и Борис. Гринбаум внимательно осмотрел партизана, удивляясь его молодости.

— Вы дали согласие возвратиться к партизанам с нашим заданием? — спросил немец. — А о серьезности и ответственности думали?

— Я еще не знаю, какое задание, поэтому затрудняюсь ответить на этот вопрос, — смело глянул в глаза Гринбауму Колупов.

Гринбаум обернулся к Борису:

— Вы разве не разъяснили?

— Нет, — ответил Борис.

— Ну что ж. Если он дал согласие, то пусть напишет обязательство.

Обязательство под диктовку Бориса было написано. Гринбаум посмотрел, похвалил почерк Колупова, спросил об образовании. Партизан ответил, что закончил девять классов.

— Ваша мать освобождена и отвезена в деревню. Ее там никто не тронет, — сказал Гринбаум и, прищурясь, добавил: — Откровенно говоря, ее жизнь будет зависеть от вашей преданности нам, немцам.

Последние слова не на шутку встревожили Колупова.

Гринбаум и Борис подробно проинструктировали партизана, какие методы следует применять при выполнении задания. Они подчеркнули, что особую важность представляют собой данные об организации охраны командно-политического состава и характеристики на работников Особого отдела.

— Не знаю, насколько это правдоподобно, — закончил свой рассказ Андрей Колупов, — но Борис мне показался работником советских органов разведки. Когда он провожал меня к вам и мы пересекли железную дорогу, а затем зашли в глубь леса, он вдруг спросил меня: «Ты, конечно, не будешь выполнять задания Гринбаума?» Я растерялся. Он, заметив это, сказал: «Андрей, не бойся меня. Задание выполнять не следует. Никому ни слова. Добирайся до начальника Особого отдела Засухина и расскажи ему о себе все, как есть». После этого он достал из кармана пачку бумаг и бинт и, приложив их к моей ноге, стал забинтовывать. При этом предупредил, что разбинтовать я могу

только в Особом отделе. Кроме того, он просил передать лично вам вот эту бумажку.

Андрей Колупов подал аккуратно свернутую записку. Я развернул и прочел: «Прошу личной встречи». Далее были указаны дата, час и место и подпись: «Борис».

Андрей Колупов сообщил, что вместе с Борисом они нашли место для тайника, где и должна состояться встреча.

У меня сразу мелькнула мысль: «Это работа Андрея Елисеева».

В назначенный день я вызвал Андрея Колупова, начальника отделения Особого отдела бригады Кожемяку, семь автоматчиков, и мы отправились на встречу. Путь предстоял долгий и нелегкий. Шли цепочкой с интервалами между группами, прислушиваясь к таинственному шуму необъятного леса. К месту встречи пришли на три часа раньше. Осмотрелись. Расставили автоматчиков и стали ждать. Все было спокойно вокруг. Со станции Холмичи, находившейся недалеко от леса, доносились гудки маневровых паровозов, лязг буферов, звуки рожков стрелочников.

Почти с точностью до минуты в конце просеки, уходившей от железной дороги в глубь леса, появилась одинокая фигура человека в форме немецкого офицера, с автоматом, висевшим на шее. Шел он спокойно, уверенно, не оглядываясь по сторонам.

Мы насторожились.

— Это он, — шепнул мне Колупов, когда человек был уже совсем близко.

И мы вышли к нему. Перед нами стоял парень 25—27 лет, среднего роста, плотного телосложения, брюнет, лицо круглое, с усами, быстрый в движениях.

— Наконец-то своих вижу! — обрадованно воскликнул он и тут же поблагодарил Колупова за точное выполнение его указаний. Познакомились и сели на ствол сваленной бурей сосны. Андрей Колупов ушел. Мы остались вдвоем.

Когда я назвал незнакомца Борисом, он сказал, что это его псевдоним, присвоенный еще в орловской немецкой разведывательной школе, которую он окончил в 1942 году.

— Кто же вы? — спросил я.

— Роман Ангонович Андриевский.

— А это точно или надуманно?

— Это точно, и вы можете убедиться, если найдете моих родных.

— Ну что ж, буду верить. А теперь скажите, какие мотивы привели вас сюда?

— Ваш разведчик Елисеев посоветовал мне связаться с вами. Упоминание имени Елисеева меня взволновало.

— Где он? Что делает? — быстро спросил я.

— Не волнуйтесь. Он в поселке Локоть, живет на конспиративной квартире, готовится для выполнения нового задания по заброске в тыл Красной армии. Сведения, которые он принес из партизанского края, руководством разведоргана оценены положительно.

О себе Роман Андриевский рассказал следующее: он был советским летчиком, но в начале войны его самолет был сбит, а он, выбросившись с парашютом, попал в плен к фашистам. Находясь в лагере для военнопленных, Андриевский поддался враждебному влиянию и поступил в русское воинское формирование, именуемое сокращенно ЦВФ. Это был отряд, который проводил карательные экспедиции в районах деятельности партизан.

— Да, вы совершили большое преступление перед Родиной, — сказал я ему, — и по советским законам подлежите самому строгому наказанию.

— Знаю, — нахмурился Роман, — поэтому и хочу искупить свою вину перед советской властью. Меня это очень тяготит, порой ночами не сплю. Готов идти на все, только бы меня простили.

Беседа длилась около двух часов. У меня сложилось впечатление, что Андриевскому можно верить. Порешили на том, что он вместе с нами будет бороться против фашистских захватчиков.

Тут же, не откладывая в долгий ящик, Роман составил списки лиц, обучавшихся в немецкой разведывательной школе; агентов, переброшенных немцами в тыл наших войск; предателей, дей-

ствующих в селах, вблизи партизанского края; он передал мне и схему дислокации немецких разведорганов, краткие характеристики их личного состава, ценные сведения военного характера.

Меня беспокоило, как оправдается Андриевский перед шефом, если тот заметит его длительную отлучку.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся Роман, — я в этих краях бываю часто, встречаюсь с нашими людьми, которые ведут наблюдение за жителями, заподозренными в связях с партизанами. Разведка и контрразведка по партизанскому краю возложена на меня.

Теперь настал мой черед, и я сообщил Андриевскому, какие сведения мы хотели бы получать от него. Во-первых, он должен был представлять нам все сведения о немецкой агентуре: куда направляются агенты, с какими заданиями, чем вооружены, какие имеют при себе документы, их внешние приметы.

— Собирайте более подробные сведения о деятельности немецких разведывательных органов, их личном составе, моральном облике офицеров разведки, — продолжал я. — Хорошо бы добыть их фотокарточки. Не в меньшей степени интересует нас бригада фашистского ставленника Каминского. Каковы планы немцев и этой бригады в борьбе с партизанами? Неплохо было бы также достать и чистые бланки для беспрепятственного движения наших людей по оккупированной территории.

Роман обещал выполнить все и затем попросил меня узнать, живы ли его мать и сестра, а также любимая девушка, на которой он не успел жениться, так как помешала война. Я обещал ему сделать все возможное, чтобы разыскать его родных.

Когда беседа закончилась, я пригласил Андрея Колупова, и мы проверили ранее устроенный ими тайник. Тайник был плохо оборудован: при дождливой погоде документы могли бы испортиться.

Заметив сгнившую березу, мы очистили ее сердцевину, и получилась хорошая труба — этот тайник был уже более надежным.

Наша первая встреча с Романом подходила к концу. Мы пожали друг другу руки и распрощались.

Уходя, он еще раз просил верить ему.

Вечером по рации я доложил в Орловское управление НКВД о привлечении Романа Андриевского к работе. Я попросил также разыскать его родных и девушку, а также сообщил данные о переброшенных в тыл Красной армии немецких агентах и все другие сведения, полученные от Андриевского.

Разговор с Большой землей закончился поздно. Исколесив в этот день всю округу, я почувствовал большую усталость. Решил лечь отдохнуть, но отдыха не получилось: разбудил меня страшный грохот. Немцы начали артиллерийский обстрел того места, где был расположен объединенный штаб партизан. Командир бригады Горшков отдал приказ о срочной передислокации в другой район.

Сооружая новый шалаш, мы вдруг услышали знакомые голоса: это вернулись с задания Драгунов и Григоров. Они доложили, что задание выполнено, и тут же передали мне расписку Каминского, свидетельствующую о получении пакета.

— Думаем, что мина сработала, — в один голос заверили разведчики. Поблагодарив ребят за выполнение задания, мы предоставили им заслуженный отдых, после чего их ждали новые боевые дела.

Выполняя поручение Гринбаума, Андрей Колупов аккуратно доставлял дезинформацию немцам, а нам приносил сведения от Романа. Благодаря самоотверженности и упорству Романа мы имели довольно полное представление о подрывной деятельности абверштелле-107 и всего «Виддера», знали о пунктах переброски и каналах проникновения вражеской агентуры в наш тыл. От Романа мы узнали также, что «Виддер» широко практикует заброску своих агентов под видом раненых солдат и офицеров, следующих в тыл. Отдел контрразведки «Смерш» Брянского фронта после получения этой информации организовал тщательную проверку всех подозрительных раненых и выявил немало шпионов. Сведения Романа о передислокации воинских частей противника,

о концентрации на той или иной железнодорожной станции военной техники представляли для командования Красной армии и партизан огромную ценность. Разведчик сообщал, например, следующее:

«2-ю танковую армию сменяет 9-я. Каминский стянул свою артиллерию в Новую Гуту. В Локоть прибывают немецкие воинские части, военная техника, поставлено много зениток».

Или:

«На станции Борцево тысячи бочек бензина, замаскированы ветками, имеют форму овала. На станции Холмичи застряли эшелоны с техникой. Путь разрушен...»

Полученные от разведчика сведения быстро использовались нашим командованием для нанесения мощных ударов путем бомбардировки военных объектов противника.

Стремление Андриевского причинить как можно больше вреда противнику было неудержимым. Рискуя жизнью, рискуя провалом, он выискивал и привлекал на свою сторону новых людей, вел активную работу по разложению полицейского батальона, охранявшего железную дорогу в районе станции Холмичи, спасал от неминуемой гибели советских патриотов.

Однажды Колупов принес письмо от Романа: он просил меня о личной встрече, указал место, день и час.

Мы встретились на том же месте и сели на ту же лежащую сосну. Он рассказал о своей работе и передал дополнительные материалы к тем, которые были перед этим доставлены в тайник. Сделав пометки в списке переброшенной агентуры в тыл Красной армии, он указал, кто явится с повинной, а кто будет выполнять шпионские задания. Он доложил мне, что ему удалось привлечь на нашу сторону радиста «Виддера» Евгения Присекина. По словам Андриевского, Присекин был выше среднего роста, худощавый, с пышной шевелюрой, глаза у него были приветливые; на связь с партизанами пошел без колебаний, хотя отец его работал бургомистром в одном из районов Орловской области. Теперь, кроме тайника, мы могли иметь связь еще и по радио. При этом

Роман передал мне разработанный им и Присекиным шифр, позывные, время выхода в эфир и другие материалы работы рации.

Затем мы рассмотрели добытую Андриевским групповую фотографию немецких офицеров разведки. Против каждого он поставил номер, а на обороте — фамилию, имя, должность.

Во время нашей беседы высоко над лесом пролетели советские бомбардировщики. Роман печальным взглядом проводил быстро удалявшиеся самолеты и вслух произнес:

— Почему я не с ними?! Как мне надоело находиться в шкуре врага и как хочется сражаться с ним открыто!

— Твои желания понятны, — ответил я. — Но ты сам понимаешь, как важно для Родины иметь своего человека в логове врага. Твои сообщения о противнике, о его агентуре, заброшенной на советскую землю, спасают от гибели сотни и тысячи советских людей, дают возможность ускорить победу над врагом. Твоя задача — продолжать наносить удары в самое сердце немецко-фашистских захватчиков, и ты должен проявлять при этом максимум осторожности и бдительности.

В эту встречу мне хотелось узнать, удалась ли операция с передачей Каминскому пакета-мины. Я не стал задавать прямого вопроса, но поинтересовался деятельностью бригады.

— Действует, — ответил Роман. — Каминский ездил в Орел за наградой. В поселке было большое собрание. Он сообщил, что на его жизнь покушались. — И Роман рассказал, что случай помог Каминскому: он жив и невредим. Но недолго оставалось жить на советской земле этому предателю. В 1944 году его уничтожили.

В этот день я сообщил Роману, что его мать и сестра живы, здоровы и находятся в Томске, а вот девушку, которую он любил, еще не нашли. Роман очень обрадовался, схватил мою руку и крепко пожал.

— У меня теперь в десять раз больше сил для борьбы с врагами! — воскликнул он, и на его глазах заблестели слезы. Потом он спросил меня, можно ли написать несколько слов матери.

— Пожалуйста, — сказал я.

Он быстро написал, сложил письмо треугольником и передал мне, не указывая адреса.

— Вот будет радость для матери! — сказал Роман. — Она ведь, наверное, получила похоронную обо мне.

Наша встреча подходила к концу и, порывшись в сумке, Роман достал три банки мясных консервов и хлеб.

— Это мой вам подарок.

Отказываться не пришлось: в партизанском лесу с продуктами было туго.

Настала минута расставания.

— Не теряю надежды встретиться с вами в скором времени, — сказал Роман.

— Обязательно увидимся, — ответил я, и мы разошлись.

В лагерь возвратились поздно вечером.

Часов в десять утра радист начал передачу. С Большой земли на нашу просьбу подбросить продовольствия по воздуху получили ответ: как только самолеты закончат переброску боеприпасов, займемся продовольствием.

— Товарищ майор, пора завтракать, — пригласил меня партизан Ишков. Он уже сварил густой грибной суп, но не было соли, поэтому суп был отвратительным на вкус, однако пришлось есть. На второе были орехи.

Возвратились с задания оперработник Драгунов и разведчик Григоров. Доложили, что на участке между городом Карачевом и Белыми Берегами они пустили под откос немецкий воинский эшелон, направлявшийся в Орел.

Были у нас и другие заботы. На последней встрече Роман сообщил, что в партизанский край фашисты забросили пятерых агентов с заданиями террористического характера. Трое должны были явиться к нам с повинной, двоих же нужно было изловить.

Мы вызвали начальников оперативных отделений и поставили перед ними задачу во что бы то ни стало разыскать террористов.

— А ко мне уже явились двое, — сказал Николенко. — Говорят, что должны убить командира или комиссара партизанской

бригады, но выполнять задание не хотят. Мы предупредили командиров и комиссаров о возможности внезапного появления террористов, попросили их соблюдать осторожность, усилили охрану и направили людей на розыск немецких лазутчиков.

Через короткое время были обнаружены еще два террориста, но одного так и не нашли.

Как договорились с Николенко, я прибыл в бригаду и встретился с теми агентами, которые явились с повинной. У меня сложилось убеждение, что они действительно не хотели выполнять задания немецкой разведки и их добровольная явка не является хитростью. Мы предложили им стать нашими разведчиками. Для этого надо было придумать надежную легенду, чтобы они могли возвратиться в немецкий разведорган. Надо было создать видимость, что задание выполнено. Вместе с Николенко мы пошли к командиру и к комиссару бригады. Договорились, что «жертвой» должен стать начальник штаба бригады, которого давно хотели перевести в другую партизанскую бригаду по деловым соображениям.

В бригаде распространился слух, что на пути из объединенного штаба в бригаду неизвестными убит начальник штаба. Выпустили листовку, в которой предупреждали, что за смерть начальника штаба бригады немецкие захватчики расплатятся своей кровью. 500 экземпляров листовок сбросили с самолета около поселка Локоть.

Начальника же штаба перевели к партизанам, действовавшим в Ромасухских лесах, предупредив его о том, что он «убит» и что поэтому он должен как можно меньше встречаться с людьми.

Два «террориста» уже с нашим заданием направились обратно к немцам.

Вскоре мы встретили двоих солдат из роты легионеров, перешедших на сторону партизан. Они сообщили, что многие в их роте настроены против немцев.

С этими солдатами пришлось поработать немало, прежде чем они согласились снова вернуться в роту: они должны были, воз-

вратившись в роту, убедить солдат перейти на сторону партизан. Действовали они довольно энергично и в короткий срок добились своего. Рота организованно перешла на нашу сторону, оставив на месте пять убитых, оказавших сопротивление.

Это был не первый наш опыт по привлечению к нам солдат из стана врагов.

Еще раньше перешли к нам артиллеристы, которые перед своим уходом вывели из строя несколько немецких орудий.

Радист Романа Андриевского Женя Присекин уже три плановых сеанса не выходил в эфир. Это сильно тревожило нас.

Близился час освобождения Брянщины от фашистских поработителей. По ночам порывы ветра доносили глухой рокот артиллерийской канонады. Советские самолеты все чаще и чаще стали пролетать через партизанский край. По данным партизанской разведки, они бомбили скопление войск и военной техники врага, его эшелоны. Немецкое командование спешно перебрасывало свои штабы дальше на запад. Готовилась к эвакуации из поселка Локоть и группа разведки «Виддер». В этой обстановке необходима была личная встреча с Романом Андриевским.

Он явился точно в назначенное время, был бодрым, подтянутым, восхищался наступательными действиями Красной армии. Прежде всего, я спросил его, почему он не выходил в эфир. Роман объяснил, что пользоваться радио было невозможно, так как у рации все время дежурил немец. Затем Роман передал список немецкой агентуры, которая остается в Орле и в Брянске, а также шпионов, обязанных после выполнения заданий возвратиться к немцам, перейдя линию фронта.

Для Колупова он принес записку от шефа. В ней говорилось:

«Господину Колупову Андрею. За проделанную работу командование благодарит вас. Возложенное на вас задание считаем выполненным. К 10.IX.1943 г. вы должны выйти к линии железной дороги и явиться к майору охраны, где вас будет ждать наш представитель.

С приветом Шестаков».

На этот раз Колупова со мной не было, он остался в бригаде. Записку я взял.

Я интересовался возвращением «немецкой агентуры» из партизанского края.

— Вернулись трое, — ответил Роман.

— Как шеф оценил выполнение возложенных на них заданий?

— Недоволен. Говорит, что Котов и Харьков мало офицеров убрали, а третьему вообще не удалось до командования добраться.

Я сказал, что Котов и Харьков стали нашими разведчиками, и передал ему пароль для связи с ними.

В заключение мы обсудили план его дальнейшей работы.

— Как вы мне посоветуете, отходить с немцами или оставаться? — спросил он.

— Этот вопрос уже решен, — ответил я, — Вы должны отходить на запад вместе с разведорганом противника и возглавить группу советских разведчиков.

— Есть отходить с немцами! — отчеканил Роман.

Здесь же было разработано задание, которое было передано Роману и его группе из восьми разведчиков, и определены способы связи с ними. Роману Андриевскому были даны также пароли, явки в Клинцах, Унече, Бежице и других городах, которые лежали по пути отступления «Виддера».

На прощание мы по-братски обнялись. Я пожелал Роману большого успеха.

По возвращении в штаб пришлось сразу же заняться Колуповым. Предстояло уговорить его вернуться к немцам. Мысленно я сочувствовал ему. Сколько будет радости у партизан при встрече с Красной армией, а вот Андрею придется от этого радостного дня уходить, вновь и вновь рисковать своей жизнью...

Пригласил его на беседу. Рассказал о встрече с Романом, об обстановке, сложившейся в связи с наступлением наших войск. Дал прочитать записку шефа. Он рассмеялся, но не сказал ни слова.

— Как ты, Андрюша, смотришь, — говорю, — если придется опять к ним?

— Я готов идти, если так надо.

— Вот и хорошо. Другого ответа я от тебя и не ждал.

Рано утром мы с Андреем распрощались. Тяжело было смотреть ему вслед. Уходил прекрасный разведчик. Уходил навстречу новым опасностям, в осиное гнездо врага.

7 сентября 1943 года, на рассвете, состоялась долгожданная встреча партизанского соединения с передовыми частями Красной армии. Неописуемы были восторг и ликование партизан. Больные партизаны чувствовали себя здоровыми. На митингах звучали речи, полные любви к Родине.

По распоряжению областного штаба партизанского движения партизанские бригады двинулись в Орел, где состоялся многочисленный митинг. Орловцы тепло встречали народных мстителей. Расстались мы, чекисты, с командиром бригады А.П. Горшковым и комиссаром А.Д. Бондаренко тепло, по-дружески.

Аппарат Особого отдела перебазировался в поселок Локоть. Хотелось быстрее увидеть там наших разведчиков и подпольщиков, а также разыскать и обезвредить оставленных немецкой разведкой агентов.

Так мы встретились с начальником оперативной группы Орловского управления НКВД И.А. Шарабуриним. Он передал мне указание: одной части оперативных работников Особого отдела вместе со мной остаться в его группе, а другой — направиться в Орел.

Здесь же, в поселке Локоть, я вновь встретился с секретарем Орловского обкома партии А.П. Матвеевым. Он живо интересовался чекистской деятельностью в тылу врага. Я подробно рассказал ему обо всем, особенно о работе с Романом Андриевским.

В освобожденных районах мы пробыли больше месяца, встречались с разведчиками, получали от них материалы и принимали соответствующие меры.

...Много лет прошло с той поры, но в памяти моей все еще сохранились отчетливые воспоминания о лесной Брянской стороне,

о встречах с бесстрашными разведчиками. Смертью храбрых погибли многие из них, выполняя труднейшие задания Родины.

Трагически закончился боевой путь Романа Андриевского и его товарищей. Те, кто остался жив, свято хранят в памяти имена павших друзей. На Брянщине живет А. Елисеев, человек большого мужества и отваги, о деятельности которого в осинном гнезде гитлеровского разведоргана можно написать целую книгу. Подобных книг создано уже немало. И героические дела невидимого фронта будут волновать еще не одно поколение.

В.П. Росляков¹

ИЗ КНИГИ «ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА»

«Генерал Блоцман. Из приказа № 1 от 15.2.42 г.:

Разведкой установлено большое количество партизан... В селах ни старост, ни полиции нет. При расположении на отдых 50 проц. солдат СПАТЬ НЕ ЛОЖАТСЯ».

Генерал фон Гридус. Из приказа:

«...Когда крестьянин спрашивает винтовку, не давай — может убить. Нельзя разговаривать в домах, все будет передано партизанам».

Объявление коменданта поселка Белые Берега:

«За поимку командира п. отряда Ромашина будет выдано 1000 рублей, две лошади и две коровы».

Обер-бургомистр пос. Локоть. Из приказа:

«Предлагаю партизанам, оперирующим в Брасовском районе и окрестностях, и всем лицам, связанным с ними, в недельный

¹ Росляков Василий Петрович (1921—1991), участник партизанского движения на Брянщине. Писатель, критик. Наиболее известна его автобиографическая повесть «Один из нас». Публикуется по: *Росляков В.П. Последняя война*. М.: Современник, 1978. 462 с.

срок, то есть не позднее 1 января 1942 г., сдать старостам свое оружие и самим явиться для регистрации в Локоть. Являться небольшими группами, по 2—3 человека. Все неявившиеся будут считаться врагами народа и уничтожаться беспощадно».

Спустя несколько дней партизаны во время ночного налета на поселок убили этого обер-бургомистра.

Немцы поместили в своей газете некролог.

Смотрел Славка на некролог, на покойного мерзавца в траурной рамке, на разворот двух полос, окаймленных траурным венком, и то зимнее, давно отошедшее, уже нестрашное, когда он с Гогой еще мыкался между жизнью и смертью, придвинулось так близко, что кожу на спине вдруг стянуло от ужаса.

Константин Воскобойник дезертировал из армии и теперь оказался здесь, в Локте, обер-бургомистром. В тридцать шестом был он осужден и выслан на Север. А в дни войны его отправили на фронт смыть свою вину кровью, но он считал себя невиновным. За ним не было никакой вины, потому что никто не знал его зоологической ненависти к революции, к Советам. Ему нечего было смывать своей кровью, он был невиновен, обер-бургомистр поселка Локоть, Константин Павлович Воскобойник.

О, это не был простой поселок. В нем история поместила много символического и притягательного для одержимого мечтателя Воскобойника. Он считал себя бесстрашным рыцарем и вдохновителем истинно русских людей в борьбе за светлое будущее России, основоположником новой власти в Брасовском районе. Дезертир Константин Павлович Воскобойник любил мечтать. А мечтая, любил рассказывать своим близким о великих символах, о великой притягательности поселка Локоть.

...Ставни дома заперты железом, окна изнутри завешены, потные и красные единомышленники слушают своего наставника и вождя, своего фюрера. В доме напротив, за желтыми, без светомаскировки, окнами, пьют солдаты великой Германии. В наглухо

задренном доме Константина Павловича пьют и мечтают о будущем сподвижники великой Германии, предатели.

Одни пьют за свою великую Германию, солдаты которой не теперь, так немного позже должны вступить в столицу Советов, в Москву. Другие пьют за великую Россию, за будущую, новую Россию, свободную от большевистского ига. Константин Павлович послушал скрип снега за окнами — патрули прошли — и опять ударился в слова.

— Господа, — о, как пришлось ему это почти позабытое слово, — господа, мы начнем свою великую Русь сначала. Жертвуя жизнью, вы широко разнесли по освобожденной земле мой манифест. Великое вам спасибо от будущей России. Но только теперь мне пришло в голову назвать мою, нашу с вами, национальную партию России символическим именем «Викинг». Как истинно русские люди, надеюсь, вы понимаете меня. Это приятно звучит для германского уха, для уха освободителя, но это же приятно и для нашего русского уха, ибо возвращает нас к Рюрику. Мы начнем все сначала.

Константин Павлович оглядел каждого из своих единомышленников, хотел было растрогаться, но тут же подумал, что рано еще, не пришло еще время для сантиментов. Однако же было ему приятно, что все они сидели с ним, живые и невредимые, готовые по первому его зову идти на подвиг. Они вернулись с трудного задания, они пробирались по лесам, по глухим дорогам, где почти нельзя миновать бандитской пули партизана, прошли сотни километров, распространяя его манифест об образовании национальной партии России. Под манифестом стояла подпись: «Инженер-Земля». Инженер-Земля — это он, Константин Воскобойник, человек высокообразованный, на редкость культурный, человек большого ума, энергии и храбрости. Он повторил сейчас те слова, которые были сказаны им перед трудным и великим походом. «Друзья мои! Не забывайте, что мы работаем уже не для одного Брасовского района и не только в масштабе его, а для всего народа, и в масштабе новой России. История нас не забудет».

Б.В. Каминский – обербургомистр Локотского округа и командир РОНА

ПРИКАЗ № 222
по Самоуправлению Локотского Округа
от 27 июля 1942 года.

Распоряжением из Ставки Главнокомандующего Германской Армией от 19 июля с. г. № 1023-42, за подписью Генерал-Полковника и Главнокомандующего Шмидт, Локотской уезд преобразован в Локотской Административный Округ, охватывающий самоуправлением Локотской, Дмитриевский, Дмитровский, Севский, Комаричский, Навлинский и Суземский районы.

В связи с указанным распоряжением поручаю моему заместителю господину Мосину немедленно приступить к проработке структуры самоуправления в Округе и разработанный проект доложить мне.

Обер Бургомистр Округа Комбриг Милиции
Б. КАМИНСКИЙ

П Р И К А З

Предлагаю всем партизанам, оперирующим в Брасовском районе и ближайших окрестностях, а также всем лицам, связанным с ними, сдать старостам ближайших селений все имеющееся у них оружие, а самим явиться для регистрации в Управление районного старосты в пос. Локоть. Являться небольшими группами — 2-3 человека, вызывать постового бойца и сообщать ему о целях своего прихода. Все неявившиеся будут считаться врагами народа и уничтожаться без всякой пощады.

Пора давно прекратить безобразие и приступить к организации мирной трудовой жизни. Зсякие сказки о возвращении советского режима в оккупированные области являются вздорными необоснованными слухами, которые распространяются злостными советскими элементами с целью дезориентации граждан и поддержания состояния беспорядка и неуверенности в кругах широкого трудового населения.

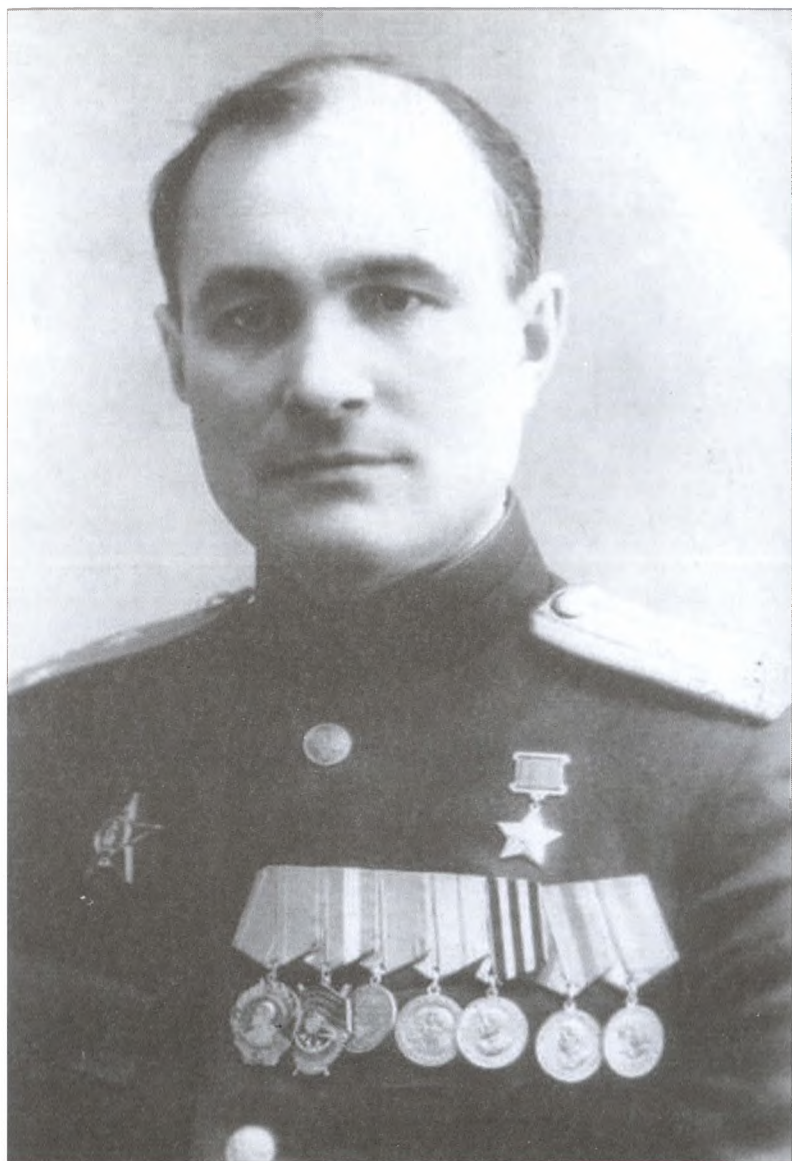
Сталинский режим умер безвозвратно, это пора понять всем и становиться на путь спокойной трудовой жизни. Вздорными являются слухи о поголовном истреблении партизан и коммунистов. Опасность может грозить только самым злонамеренным представителям партийного и советского аппарата, которые не хотят сами и не дают возможности другим стать на мирный трудовой путь.

Настоящий приказ является последним предупреждением.

В селениях, где настоящий приказ получен с опозданием, регистрация партизан может быть отсрочена до 15 января 1942 года.

**Руководитель Народной социалистической партии
ИНЖЕНЕР ЗЕМЛЯ (ИПЗ)**

*Приказ первого бургомистра Локтя, К. Воскобойника,
адресованный партизанам*

Д.В. Емлютин

Партизаны Брянщины. Советский пропагандистский снимок 1943 г.

Партизаны-емлютинцы после очередной операции

Локотская тюрьма (конезавод № 17). Современный снимок

Казармы «народной милиции» (здание бывшего Лесохимического техникума). Современный снимок

Партизанина-
твоя гибель!

ПОДДЕРЖИВАЯ ЕЕ, ТЫ ГУБИШЬ
ИМУЩЕСТВО И СВОЮ ЖИЗНЬ!

Германский антипартизанский плакат

Антипартизанская операция в белорусских лесах

А.Н. Сабуров с соратниками

Командиры РОНА и сотрудники германской полиции. Весна 1944 г.

ГОЛОС НАРОДА

Воскресенье, 31 января 1943 г.

ОРГАН ЛОНОТСКОГО ОКРУЖНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Год издания второй № 5 (43)

Спи спокойно, наш боевой друг!

26 января состоялся похоронный заместителя Комбрига Г. Н. Балашова.

В клубе были отслужена панихида, на которой присутствовали руководители Окружного Самоуправления, представители Германской Армии, бойцы Народной Армии, рабочие и служащие.

Похоронная процессия шла от клуба к месту погребения Балашова (здание бывшего леготекникума).

Но могила с подробными речами выступили Комбриг Б. В. Кавалский и Зам. Обер-Бургомистра С. В. Мосин.

— Лейтенант Балашов ушел из Красной Армии и речистно служил в рядах Народной Армии, — говорил Мосин. Почему он это сделал? — Он это сделал потому что не мог считать Советский Союз своей родиной. Гитлер не мог назвать родину твоей страной, следовательно властители отбры-

Григорий Никитич БАЛАШОВ

Но хочется думать, не верится, что ископал наш общий любимец, наш Замкомбрига Г. Н. Балашов.

Трудно вернуть в смерть тем, кто хорошо знал его по работе в Лонотском Самоуправлении Народной Армии, кто впадал его в домашнем кругу.

Везде он выделялся своей кипучей энергией и здоровьем, своей неустойчивостью.

В самые трудные моменты в работе, а особенно в боевой обстановке, он мог одним своим присутствием, одной фразой поднять настроение, «встелить перу в победу» — эти качества качества он воспринял от своего учителя, товарища и друга Григория Никитича Балашова, командира Армии Б. В. Камини-

Гриша — там обеспечен успех. Трудно вспомнить бой или операцию, где бы не участвовал Гриша, сам отличившись своей личной отвагой, не выходящей из пределов. Гриша не терпел трусов и паникеров.

Когда к нам в тыл, в Падлицкий район, была выброшена группа полковника Севастьянова, то на уничтожение этой группы был направлен Григорий Балашов. Севастьянов справился блестяще, полководцу развал группу и встал за организацию пооружившихся Падлиц.

Предательство Тарасовича и Шевченко возопило Гришу. Это дало ему возможность в разрыве линии наступления на Таласово и Падлиц.

Растет вооруженным освобожденным народом — отряд отдал Бригадой Миллером — Гриша стал Замкомбрига.

Снова бой, операция, и в один из дней Гриша тяжело ранен, когда вел тушение на Коломитах.

Вскоре прошло время лечения в Бресте, и летать стоило на видном Гришу с собой, Гришу, который отказывается от отдыха, который метается о создании батальона в Балашов, Гришу, который разрабатывал план операции по уничтожению балдита.

Неустойчивый бой... мечтал о бое, чтобы оторвать от врага. Помнит, когда Гриша вер-

Первая полоса газеты «Голос народа» с сообщением о смерти заместителя командира бригады Г.Н. Балашова

Трофейные советские автомобили активно использовались оккупантами и коллаборационистами при проведении антипартизанских операций

Б.В. Каминский и сотрудники германской полиции в ходе антипартизанской операции. Весна 1944 г.

Э. фон дем Бах-Зелевский

*Командующий 2-й танковой армии
вермахта генерал-полковник
Р. Шмидт*

Солдаты РОНА. Август 1944 г.

Каминцы в Варшаве. Август 1944 г.

*Боец РОНА.
Варшава, август 1944 г.*

*Военнослужащие РОНА
в Варшаве*

*Высший фюрер СС и полиции в Центральной России
Э. фон дем Бах-Зелевский (второй слева), его заместитель К. фон
Готтберг и командующий полицией порядка генерального комиссариата
Белорусь В. Клепи (третий слева). Минск, 1943 г.*

*Бывший начальник разведки РОНА Б.А. Костенко
в Мюнзингене 10 февраля 1945 г.*

О, разумеется! Дочка Петра Великого, императрица Елизавета Петровна, подарила своему генерал-фельдмаршалу Апраксину тридцать восемь деревень, весь Брасовский стан, в том числе и хуторок Локоть. Потомок именитого татарина, один из последних Апраксиных, продал локотское имение Александру III, а по смерти царя имение перешло к последнему великому князю — Михаилу Романову. История поселка, можно сказать, державная. И символическая.

— Господа, — продолжал Константин Павлович, — а не может ли стать, что как некогда вокруг никому не известной до того Москвы собралась Великая Русь, так вокруг маленького, никому не известного Локтя соберется новая Россия? Сегодня, в Рождество Христово, я пью за эту новую Русь, ибо верую в нее.

— За новую Русь!

— За Константина Павловича!

— За вас, Инженер-Земля!

О мышьяная возня жалких ублюдков! О тараканий размах имбецилитиков!

Истово пил за все, не пьянея, Бронислав Владиславович Каминский, инженер спирто-водочной промышленности по профессии, первый заместитель Воскобойника, также на редкость культурный и всесторонне развитый, правда немного менее, чем сам Константин Павлович. Брониславу Владиславовичу вторили и споспешествовали в тостах господин Мосин и другие господа, о которых сказать что-нибудь определенное было трудно.

— История нам сопутствует, — снова заговорил высокообразованный и на редкость культурный Константин Павлович. — Вы знаете, господа, что великая Германия, не случайно именно она, великая Германия, а не кто другой, пришла к нам на помощь, пришла освободить нас, открыть дорогу для процветания новой России. Не случайно. Ибо нордический дух Германии всегда был близок нордическому русскому духу. Викинг! Я не говорю, господа, славянскому, а говорю — русскому. Я расскажу вам маленькую, но символическую историю. Отто Бисмарк создавал ве-

ликую Германию с помощью железа и крови; это единственный метод, который отвечает нашим с вами грандиозным задачам. Но это к слову. Вы знаете, господа, что железный канцлер был в свое время гостем нашего Локтя, хаживал тут, пил вино, спал, ходил на охоту. Поверьте мне, я часто вижу его великую тень.

Красные и потные лица единомышленников выразили удивление. Восторг и удивление.

— Да, он был гостем Апраксина.

«Мой князь, не советую вам забираться в дебри, не дай бог, заблудитесь», — говорил Апраксин. «Что за охота, — отвечал Бисмарк, — если не забираться в дебри. К тому же, граф, я не из тех, кто может заблудиться».

Но, увы, князь Бисмарк, один, без егерей, углубившись в лесные дебри, заблудился. Уже под самый вечер ему удалось выбрать на лесную дорогу и встретить там мужика с дровами. Князь попросил подвезти его к усадьбе. Мужик посадил Бисмарка на воз, сам же по-прежнему пошел рядом. Солнце уже горело в лесной чаще, и князь стал торопить мужика. А тот каждый раз отвечал спокойно: «Не надо спешить, барин, успеется». На одной колдобине сломалась ось, мужик на место колеса привязал деревянный костыль, поехали на трех колесах да на костыле еще медленней. Теперь Бисмарк вынужден был идти пешком и опять стал торопить мужика пуще прежнего, потому что подступали сумерки. «Не надо спешить, барин, успеется», — повторил мужик все то же в ответ. Ну, разумеется, успели засветло, как было обещано.

На деревянной оси подосок был железный. И Бисмарк, которому понравился спокойный и уверенный нрав русского мужика — «Не надо спешить, барин, успеется», — стал просить этот железный подосок на память. Мужик не мог отдать, потому что железо денег стоило, без него нельзя было сделать новую ось. Тогда Бисмарк купил у мужика этот подосок, так ему хотелось взять его на память. А прибывши домой к себе, в Германию, князь заказал мастеру выточить из того подоска кольцо. И, сделавшись канцлером Германии, стал носить это железное кольцо. И когда

его министры начинали слишком кричать, да горячиться, да торопить его с решением, он протягивал перед собой руку, так, чтобы все видели, и, глядя на кольцо, спокойно говорил: «Не надо спешить, господа, успеется». И это помогало ему принимать правильные решения.

— Не сказала ли здесь, в этой истории, родственность нордического духа немцев с духом русского народа? Прошу, господа...

Но, успевши только немного приподнять стаканы над столом, Константин Павлович и его единомышленники разом поставили их на место, не выпуская, правда, из рук и прислушиваясь сначала тревожно, а через минуту уже испуганно. На улице грянул выстрел, другой, где-то рванулась граната, а вслед за ней поднялась огневая неразбериха: взрывы, стрельба, крики.

Четвертого января староста села Селечня бросил на розвальни три мешка зерна и по заданию партизан укатил в Локоть на мельницу, чтобы разузнать о локотском гарнизоне, о его численности и расположении. А седьмого января, на рождество, партизаны стали съезжаться к лесничеству Луганская дача. Перед вечером вокруг дома лесничества уже стояло сорок шесть запряженных саней, тут же в ожидании приказа толпились тепло одетые, с красными лентами на шапках, дымившие самокрутками вооруженные люди. Снег был порядочно попримят, толклись люди чуть ли не с утра, давно уже понаходили старых знакомых, завели новых. Здесь, на Луганской даче, впервые сошлись для совместной операции три еще малочисленных, еще не окрепших партизанских отряда — Трубчевский, Брасовский и небольшая группа партизан Сабурова. Все вместе они составляли отряд около сотни человек.

В помещении, в тепле, все это время заседали командиры отрядов. Особых стратегов среди них не было, и первая крупная операция — вернее, план ее, — давалась трудно. Однако же к вечеру все было обговорено, все распланировано, и как только затемнело, тронулись в путь. Растянулся обоз на целый километр.

До Локтя было километров тридцать. В первом селе, в Игрицком, сделали короткий привал. После привала свернули с дороги, поехали полем, снежной целиной, лесной опушкой. Повалил крупный снег. Осталась позади еще одна темная деревня, Лагеревка, и все было тихо. Впереди и с боков шло боевое охранение. В следующей деревушке, в Тросной, наткнулись на небольшой отряд немцев, с ходу выбили его, перерезали телефонные провода, которые связывали Локоть с районным центром, с Камаричами.

В четвертом часу ночи, в то самое время, когда обер-бургомистр Константин Павлович Воскобойник пил со своими единомышленниками за новую Русь, санный обоз подошел к опушке леса у Нерусской Дачи, перед самым поселком Локоть. Стояла сонная ночная тишина, и снег продолжал падать густыми хлопьями. Двумя группами, без выстрелов, партизаны вошли в поселок, оставив лошадей в районе Прудков. Одна группа шла со стороны дубовой рощи к школе-десятилетке и дальше, через базарную площадь, к зданию лесного техникума. Другая — через парковую рощу пробиралась к бывшим общежитиям лесного техникума, где находились теперь штаб и окружная управа, где сидели сейчас в домике со ставнями на железных заглушках сам Воскобойник и его собутыльники.

Посты сняли бесшумно. И в половине пятого Воскобойник, одновременно с другими, поставил на стол только что поднятый для очередного тоста стакан, не выпуская его из руки. За первым выстрелом поднялась в ночном поселке огневая неразбериха — взрывы, стрельба, крики. Застолье замерло. Воскобойник вскинул голову, оглядел своих соратников, их лица показались ему растерянными, резко поднялся, едва не свалившись на пол, потому что зацепился за ножку стула, и с криком «За мной!» вылетел из комнаты. Соратники сделали вид, что следуют команде предводителя, привстали, замешкались, но потом кто-то потушил лампу, хотя окна были плотно завешены. В темноте никто уже не пытался следовать за Константином Павловичем, все стали расползаться по углам, замирая там в ожидании развязки. Стрельба тем временем крепла и заметно приближалась к дому.

Воскобойник выскочил на крыльцо с пистолетом в руках. Был он в начищенных сапогах, в галифе и в белой нижней сорочке, китель остался висеть в комнате на спинке стула. Размахивая пистолетом, стреляя в воздух, он кричал бесстрашно в ночную пустоту, в стрельбу, в слепые вспышки.

— Бандиты! — кричал Воскобойник.

— Сдавайтесь! — вопил он, стреляя в воздух.

— Я уничтожу вас! Я сохраню вам жизнь! Сдавайтесь, лесные бандиты!

Две пули попали ему в грудь, и Константин Павлович Воскобойник упал, выронил пистолет, скатился с крыльца. Больше он не слышал ни выстрелов, ни криков, не видел слепых вспышек. Сначала снег, падая на убитого, таял, потом перестал таять, стал потихоньку заваливать его.

Почти два часа соратники Воскобойника томились по темным углам, пока наконец не стихли последние выстрелы. Гарнизон Локтя был разгромлен. Партизаны повернули коней и пропали в ночном снегопаде.

Хотя время уже подбиралось к семи утра, зимняя ночь еще плотно стояла над ошеломленными домами. Бронислав Владиславович Каминский, господин Мосин и другие господа один за другим высунулись из дома, огляделись, выслушали ночные окрестности и после этого спустились с крыльца, чтобы поднять полузанесенного снегом Константина Павловича и внести его в дом. В кабинете, в сплошной темноте — света не стали зажигать на всякий случай, — предводителя, теперь уже покойного, положили на письменный стол, сперва, правда, надели на него китель, застегнули на все пуговицы.

Через несколько месяцев заместитель обер-бургомистра в газете своей будет вспоминать эту рождественскую ночь:

«Казалось бы, все обстоит хорошо и благополучно, но вдруг, совершенно неожиданно для всех нас, 8 января, сраженный свинцом врага, мужественно и храбро пал организатор власти и побед, талантливый полководец нашего времени К.П. Воскобойник.

Константин Павлович на смертном одре. Плакать нет времени и бесполезно. Впереди огромные задачи, вызванные разыгравшимися событиями. Нужно срочно решить вопрос — кому передать управление районом. В ночной тишине, без света, в кабинете Константина Павловича, где лежало его бездыханное тело, спокойно и единодушно узкий круг работников решил передать управление районом заместителю покойного — инженеру Б.В. Каминскому».

* * *

Славка проснулся сразу. Открыл глаза, и сна как будто бы и не было вовсе. Он лежал на боку и видел, как из застекленных щелей тек желтый сумеречный свет. Стекла были забрызганы, в лесу шел дождик, тихий осенний дождик. За железным коленом трубы, над подушкой, приподнялась Нюркина голова, открылось голое плечо, перехваченное беленькой тесемкой ночной рубашки.

— Сла-а-ва, отвернись, мы вставать будем.

— Я глаза закрою.

— Отвернись, Сла-а-ва.

Он легко поднялся, легко натянул рыжие венгерские шаровары, сапоги надел на босу ногу и вышел за дверь, поднялся в мокрый, сочившийся холодным дождичком лес. Долго нынче стояла теплая, хорошая осень. Уже начало ноября, а лист еще не весь опал, дубы стоят еще густые, хотя все желтые, на осинах еще держатся редкие листики и такие красные, как в кровь окунутые, березы не все оголились, а под ногами листьев по колено. И можно еще выскочить в сапогах, в маечке, подвигать руками, поприсесть, воздух перед собой помесить кулаками — и кровь разогрелась, и дождичек холодный уже не холоден, а приятен. Славка обогнул землянку. Там, под тремя сумрачными елями, возчик Коля устроил навес из лапника, стенки из жердей поставил, внутри сотворил ясельца и бросил туда небольшую колоду. Перед ясельцами, перед колодой, куда иногда подсыпали и овсеца, и отходов каких-никаких, стояла рыжая кобыла, кобыла «Партизанской правды». Первый раз Славка ездил на ней в родной свой отряд «Смерть

фашизму», с Анечкой ехал в обратную дорогу. Давно дело было, летом, в земляничную пору. С тех пор эта кобыла стала как бы личной собственностью Славки. Печатник и Нюрка никуда не выезжали, Бутов тоже почти постоянно сидел на месте, он был секретарем газеты, и выпускающим, и вроде заместителем редактора одновременно, поэтому больше сидел на месте, ездил один Славка. Он же и кормил-поил рыжую кобылу, смотрел за ней. Коля навозил сена, полустожком оно было прислонено к жердям одной стенки и накрыто сверху парусиной. Неподалеку, в лесной балочке, был вырыт еще до приезда сюда редакции мелкий колодец, вода была тут неглубоко, близко. У Славки на родине такие колодцы называют копанями. Так он и звал этот лесной колодец. Копань. Вода была в нем студеной, чистой, с чуть уловимым запахом то ли кореньев каких, то ли чего другого, вода была особенная, лесная. Опустил веревку с ведром, набрал этой целебной лесной воды, попоил свою рыжую кобылу, сенца подложил, потом еще набрал воды, сам попил, умылся и в землянку пришел, когда все уже были на ногах.

После завтрака Славка собирался поехать в один отряд, за материалом, и уехал на своей рыжей кобыле, но в Смелиже его перехватил редактор, Николай Петрович. Заставил ждать. Отлучился куда-то и вернулся с двумя женщинами: с женщиной и девочкой-школьницей. Это были навлинские подпольщицы, прислал их из штаба в Смелиж бывший Славкин комиссар, нынешний секретарь окружкома партии Сергей Васильевич Жихарев. Он прислал их сюда, чтобы они непременно нашли Славу Холопова и рассказали ему обо всем, что знали, с чем пришли из Навли. Славку вот так специально еще ни разу никто не разыскивал, и это придавало ему некоторую важность перед самим Николаем Петровичем и перед теми политотдельцами, которые помогали разыскивать Славку. Не забыл Сергей Васильевич, именно к нему прислал людей этих, распорядился — не к редактору, не к другому кому, а к Славке. Как-то не приходилось встречаться тут, в штабе или в Смелиже, с Сергеем Васильевичем. Живя при штабе, Жихарев

занимался своими делами, и дела его лежали вдали от Славки, потому и не встречались, а если и бывало, то на ходу, мимоходом: привет, Слава, привет и так далее, по плечу похлопает, улыбнется щедрой своей улыбкой, похвалит заметку какую-нибудь очередную Славкину и опять куда-то мимо заспешит. Но вот людей прислал, специально. Редактор тоже отнесся ко всему этому с повышенной серьезностью и со Славкой разговаривал более повзрослому, чем раньше, чем всегда. Он оставил его в свободной политотдельской комнате с этими подпольщицами, серьезно попрощался и сказал, чуть ли не доложил, что едет в землянку, посмотреть, как с номером.

Когда ушел Николай Петрович, Славка повернулся в сторону сидевших возле стола подпольщиц, почему-то немного смутился и долго молчал, сначала глядя на них поочередно, как бы изучая, потом опустил глаза и молчал, задумавшись. Он не знал, что нужно им от него, догадывался, что им нужно беседовать с ним, как с работником газеты, но это делается все же проще, не обставляется так: с разыскиванием, с поручением от секретаря окружкома и так далее. Он еще не успел сказать что-нибудь, слушаю вас или в этом роде что-нибудь, — выйти из неловкого молчания помогла ему женщина.

— Слава, — сказала она, — я учительница, и разреши мне называть тебя так же, как я называю своих мальчиков, по имени. Сергей Васильевич мне рассказывал о тебе и просил нас с Инночкой встретиться с тобой...

Учительница перевела дыхание.

— Дело в том, что в Навле разгромлена подпольная организация, расстреляны и повешены люди. Это большое горе. Но это не только личное наше горе, тут есть что-то другое, что не должно быть забыто, оставлено в стороне.

Учительница заплакала, вынула из пиджачка платок, приложила к глазам. Заплакала и Инночка. Учительница закусила губу, вздохнула.

— Вот Инночка плачет, а там, Слава, не уронила ни одной слезинки, а ее пытали.

Учительница была совсем еще молодая, но лицо ее было худым и измученным. Когда ее пытали, она тоже, между прочим, не плакала, она страдала и за себя, и за своих мальчиков и девочек, ей было больней, чем всем другим, но тех других, кроме Инночки, тсперь уже нет на свете. По дороге в Локоть Вере Дмитриевне и Инночке удалось бежать. Охранников было сто пятьдесят человек, арестованных — пятьсот. Когда проходили через деревни, люди толпой обступали процессию. «Тюрьма идет!» — кричали из охраны. «Расступись с дороги, тюрьма идет!» И однажды из толпы кто-то сильной рукой выдернул Инночку, шедшую с краю «тюрьмы», и толпа скрыла ее, поглотила ее незаметно для конвойных. Так же спаслась и Вера Дмитриевна. Они укрылись в погребе, отдохнули немного и выбрались потом в лес, к партизанам.

Инночке не было еще семнадцати, и по ее детскому лицу совсем незаметно, что она столько пережила, что ее пытали, что били шомполами ее маму и отца, потом расстреляли. К ним пришли в камеру и показали фотографию Инночки, зимой снималась, в белой шубке. Кто это? Моя дочь, сказала мама. Где она? Не знаю, это ее последняя фотография, зимняя, с тех пор мы не знаем о ней ничего. Врешь, сказал комендант. Мы размножим это в тысячах экземпляров и найдем ее хоть под землей, мы еще повесим ее на суку, сказал комендант. Он приказал бить их шомполами, маме и отцу — по восемьдесят шомполов, потом расстрелять. Их били и расстреляли.

Хейнродт, навлинский комендант, сам не бил, он не любил бить людей шомполами, не очень любил расстреливать, он любил вешать людей, собственноручно. Но родителей Инночки он велел расстрелять. И еще был случай, когда он позволил себе собственноручно расстрелять двух ребятишек, мальчика и девочку. Это зимой произошло. Мать этих детей, связная, была арестована, и тогда комендант Хейнродт с начальником полиции подъехали на санях к дому арестованной, сказали детям, что они поедут к матери. Дети обрадовались, бросились одеваться, но комендант не

дал им одеться, мальчик только успел надеть вязаную шапочку, а девочка рукавички. Их посадили в сани, вывезли на мост через Навлю, ссадили, и Хейнродт сам пристрелил детишек и сам же столкнул их с моста на лед. Ночью замело все снегом, а весной, когда лед ломался, их смыло водой.

После нынешней операции, после разгрома навлинского подполья, коменданта Хейнродта наградили Железным крестом, и он ушел из Навли на повышение.

Операция началась так. Восемнадцатого августа по приказу коменданта были арестованы в одну ночь все партизанские семьи (взрослые и дети), все подозрительные, все евреи (взрослые и дети). Взяли и Веру Дмитриевну и всех ее учеников, подпольщиков, взяли учителей. Только одна Маруся Дунаева сумела уйти в лес. Через две недели, когда она явилась в Навлю, — послана была в разведку, — ее обнаружила сторожевая собака и Марусю тоже взяли.

Восемнадцатого сентября немцы устроили закрытый военно-полевой суд. И днем, после обеда, на площади повесили первых тринадцать человек. Учителя Калинина Якова Александровича, Марусю Дунаеву, Тамару Степанову, Дусю Рябых и еще девять школьников. Повесили на телеграфных столбах. К столбам прибили поперечины, получились огромные кресты, на этих крестах и вешали. Через два дня на третий виселицы обрушились, поперечины не выдержали.

Тамару Степанову и Дусю Рябых взяли тогда вместе, не ночью, а днем. При обыске нашли у Дуси листовки и частушки с насмешками над Гитлером. Дуся Рябых, кругленькая, веселая, была пересмешницей, она частушки написала. Тамара Степанова, в противоположность Дусе, была очень серьезной девушкой, высокой, стройной, с черными глазами и черной косой. Они очень любили друг друга, их и взяли вместе, в Дусином доме. И висели они рядом, на одной поперечине. Когда их еще только взяли, они договорились все принять на себя, никого не выдавать. Да, и листовки и частушки они писали сами, никто их не принуждал, никто не приказывал, они сами. В управе их били. Били и сапога-

ми, и прикладами, но они говорили одно и то же. Никого они не знают и все делали сами. Два дня подружки висели рядом, а на третий поперечина обрушилась, и они вместе с другими попадали на землю. Жителям разрешили похоронить повешенных.

В первый день, когда виселицы еще были целы, возле них немцы и мадьяры устроили гулянку с танцами, пригнали русских девушек и танцевали с ними. А вечером еще девятнадцать человек расстреляли во рву под лесохимзаводом. Место в этом рву немцы еще раньше присмотрели, они уже расстреляли раньше в этом рву тридцать девять человек, еврейские семьи.

В числе девятнадцати во рву лежали школьники и учительница Вера Васильевна Макаричева.

Валя Калинина, маленькая, живая, очень красивая, карие большие глаза, ресницы загнуты, на грузинку похожа. Изобьют всю, приведут в камеру, она поет. Один раз только пришла, плачет, вы думаете, мне больно, нет, они надругались надо мной. Насиловал ее комендант Хейнродт.

— Вера Дмитриевна, — говорила Валя, — мы вас никогда не выдадим, имя ваше не назовем, только вы сами не признавайтесь. — Это она говорила, когда в последний раз уходила из камеры на допрос. Предсмертные записки писала: просим рассказать о нас, что мы умерли честно. Валя сидела в шестой камере, а ее отец, Калинин Яков Александрович, учитель, — в пятой, повешен был с первыми, на поперечинах, которые обрушились на третий день. Когда их вели на виселицу, Яков Александрович крикнул: «Прощай, дочка». Валя простилась с отцом. «Прощай, папа», — ответила она из камеры. А вечером увели и Валю. Ее во рву расстреливали. Она не боялась, не плакала, говорила тихо своей учительнице, Вере Васильевне, стоявшей рядом, перед обрывом в овраг. Лучше бы, говорила она Вере Васильевне, я день и ночь на танцплощадке проводила, зачем старалась, зачем училась, отличницей была. Зачем все это нужно было? Чтобы достойно умереть, Валя, ответила учительница Вера Васильевна. Но тут стали стрелять, и обе они свалились в ров.

Когда война кончится, в Навлю будет долго писать один летчик, Коля Жижонков, он учился с Валею и дружил с ней с восьмого класса. «Валю, неужели ты забыла друга детства, почему же ты не отвечаешь мне?»

Вера Васильевна стояла перед обрывом справа от Вали, а слева стояла Нюра Макаричева, подросток, в девятом классе училась. Нюра была застенчивая, краснела по всякому поводу, беленькая, голубоглазая, светленькие косички носила. Когда стали стрелять, она только глаза закрыла рукой, и больше ничего. За Нюрой стояла Фаня Певцова. В коридоре тюрьмы, перед тем как увести на расстрел, раздевали смертников. Фаня никого не допустила к себе, сама разделась, в одной рубашке пошла по коридору. Мне ничего не надо, я и так умру. Прощалась с теми, кто оставался. Живые, говорила она, проходя мимо камер, не сдавайтесь фашистам, лучше умереть. Фаня училась в Москве, в текстильном институте, приехала в Навлю на каникулы, а тут немцы нагрянули, и Фаня осталась. Она не закрывала глаза, смотрела перед собой.

Миша Князев, секретарь школьной комсомольской организации, вихрастый, курносенький парнишка, с Валею очень дружен был, на прогулке в тюремном дворе сказал Вале: ни в чем не признавайся, мы не скажем ни слова.

Стасик Тихомиров. Сын учителя, девятиклассник, маленький, серьезный, начитанный, очень любил литературу. В камере целыми ночами рассказывал о книгах. Необыкновенный мальчик. Стасик сидел в локотской тюрьме вместе с отцом. Отца по болезни отпустили. Потом Стасика перевели в камеру смертников: отец, узнав об этом, сам вернулся в тюрьму. Хочу, сказал учитель, умереть вместе с сыном. Его бросили в камеру к Стасику. Отец обнял сына, стал целовать его. Когда их выводили на расстрел, Стасик читал стихи. «Товарищ, верь, взойдет она...»

После расстрела комендант вернулся в дохе Стасикова отца. Это, сказал комендант, уже сто пятидесятый на моем личном счету.

Греков Николай. Десятиклассник, пытал своих школьных друзей и подружек — Валю Калинину, Дусю Рябых, Тамару

Степанову, Мишу Князева. Ну что, секретарь?! Это он к Мише обращался и бил его плетью по лицу. Девочек — Валю, Дусю и Тамару — раздевал, срывал с них одежду и бил плетью по голым рукам, когда девочки закрывались руками. Ну, партизанские курвы! Худой, высокий, красивый. Девочек раздевал и бил при Каминском. «Комбриг» (немцы присвоили Каминскому звание комбрига) приехал из Локтя присутствовать на казнях. На редкость культурный и всесторонне развитый, бывший инженер спирто-водочной промышленности, Бронислав Владиславович не орал зря, не говорил бранных слов, держался как истинный интеллигент, наследник своего учителя, покойного Константина Павловича Воскобойника. За что страдаете? — спрашивал он у девочек, которых бил плетью по голым рукам Греков. За что? За идею? Позвольте вам не поверить, вы слишком молоды для этого, вас еще учить да учить, хотя теперь уже поздно, вы будете повешены, и я не могу вам предложить ничего другого. Мерзавец, говорила Тамара и глядела на него с презрением и, опустив руки, не прикрывала груди, не унижалась перед ним и перед Грековым стыдливостью. Не знали мы, что среди нас жили такие вонючие гады... Бронислав Владиславович одернул китель — он ходил в полувоенной форме, подражая великому фюреру, — одернул китель и повернулся к Грекову. И ты, сказал «Комбриг», можешь это слушать? Греков встрепенулся, и плеть в его руке свистнула раз, другой раз, третий, и Тамара залилась кровью.

Своего учителя, который учил его пять лет, Греков бил тоже раздетого, в нижнем белье, приготовленного для виселицы. Окровавленного Якова Александровича притащили от своего ученика в полусознании. На казнь вели его под руки, вели другие ученики Якова Александровича.

Перед казнью во всех камерах пели. Все были изранены, окровавлены, в ведре смачивали простыни и прикладывали друг другу к ранам и кровоподтекам, вода в ведре нагревалась.

Никита Городецкий был в полиции начальником артиллерии, нес эту службу по заданию партизан. Его затолкнули в женскую

камеру. От пыток и побоев местами у него тело отделилось от костей. Тебе помочь, Никита? Не надо. Он лег на спину и лежал до тех пор, пока не подняли его, чтобы отвести к виселице. С ним тоже разговаривал комбриг Каминский об идеях. За что страдаешь, за идеи? Да, отвечал полуживой старший лейтенант.

В Локте, у комбрига Каминского, в тюрьме сидело около тысячи двухсот человек — девятнадцать больших, густо набитых камер. Несколько тысяч в тюремном концлагере. Много дней шла сортировка, сортировали и уводили на расстрел: под Брасовом было глухое место Косицы, раньше глину тут брали, яма на яме. Расстреливали из пулеметов. Когда сортировали, из штаба — он был напротив тюрьмы — немцы бросали хлеб. Люди, голодные, кидались за этим хлебом. Русь, русь, — орали немцы со второго этажа и, смеясь, потому что было смешно, стреляли в толпу.

Бронислав Владиславович Каминский говорил:

— Мы делаем, что говорим, а что говорим, то делаем, и если мы изменим интересам народа, интересам нации, то мы, как выражается Адольф Гитлер (он очень любил Адольфа Гитлера), готовы принять на себя все муки ада.

...А вот и февраль. После трехдневной метели хлынул свет, напоил небо, и разлилась по нему синь-бирюза.

Славка читает свежую полосу. Он с трудом заставляет себя следить за буквами, точками и запятыми, потому что следить невозможно, не хватает выдержки, таких полос еще не было никогда, таких дней не было за всю войну.

«Штаб Донского фронта, 2 февраля 43 года, 18.30

Москва

Верховному Главнокомандующему

Вооруженными Силами

Союза ССР

товарищу СТАЛИНУ

Боевое донесение № 0079 — ОП

Выполняя Ваш приказ, войска Донского фронта в 16.00 2.11.43 г. ЗАКОНЧИЛИ РАЗГРОМ И УНИЧТОЖЕНИЕ ОКРУЖЕННОЙ СТАЛИНГРАДСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА.

...Разве можно тут следить за буквами, значками, точками, запятыми? Все плывет, кружится перед глазами, то и дело воображение выносит на зимние пространства, где теперь тихо, где только что завершена великая битва.

«В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника боевые действия в городе Сталинграде и в районе Сталинграда ПРЕКРАТИЛИСЬ. Подсчет трофеев продолжается».

Славка знал, что это должно было наступить, и это наступило. Никогда еще ничего печатного он не читал с таким восторгом, как это *донесение*, как это сообщение Совинформбюро, где подробно перечислялись трофеи и фамилии высшего немецкого офицерства, взятого в плен нашими доблестными солдатами. Тут и сам фельдмаршал Паулюс, и его личный адъютант полковник Адам, и генерал-полковник Вальтер Гейтц, генерал-лейтенант фон Роденбург — о, эти фоны! — фон Зикст Армин, фон Ленски, генерал-майор Раске, генерал-майор Магнос. О, эти сладкие фамилии с фонами и без фонов, эти генералы и полковники Гитлера в плену!

И тут же еще «В последний час», где сообщалось, что наши вытряхнули немчуру из Лисичанска, Барвенкова, Балаклеи, из Батайска, из Ейска, из Фатежа, из славного города Азова, перерезали дорогу Курск — Орел, а также дорогу Белгород — Курск. С боем взяли под Курском Золотухино и Возы, Щигры и Тим, на Украине — Красный Лиман, Купянск, Изюм, а также выбили немца из Старого Оскола.

Идут наши ребята, наши войска, уже перерезана дорога Курск — Орел. Это же близко к нашим лесам, Слава, совсем под боком.

А как там чувствует себя бывший инженер спиртоводочной промышленности Бронислав Владиславович Каминский? Тревожно. Нехорошо. Тревожно и страшновато было еще вчера, от этой речи

фюрера. Почему фюрер заговорил так? Неужели сам больше не верит? «В этой гигантской борьбе всех времен мы не смеем ожидать, что Провидение подарит нам победу». Не смеем ожидать? А как же? Во имя чего же тогда?.. «В сознании того, что в этой войне, может быть, не будет победителей и побежденных, а могут быть лишь пережившие и уничтоженные, национал-социалистское государство будет вести эту борьбу с тем самым фанатизмом...» И это речь по поводу десятилетия прихода к власти? В чем дело? Теперь Каминский знает, в чем дело, ибо сегодня сводка Верховного главнокомандования германской армии сообщает:

«Борьба в Сталинграде закончена. Верная до последнего дыхания своей воинской присяге, шестая армия под образцовым командованием генерал-фельдмаршала Паулюса пала».

Пала. Страшное слово. Трехдневный траур. Что же остается нам?

И обер-предатель садится за сочинение приказа, нет, не приказа — воззвания. Он судорожно пишет с тем самым фанатизмом, который... «Над населением освобожденных областей вплотную нависла угроза возвращения сталинских войск и сталинских порядков».

В этом же номере локотской газетки Славка читает о втором награждении Каминского орденом «За храбрость и отличие». Тут же сообщается о личном горе Бронислава Владиславовича — смерти сына, который, слава богу, никогда уже не вырастет сыном предателя, а только будет всего лишь мертвым сыном предателя, и еще о смерти в больнице (от партизанской пули) заместителя Каминского — Балашова.

«Соболезнование

Пусть будущее поможет Вам перенести тяжелые утраты.

Ваш Бернгард — генерал-лейтенант».

Этот Бернгард, генерал-лейтенант, будет повешен в 1945 году на площади в Брянске накануне Нового года.

Это я, автор, вторгаюсь, Слава, это я говорю, прошу простить меня за вторжение, не могу удержаться, чтобы не сообщить об

этом заранее, не могу стоять в стороне, когда ты листаешь эти страшные страницы. Да, он будет повешен, как военный преступник, я сам видел это, присутствовал на процессе и писал об этом процессе. Он сидел на скамье подсудимых и говорил:

— Их глаубэ, я верю, — говорил Бернгард, генерал-лейтенант, — что недалек тот час, когда великая Россия протянет свою великодушную, дружескую руку маленькой Германии и поведет ее к счастливому будущему.

К его несчастью, он поумнел всего за несколько часов до виселицы.

Пока же генерал-лейтенант Бернгард выражает соболезнование Каминскому, которого не скоро еще найдет справедливая пуля, — его схватят убегающего и прикончат где-то за пределами родной земли. А пока он тоже еще живой, полон страха и кровавых замыслов, пока он судорожно пишет: «...нависла угроза возвращения сталинских войск и сталинских порядков».

Г.О. Осипов¹

ИЗ КНИГИ «ПАРОЛЬ — “НАСТУПАЕТ ОСЕНЬ” ...»

Грохот войны вплотную приближался к Комаричам. Со стороны Радогощи слышен был лязг гусениц танков и рев моторов, всюду рвались снаряды и авиабомбы. По дорогам тянулись подводы беженцев, стада коров и овец. Уже было известно, что танковые армады Гудериана, тесня и окружая измотанные и поредевшие в оборонительных боях отдельные части войск Брянского и Юго-Западного фронтов, замыкали кольцо, чтобы высвободить группу армий «Центр» для молниеносного удара на Москву.

¹ Г.О. Осипов, советский писатель. Несколько лет собирал факты о деятельности подпольной группы П.Г. Незымаева в Комаричах. Документальная повесть «Пароль — “Наступает осень” ...» написана на основании воспоминаний подпольщиков и участников партизанского движения в южных районах Брянщины. Публикуется по: *Осипов Г.О. Пароль — «Наступает осень»... М.: Политиздат, 1984. 159 с.*

— Нельзя, товарищ Незымаев, оставить население без врачебной помощи, — сказали в райкоме. — Один из нас уйдет с последним маршрутом на фронт, другие — в леса, третьим выпадает партийный долг оставаться на месте, ждать сигнала. Впрочем, от услуг хорошего врача, к тому же знающего немецкий, и оккупанты не откажутся, — значительно добавил секретарь райкома.

* * *

— О, герр доктор отлично говорит по-немецки! Позвольте спросить, где вы изучали язык фатерланда — в Гейдельберге, Мюнхене? — не то с издевкой, не то серьезно спросил офицер. — Может быть, герр медик из семьи фольксдойч — русских немцев? — И он пристально посмотрел на Незымаева. Ему явно imponировала внешность врача — светло-русые кудри, золотистая бородка, синие спокойные глаза, аккуратность в одежде, строгая подтянутость.

— Немецкий язык, господин офицер, я полюбил с детства, — с достоинством ответил Павел. — Нашей школьной учительницей была фрау Марта Людвиговна Вернер, уроженка Южной Германии. В медицинском институте у меня было много друзей-немцев с Поволжья и Украины, которые учились со мной на одном курсе. Вам, разумеется, известно, что издавна на российских и украинских землях селилось много немцев колонистов. Немало их осталось и в Советском Союзе.

— О, майн либер доктор, благодарю вас за экскурс в русскую историю, — ухмыляясь, ответил немец.

Эта встреча как бы предопределила положение и авторитет Незымаева у оккупационных властей. Довольно скоро его повысили в должности и назначили главным врачом окружной больницы.

Вторая встреча Незымаева с доктором Гербертом Бруннером произошла, когда он инспектировал комаричскую больницу. Чистота комнат приемного покоя и врачебных кабинетов, безукоризненная свежесть халатов медперсонала произвели на него

хорошее впечатление. Павел знал, что страх оккупационного командования перед инфекционными заболеваниями был равен, пожалуй, только страху перед партизанами. Зайдя в кабинет главного врача, немецкий медик охотно опрокинул предложенный Павлом фужер разведенного спирта, заел его салом и хрустящим соленым огурцом. Крякнув от удовольствия, неожиданно перешел на русский.

— Ваша любовь, герр Пауль, к гигиене и порядку есть чисто германская черта. От нас, военных врачей, фюрер требует поддерживать здоровье и арийский дух вермахта. Моя служебная карьера и награды зависят от здоровья наших солдат и офицеров. Не должно быть тифа, дизентерии, чохотки, оспы. Наша обязанность — полная изоляция немцев от больных мадьяр, румын, итальянцев. Ферштейн?

— О да, господин офицер! Это очень разумно, — поддержал Бруннера Павел Гаврилович. — Кстати, не удержусь от комплимента. Вы прекрасно владеете русским языком. Это облегчит общение с господами из местного самоуправления и русским медицинским персоналом.

— Еще бы, — самодовольно ответил немец. — Мой отец владел фермой и небольшой колбасной лавкой в деревне Люсдорф под Одессой. Я имел шанс учиться в русской гимназии, но в девятнадцатом году мы были разорены и уехали с германской армией в фатерланд. Наш род — чистокровные баварцы.

— Так вы, герр Бруннер, вероятно, имели честь видеть самого фюрера в Мюнхене?! — воскликнул Незымаев.

— А вы, майн либер Пауль, знаете нашу новую и старую историю, как магистр наук, — комплиментом на комплимент ответил Бруннер. — Похвально, похвально, зер гут!

— У меня идея, — доверительно сказал Павел, — я берусь с помощью ваших медиков создать изолированный стационар для господ немецких военнослужащих. Кругом леса, чистые реки, целебные родники. Это будет не просто госпиталь, а заведение типа санатория. Там мы создадим все условия для лечения и от-

дыха. Заодно офицеры и чины вашей администрации смогут поохотиться, половить рыбу, попариться в бане.

— О, Пауль, умная голова, — перешел на фамильярный тон Бруннер и покровительственно похлопал его по колену. — Вы предлагаете русский Карлсбад в сердце России? Так понимать вас?

— Именно так. Но для этого, герр Бруннер, я нижайше прошу вашего любезного и авторитетного содействия в штабе армии. Для начала необходим комплект современного медицинского оборудования, скажем, на пятьдесят коек. Далее хирургический инструмент, медикаменты, перевязочный материал, витамины. Впрочем, простите мой банальный разговор. Вы опытный врач и лучше меня знаете, что нужно.

— Да, да, — самодовольно ответил немец. — Для вермахта это, как говорят у вас, пустяк, ерунда. На великую Германию работает вся Европа. Будем шнуровать и делать аллес гут.

— Шуровать, — мягко улыбаясь, не удержался от поправки Павел Гаврилович.

Вскоре к зданию школы, где решено было создать изолированный стационар, потянулись в Комаричи крытые автофургоны с красным крестом и паучьей свастикой на бортах. Из них выгружались медицинское оборудование с фабричными клеймами фирм Германии, Бельгии, Голландии, Франции, коробки с лекарствами, рулоны перевязочных материалов, датское сгущенное молоко, контейнеры с соками и витаминами. Поставки мяса, муки и овощей возлагались на местные гражданские власти.

В кабинет Незымаева, у которого в изобилии в кладовой имелись спирт, самогон, зачастили Герберт Бруннер и его коллеги из армейской санитарной службы. К ним нередко присоединялись оберштурмфюрер с железнодорожного узла Генри Леляйт, переводчики комендатуры Ганс Штольц и Герман Садовски. Изредка навещался и шеф отделения военного разведоргана «Абвергруппы-107» в Локте («Абверштелле-107») майор Гринбаум.

Порой выпивки устраивались на квартире Бруннера, куда был вхож и главный врач окружной больницы «герр Пауль», как хоро-

ший и остроумный собеседник. Незымаев поражал гостей своими познаниями в истории германского государства. Он мог часами рассказывать эпизоды из жизни прусских королей, дипломатов и полководцев; его память хранила старинные немецкие легенды и песни. Он недурно играл на баяне и губной гармошке. Его шансы повысились еще больше, когда Павел с головой окунулся в хлопоты по созданию «образцового» отделения — стационара для лечения и отдыха солдат и офицеров фюрера. Теперь его «чисто немецкая» деловитость и точность не вызывали сомнений.

Отношения Павла с представителями «нового порядка», его вольное передвижение по территории округа не могли остаться незамеченными чинами местного «самоуправления». Пробравшиеся к постам на гитлеровских штыках, они стали заметно заискивать перед главным врачом, конфиденциально посвящать его в известные им планы колонизации брянских земель. Через них и знакомых офицеров оккупационных германских властей он постепенно познавал, «кто есть кто».

Чужеземец есть чужеземец. Тем более вооруженный человеконенавистнической теорией, верой в свою расовую исключительность, манией мирового господства, презирающий язык и культуру других народов, ненавидящий наш социальный строй. Таких еще можно было понять. Но кто они, эти типы из «самоуправления»? Во имя чего эти людишки, еще вчера тихие и скромные «граждане» и «товарищи», сегодня стали «господами», жестокими деспотами для земляков и рьяными прислужниками для оккупантов?

В округе хорошо знали преподавателя Брасовского лесотехнического техникума К.П. Воскобойникова. Он тихо жил со своей женой, сторонился общения с соседями. Изредка к нему наезжали из Москвы и Астрахани неизвестные люди, вроде дачники. По ночам в окнах его дома допоздна горел свет. На вопросы коллег по техникуму, когда он отдыхает, тот застенчиво отвечал, что готовится к защите кандидатской диссертации, изучает труды о флоре и фауне здешних лесов, пишет статьи. И вдруг с прихо-

дом оккупантов Воскобойников назначается обер-бургомистром. Издает «обращение к народу» с призывом поддержать его идею создания профашистской «Российской национал-социалистской партии «Викинг». Подписался претенциозным псевдонимом Инженер Земля.

Сенсационным было и перевоплощение некоего Бронислава Каминского. Работник местного спиртзавода, тщедушный, застенчивый и подобоострастный человек, который, казалось, и муху не обидит, к удивлению всех, оказался в роли заместителя обер-бургомистра, командира карательной бригады.

Плутоватый бухгалтер конторы «Маслопром» Петр Масленников, бывший врангелевский подпоручик, стал начальником конмаричского отделения полиции, а махновский бандит Григорий Процюк, притаившийся до войны в деревне Аркино и ранее неоднократно судимый за разбойные нападения, — начальником военно-следственного отдела округа. Жены Воскобойникова и Процюка завели батраков и заставляли вчерашних колхозников ломать перед ними шапки. Презираемый всеми недоучившийся юрист, алкоголик и взяточник Тиминский стал начальником окружного отдела юстиции, полицейский провокатор из семьи бывшего петлюровца Николай Вошило — редактором фашистского газетного листка, издаваемого в Локте. Известный дебошир и конокрад Николай Блюденов — полицейским сыщиком у Масленникова. Из такого же сброда был составлен весь «букет» местного «самоуправления».

Что гнало их в стан врага? Карьеризм, жестокость, мания величия, алчность и страх, стремление уцелеть любой ценой в этой кровавой войне? Вероятно. Уже много позже Павел дознается, что «комбриг» Каминский, некогда активный троцкист, — давний резидент германской военной разведки, платный наемник вермахта. Еще в тридцатые годы он был внедрен в орловский спиртотрест и оттуда переведен на спиртзавод в поселок Локоть в ожидании призыва к действию. Узнает он и о тайных связях с абвером и гестапо других деятелей «самоуправления». Так, обер-бургомистр

Воскобойников — бывший белогвардейский офицер-каратель, сын крупного помещика. После окончания Гражданской войны он сменил фамилию, долго скрывался в Астрахани, но был разоблачен органами ОГПУ и осужден за свои преступления. Накануне Великой Отечественной войны отбыл срок наказания, поселился на маленькой станции Брасово в районе Брянских лесов.

Пройдет время, и через своего верного соратника, коммуниста Александра Ильича Енюкова, имевшего связь с подпольным райкомом партии и орловскими чекистами, работавшими в тылу врага, Павел узнает подробности об эмиссарах НТС — так называемого «Народно-трудового союза». Эта организация, созданная воинствующими белоэмигрантами и подкармливаемая подачками западных спецслужб, где-то в тридцатых годах стала заметно угасать. В ее обещания и заклинания о реставрации капитализма и в «пятую колонну» в СССР перестали верить даже такие неистовые враги Советов, как Уинстон Черчилль и его единомышленники в Лондоне, Париже, Варшаве. И тут в игру с НТС вступили фашистские шпионские ведомства Канариса, Гейдриха и Гимmlера. Готовясь к вероломному нападению на Советский Союз, Гитлер хотел на первых порах иметь там в качестве проводников своей изуверской политики «советологов» из эмигрантских подворотен, угодных ему «знатоков» русской души.

Так помимо ранее засланной агентуры на оккупированные советские территории в обозах вермахта были доставлены битые белые генералы и атаманы, бывшие графы, князья, помещики, царские сановники и временщики Керенского. Уже на первом этапе войны в руки партизан, чекистов и военных контрразведчиков попали сын бывшего князя гестаповец Н.В. Корзухин-Львов, в Людинове — эмиссар НТС граф Раевский. В бою с партизанами был убит князь Мещерский. В его одежде обнаружили мандат германских властей на право возвращения ему бывших владений в Сычевском и Дугинском районах Смоленской области. Подобные «знатоки» русской души были схвачены чешитами под Орлом и Брянском.

Все эти «бывшие», крупные и мелкие прислужники фашистских захватчиков тщетно и наивно надеялись, что Гитлер принесет им желаемую «реставрацию», возвратит родовые имения, заводы и фабрики, банки, страховые конторы, магазины, лавочки и трактиры, что с помощью оккупантов они сметут начисто большевизм и вновь наденут ярмо на российских рабочих и крестьян.

Этим же целям, а также борьбе с партизанами на Брянщине должна была служить спешно сколачиваемая оккупантами так называемая «Русская освободительная народная армия» — РОНА, типа власовской РОА. Это наименование придумал в орловском штабе фашистских карательных частей «Корюк-532» шеф отдела по ликвидации подполья и партизанского движения гауптман фон Крюгер. Такой камуфляж преследовал цель — замаскировать профашистскую сущность полицейской бригады и создать видимость чисто русского «патриотического» формирования. Ее командир Каминский был наделен чрезвычайными полномочиями и самочинно утверждал смертные приговоры. За свои злодеяния он был награжден двумя Железными крестами.

Вспоминая свой последний разговор в райкоме в самый канун оккупации, Павел не мог забыть многозначительную фразу секретаря райкома: «Жди сигнала». Кто подаст этот сигнал? В какой форме? Когда и при каких условиях? Он отлично понимал, что сейчас не может быть и речи о каком-либо открытом выступлении против «нового порядка», подпираемого гарнизоном гитлеровцев и подразделениями «русско-немецких» батальонов бригады РОНА. Население запугано и замордовано репрессиями и грабежом. За связь с партизанами грозит расстрел и виселица. В областном центре при штабе танковой армии Гудериана бесчинствуют разведывательные и контрразведывательные службы абвера, гестапо, СД, фельджандармерия и тайная полиция. Все они имеют филиалы или отдельных агентов-осведомителей в районах Брянщины, где в лесных массивах накапливают силы парти-

занские отряды. Входы и выходы из леса заблокированы постами из комаричского полицейского полка и мадьярско-словацких подразделений. Из соседних районов доходят сведения о появлении в деревнях лжепартизан и «ревкомов», провоцирующих и предающих подлинных патриотов, вступивших на путь борьбы.

Следовательно, проявляя внешнюю лояльность к оккупационным властям, нужно продолжать добиваться их полного доверия. Правда, Павел Гаврилович в последнее время стал замечать на себе косые взгляды некоторых земляков и видел в их глазах немалые укоры. Это было тяжело, обидно и горько. Но что поделаешь, если задача поставлена и впереди длительная упорная борьба. Он знал, что нередко разговоры отдельных людей о его «пресмыкательстве» перед врагами получали резкую отповедь сограждан, которые знали о его честности и любви к Родине и не подвергали сомнению безукоризненную репутацию его семьи. Успокаивало и то, что многим больным и несчастным он повседневно оказывал помощь в своей больнице, старался, чем мог, облегчить им страдания, чувствовал их уважение и благодарность.

Чем больше Незымаев присматривался к повадкам врагов, тем сильнее хотелось найти друзей, сплотить их в борьбе с оккупантами. К этому времени в райцентр нелегально прибыл из Брянска и вышел на связь с Павлом коммунист Енюков. Именно от него-то и был принят долгожданный сигнал.

Александр Ильич Енюков был старше Павла года на три. По тем временам — уже коммунист со стажем, прошедший большую жизненную и партийную школу. Сын потомственного брянского рабочего-токаря, он с 15-летнего возраста начал трудиться, окончил ФЗУ и поступил электрослесарем на завод «Красный профинтерн», был стахановец, активным комсомольцем, заведующим городским Домом пионеров. Молодежь любила его за доброту, искренность, инициативу. Получив финансовое образование, он возглавил Бежицкий горфинотдел.

До самых последних дней перед вражеским вторжением Енюков эвакуировал из города ценности. В Комаричах жили Мерку-

ловы, родные его жены Екатерины Федоровны. У них он и нашел убежище, прежде чем с помощью Павла легализоваться и поступить завхозом в его больницу. Внешне неприметный, этот человек обладал огромной силой воли, незаурядным талантом организатора. Не зря подпольщики потом уважительно будут называть его «комиссар».

Подлинное имя этого человека, прибывшего нелегально в Комаричи, знали лишь самые доверенные лица: секретарь подпольного райкома Семен Дмитриевич Васильев, начальник Навлинского райотдела УНКВД Алексей Иванович Кугучев, находившиеся на лесной партизанской базе, и Незымаев. Для всех остальных он был Ананьев, освобожденный от службы в Красной армии по болезни, горожанин-мастеровой, бредущий по деревням в поисках случайного заработка или любой работы.

После нескольких встреч у главного врача и завхоза больницы уже сложилось твердое мнение о людях, которым можно довериться. Оба знали, что в Комаричи тайно прибыл из-под Курска раненый в ногу окруженец Иван Иванович Стефановский, уроженец Трубчевска. К началу войны ему было 37 лет. Когда-то он служил в уголовном розыске в Комаричах, Клетне, Смоленске, Унече и Бежице, имел репутацию честного, отважного и бескомпромиссного человека. За отличие в борьбе с преступностью его наградили именованным оружием и другими знаками отличия. Позже выдвинули на пост заведующего отделом райисполкома. В августе 1941 года мобилизовали в действующую армию. Сражался на Орловском направлении. Выходя из окружения, пробился к курским партизанам, они переправили Стефановского на связь к брянским партизанам в район Радогощенского леса, близ Комаричей, и решено было поместить его в больницу Незымаева под видом местного налогового инспектора. Легализации Стефановского помогло то, что он был сыном трубчевского священника, отца Ивана. В Комаричах не знали, что он с открытым сердцем воспринял приход советской власти, помогал в свое время красногвардейцам, был добрым, бескорыстным человеком, страстно влюбленным в родной край.

Постепенно к нелегальной работе привлекли соседа и доброго товарища Павла — Степана Трофимовича Арсенова, имевшего как служащий райздрави и санитарной инспекции доступ в самые отдаленные деревни для выявления инфекционных заболеваний и ликвидации очагов малярии. Доверия также заслуживал Михаил Гаврилович Суконцев, сын колхозника, кандидат в члены партии. Ранее он проходил срочную военную службу в городе Николаеве, учился в полковой школе, потом был студентом Елецкого педагогического института. В начале войны вернулся на родину, работал в районной газете. Исполнял также техническую работу в райкоме партии. Накануне оккупации в Комаричах побывал один из секретарей обкома партии И.А. Хрипунов. Он предложил Суконцеву сдать на хранение кандидатскую карточку и в случае захвата района врагом остаться в подполье. Арсенов и Суконцев знали друг друга с юношеских лет. Уроженец большого села Лобанова, где жили его родители, он не сомневался, что найдет там единомышленников. В родном селе Суконцев заранее оборудовал в овраге тайное убежище, где можно было хранить оружие и встречаться с нужными людьми. В Комаричах появлялся время от времени для установления связи с Арсеновым и Незымаевым.

Важно было также иметь своих людей в другом большом селе — Бочарове, куда, по слухам, уже проникали через Бочаровскую рощу партизанские разведчики. Остановились на кандидатуре кузнеца Василия Карповича Савина. К нему постоянно обращались конные полицейские. Беспартийный, пожилой человек, далекий, как им казалось, от политики, был вне подозрений. Он отлично ковал лошадей, правил уздечки, в общем — мастер на все руки. Колхозный ветеран растрогался, когда доктор Незымаев предложил устроить в его доме глубокий тайник под русской печью, который служил бы убежищем и явочной квартирой для партизанских связных и подпольщиков. Конспиративная квартира Савина в Бочарове спасла многих людей, переправляемых в лес, и не была раскрыта гестапо и абвером до полного изгнания оккупантов.

В пяти километрах от Комаричей находится деревня Пигарево, отделенная ручьем от села Бочарова. Там обосновался небольшой немецкий гарнизон. В Пигареве было много молодежи непризывного возраста, и фашисты решили ее вовлечь в бригаду РОНА для отправки на работу в Германию. Кого из местных жителей привлечь к этому важному делу, разъяснить сельчанам опасность фашистских посулов и всячески саботировать вербовку? Одним словом, проблем хватало. Их надо было решать быстро и в то же время остерегаясь провокации и провалов.

Вскоре после встречи Незымаева с Ананьевым (Енюковым) в больнице появился старый друг Павла Петр Васильевич Тикунов. Когда-то они учились в одной школе и вместе начинали работать на железной дороге. Павел, зная о профессии Тикунова, посоветовал ему устроиться слесарем в локомотивное депо станции Комаричи, где не хватало квалифицированных рабочих, присмотреться к мобилизованным на железную дорогу военнопленным, чтобы осторожно подбирать тех, кто может организовать саботаж и диверсии на транспорте. Тикунов сообщил, что поступить в депо можно. Но его беспокоят частые вызовы в комендатуру, где предлагают идти работать в полицию. «Это дело поправимое», — сказал Павел и тут же выдал Петру справку о непригодности к военной, в частности к стросвой, службе из-за болезни желудка. Договорились о следующей встрече.

Часто уединяясь вечерами в подвальной кладовой, Незымаев и Енюков обсуждали планы создания организованного подполья. Сразу же встал вопрос: кто возглавит подполье? Павел считал, что во главе должен быть коммунист с большим жизненным опытом, прошедший школу армии или на руководящей партийной и советской работе, отважный по натуре и беспредельно преданный избранному пути, человек железной воли и горячего сердца. Таким он считал Александра Енюкова. Вожаками, по его мнению, могли стать и беспартийный Иван Стефановский, старше их по возрасту, в недавнем прошлом опытный оперативный сотрудник советской милиции, знающий агентурную работу и уже повое-

вавший в действующей армии, или коммунист Михаил Суконцев, который был известнее в обкоме партии.

— Будем откровенны, Павел, — сказал Александр Ильич. — Прибыв в Комаричи, я должен был по заданию партийных органов присмотреться, осесть, понять сердцем и партийным чутьем, кто с нами, кто против нас, кто из-за кустов наблюдает: чья возьмет? Именно мне поручили создать сперва надежное ядро из верных людей, а потом с их помощью — разветвленную подпольную организацию. Я пришел к выводу, что руководителем подполья сподручно стать тебе, Павел Гаврилович. Ты — местный житель, хороший врач, зарекомендовавший себя среди населения с лучшей стороны. Тебя здесь знают и стар и млад. Репутация твоих родителей безукоризненна. Да и сама должность главного врача больницы способствует контактам не только с населением, но и с оккупационными властями, тем более что их подкупает твое отличное знание дела и немецкого языка. Впрочем, доверие к тебе представителей санитарной службы германского командования, симпатии отдельных офицеров вермахта, в том числе абвера и военной полиции, могут сыграть немалую роль в конспирации и помогут избежать провокаций.

Тогда Незымаев еще не знал, что Енюков уже доложил свои соображения подпольному райкому и чекистам, которые согласились с его доводами. Так Незымаев стал руководителем Комаричского подполья, а Енюков его надежным советчиком и помощником.

Работая в разное время в комсомоле, Енюков и Незымаев знали о патриотизме нашей молодежи, ее революционно-романтическом складе. Этому способствовали воспитание в школе, в вузах, различные военные кружки, художественная литература о революции и Гражданской войне, а также такие захватывающие фильмы, как «Мать», «Путевка в жизнь», «Красные дьяволята», трилогия о Максиме и, наконец, «Броненосец “Потемкин”» и «Чапаев». Оба сходились на том, что ни в одной области патриотической деятельности не нашлось бы столько молодых добровольцев,

сколько привлекла борьба в подполье, партизанских отрядах в тылу врага. Именно такие люди должны были составить ядро организации.

К участию в тайных операциях для отдельных поручений решили привлечь комсомольцев — медсестру Анну Борисову, студентку Валентину Маржукову, поступившую на работу в больницу, старшеклассника Володю Максакова и молодого мастера автогаража Степана Драгунова, человека честного и надежного. У всех у них родные и близкие сражались на фронте или в партизанских отрядах.

— Для начала это неплохо, — сказал Александр Ильич, — но основная практическая работа впереди. Опираясь в первую очередь на патриотически настроенных людей, которые нам уже известны, надо подумать и о привлечении в организацию лиц, не вызывающих у оккупантов и местного «самоуправления» подозрений, но таких, кто перед угрозой порабощения Родины готов забыть прошлые обиды и власть в ряды борцов с фашизмом. В этом есть, разумеется, известный риск. Но в истории были случаи, когда революция привлекла на свою сторону даже бывших царских офицеров и генералов, не пожелавших отдать страну на растерзание интервентам и белогвардейцам. Посоветуемся с чекистами, ведущими борьбу в подполье и в лесах.

— Далее, — продолжал свою мысль Енюков, — нужно любым способом внедрить доверенных людей в учреждения оккупационных властей и местного «самоуправления», в немецкие, мадьярские и словацкие гарнизоны, полицию, на почту и телеграф, биржу труда. Наконец, надо изучить настроение личного состава бригады РОНА, особенно среднего и младшего командного состава. Среди них есть и местные жители. В нашем нелегком деле неизбежно возникает вопрос, как добыть служебные бланки официальных оккупационных властей: виды на жительство, пропуска и прочие документы.

— Несомненно, проникновение в полицию, военные гарнизоны и карательные части «комбрига» Каминского для нас весьма

важно, — поддержал Енюкова Павел Гаврилович. — Уже сегодня нам известно, что в бригаде РОНА окопались беглые белые офицеры-эмигранты, явные изменники и прочий уголовный сброд. Но есть и другие. Я имею в виду бывших воинов Красной армии, которые ранеными попали в плен или, стоя насмерть в обороне, оказались в окружении, не смогли пройти через линию фронта. Всех мерить одной меркой нельзя. Некоторые из них наверняка только и ждут случая, чтобы пробиться с оружием в руках к партизанам, драться с фашистами до победы. Именно такие люди должны интересоваться нас в первую очередь. А пока начнем с того, что имеем.

Так зародилось ядро подпольной молодежной организации, которая почти полтора года наносила чувствительные удары оккупантам и их наемникам.

Начали с листовок.

— Среди местного населения, — говорил Незымаев, — царит уныние. Геббельсовская пропаганда вопит о «блицкриге», распространяет басни о взятии Москвы. Воскобойников сколачивает собственную нацистскую партию, рассылает своих вербовщиков в другие районы и области. Хотя люди и лишены правдивой информации, они все же не теряют веру в нашу победу. Их надо как-то воодушевить и поддержать, рассказать правду о положении на фронте и в тылу, о неисчислимых резервах страны и неизбежном повороте в ходе этой войны. Необходимо любой ценой раздобыть радиоприемник и слушать Москву.

Где и как приобрести приемник, подсказал Петр Тикун. Он стал к тому времени руководителем небольшой патриотической группы на железнодорожном узле и связал ее деятельность с Комаричским подпольем. Петр Васильевич, испытав немало невзгод в первые дни вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР, был человеком решительным и отважным, ни при каких обстоятельствах не терявшим самообладания и веры в правое дело. Еще до войны он приобрел хороший жизненный опыт. По

окончании семилетней школы в Комаричах и железнодорожного техникума в Брянске его по комсомольскому набору отправили в танковые части. Служил в Западном военном округе. После демобилизации в 1937 году как механик, получивший образование в железнодорожном техникуме, был принят на работу в вагонное депо станции Брянск-2. Война застала его мастером. Он, как и другие железнодорожники, имел бронь: Петр Васильевич в качестве мастера-механика сопровождал с эвакуированным оборудованием брянских и бежицких заводов на восток, воинские составы с людьми, оружием и боеприпасами к линии фронта. Вражеская авиация бомбила эшелоны, станции, вокзалы. Кругом полыхали взрывы и пожары, рушились стены станционных сооружений, шли под откос поезда. На его глазах были разбиты три санитарных состава с ранеными. Дни и ночи восстанавливали разрушенное, обучали новые кадры, заменяли погибших. А когда танковые колонны гитлеровцев ворвались в Брянск, работники депо, взорвав уцелевшие станционные постройки, пути и цехи депо, ушли в лес.

...С Петром Васильевичем Тикуновым, одним из первых участников Комаричского подполья, я много часов беседовал в Брянске. Невысокий, коренастый, с живыми глазами, образованный и начитанный, он с любовью говорил о трудовом Брянске, его истории, рабочем классе, который не смирился под пятой оккупантов.

Город издревле славился трудовой и боевой доблестью. Стоит вспомнить, что каждая четвертая пушка для армии Кутузова была отлита на брянском арсенале, что рельсы для первых железных дорог России прокатывались на бежицких заводах. А сколько новых первоклассных предприятий союзного значения было сооружено в годы первых пятилеток и в предвоенное время! Город с его светлыми корпусами новых заводов и фабрик, жилых домов, зелеными садами и парками, песчаными пляжами на реке радовал всех, кто в нем родился и жил. За два года оккупации рабочий Брянск стал мертвым городом.

В первые месяцы войны многие рабочие вынуждены были эвакуироваться вместе с заводами на восток. Они с болью покидали берега Десны. Другие оставили семейные очаги, чтобы уйти в леса, ставшие родным домом и неприступной крепостью партизан и подпольщиков.

Брянщина жила и боролась, несмотря на то, что фашисты разрушили и сожгли Юрянск, Бежицу, Карачев, сотни других городов, поселков и деревень, расстреливали, вешали и угоняли на каторгу тысячи людей.

...На первых порах Тикунов оказался в лесной деревушке Кольцовке под Брянском. Он решил пробираться в родное село Бочарово Комаричского района, куда фашисты тогда еще не дошли. Там председателем сельсовета с давних пор работал его родной дядя коммунист Моисей Андреевич Тикунов. С его помощью Петр рассчитывал уйти к партизанам или связаться с земляками, оставленными для борьбы в подполье.

И тут вдруг встреча в больнице с Павлом Незымаевым. Уже работая по его совету в локомотивном депо станции Комаричи, Тикунов наладил через село Бочарово связь с партизанской разведкой. Из отрывочных разговоров служащих депо и знакомых телеграфистов станции, а также по эмблемам на проходящих эшелонах люди Петра Васильевича узнавали о передвижениях противника в этом районе. Сведения тайно передавались руководителям Комаричского подполья и через связников — в партизанские диверсионно-подрывные группы, рейдировавшие близ полотна железнодорожной магистрали Комаричи — Льгов — Курск.

— Исправный детекторный приемник есть у Моисея Андреевича Тикунова, — доложил Петр при очередной встрече с доктором Незымаевым. — Он хранит его в амбаре, а по ночам подвешивает в саду антенну и слушает голос Москвы. Бывший председатель сельсовета, несомненно, наш человек, но он чрезвычайно доверчив. Поступил сигнал, что тамошние полицаи не доверяют ему. К тому же в Бочарове неожиданно появился некий Илья Павлович Шавыкин, уроженец этого села, но его много лет

никто там не видел. Днем он прячется, а ночью вместе с дядей слушает радио. В разговорах с односельчанами предрекает недолговечность оккупантов, клянет Гитлера и его свору. Однако меня одолевают сомнения в его искренности. Например, такой факт. Его младший брат Андрей, партизанский разведчик из отряда Чкалова, неоднократно оставлял у матери записки с предложением старшему брату сопроводить его в лес. Илья отмалчивается, чего-то ждет. Кто знает, какие планы у него. Тем временем я хочу изъять приемник из амбара дяди, разобрать его и по частям доставить в Комаричи.

— Этот Илья из каких же Шавыкиных? — спросил в раздумье Енюков. — Андрея мы знаем как бесстрашного партизана. О другом Шавыкине — Николае я слышал от чекистов, как о маршрутном связном в населенных пунктах. Кажется, он тоже уроженец Бочарова?

— Шавыкиных у нас много. Есть родственники, есть и однофамильцы, — ответил Тикунов. — Но Илья и Андрей — сыновья одной матери, а находятся, как мне кажется, на разных полюсах.

— Что же, — вмешался в разговор Павел Гаврилович. — Время тревожное, полное неожиданностей и опасности. Правда, в истории России, особенно в Гражданскую войну, было немало случаев, когда брат шел на брата, отец на сына. В одних случаях их разделяла классовая пропасть, в других — щедрые посулы врагов, карьеризм, трусость и подлость. За Ильей надо установить негласное наблюдение. Моисея Андреевича всячески оберегать. А приемник нужно непременно забрать, да так, чтобы сам черт не знал, чьих это рук дело.

— Приказ есть приказ! — кратко ответил Петр Васильевич.

Из письма бывшего партизанского разведчика Андрея Павловича Шавыкина.

«...В очередной вылазке в Бочарово я узнал, что мой старший брат Илья арестован и доставлен в поселок Локоть. Однако вскоре был освобожден и направлен на службу в полицию, где сделал головокружительную карьеру: стал начальником штаба полицей-

ского полка, а затем и штаба бригады Каминского. Тяжело стало на душе. Неужели Илья изменник? Еще накануне войны он служил в Бобруйске и Белостоке. Осенью 1941 года появился в Бочарове переодетым в штатское. Возможно, подумал я, это игра с оккупантами ради каких-то благородных целей? Может быть, он получил задание внедриться к карателям? А если он стал негодяем и продался фашистам?

Вернувшись в лес, я доложил о своих сомнениях командованию отряда имени Чкалова. Командир отряда Пшенов, комиссар Бирюков, начштаба Чеченин и начальник разведки Васечкин приняли решение послать меня в Локоть с письмом-ультиматумом брату. В нем говорилось об условиях сдачи партизанам, в частности о том, что в случае согласия он и его семья будут тайно вывезены на броневике. Однажды летом 1942 года на рассвете я и еще два разведчика охраны добрались до деревни Аркино, что в трех километрах от Локтя. Я оставил личное оружие товарищам, засевшим во ржи близ дороги, и двинулся в Локоть. На окраине меня задержали и отвели в караульное помещение. Я без обиняков назвался братом начальника штаба бригады, и меня тотчас же отвели к нему на квартиру. Приказав жене выйти, он распечатал конверт.

— Напрасно стараетесь, — сказал он злобно. — Дело Советов гиблое, Красная армия не вернется. Писулек мне больше не шлите. А если придешь еще раз, подготовим тебе петлю по размеру.

— Что же, — ответил я, — и для тебя, братец, осина будет подготовлена. Выберем самую крепкую, чтобы, не приведи бог, не свалился.

На том и разошлись. Илья распорядился отвести меня в поле и отпустить. В установленном месте я встретился с друзьями, и мы скрытыми тропами добрались до базы отряда. Больше никогда я с братом не встречался...»

Изучая личный состав в полицейских частях, незымаевцы обратили внимание на то, что среди наемников вермахта есть и здешние уроженцы. Был там, конечно, и уголовный сброд, и быв-

шие кулаки, и отпетые антисоветчики, которые по озлобленности и бесчеловечности соперничали с гестаповцами. Но были и другие. Незымаев вспомнил свой давний разговор с Енюковым о том, что всех мерить одной меркой нельзя. Одни служили в Красной армии и ранеными попали в плен. Другие, выйдя из окружения, не смогли пройти через фронт. Некоторые только и ждали случая, чтобы пробиться с оружием в руках к партизанам.

Просматривая списки командного состава подразделений бригады Каминского, Павел Гаврилович особо заинтересовался Фандющенковым Павлом Васильевичем, 29 лет, уроженцем села Хутор-Холмецкий. Был он начальником штаба двух батальонов полиции. Это имя врач уже однажды слышал из уст бывшего штурмана дальней авиации Виктора Старостина. Припомнилось Незымаеву и другое. Еще задолго до войны в доме его родителей на Привокзальной улице жила молодая работница Комаричского районного отделения госбанка Раиса, уроженка их родного села Радогощь. У девушки был жених, рабочий Радогощенского лесничества, по имени Павел. Парень изредка навещал Раю, бывал в их доме. В то время Незымаев еще учился в семилетке, и у него были другие интересы. Да и разница в годах не помогала их сближению. Потом Раиса вышла замуж, и вскоре ее мужа призвали в Красную армию. Служил он где-то в Белоруссии. Закончил военное училище, стал лейтенантом и выписал туда жену с ребенком. Павел Гаврилович подробно расспросил о нем родителей, и они вспомнили: жених, а потом муж Раисы носил фамилию Фандющенков Павел Васильевич. Парень был честный, работающий, из хорошей семьи. Теперь у Павла Гавриловича не было сомнений, что речь идет об одном и том же лице.

Сопоставляя все полученные сведения, Павел сделал вывод, что Фандющенков ищет связи с партизанами и, возможно, подозревает о наличии подполья в Комаричах. К этому времени Павел уже догадался, что офицер, освободивший из тюрьмы летчиков Старостина, Вишнякова и группу попавших в плен красноармейцев, был именно он. Среди близкого окружения Фандющенкова

Незымаева заинтересовали также бывшие лейтенанты Красной армии, тоже уроженцы здешних мест: Михаил Семенцов, Семен Егоров, Константин Никишин, Юрий Малахов и еще несколько офицеров полицейского гарнизона.

После некоторого колебания Павел рискнул. Встреча с Фандющенковым состоялась в установленном месте, в роще за кладбищем.

— Ночи не сплю, вижу своих, — тихо сказал Фандющенков. — К вам пойду не один. За мной десятки таких же, как и я. Они ждут не дождутся перейти фронт или податься в партизаны. Район невелик, кругом родственники, друзья детства. Все косятся, презирают, обходят стороной. Срам один...

И после некоторого раздумья добавил:

— Не знаю, поверишь или нет, но я и мои друзья пошли на службу к Каминскому не ради спасения шкуры, а ради того, чтобы вернуться к своим не с пустыми руками. У нас, военнопленных, было два выбора: примириться со своей участью, любой ценой сохранить жизнь или бороться с врагом в его рядах хитро и тайно... Мы избрали второй путь, постоянно ходим на острие ножа. Примите нас как своих, а не как чужих.

— Нам известно все, — ответил Павел. — Ты скрыл от германских властей, что был коммунистом, красным комиссаром, уничтожал немцев. Скрыли это и твои друзья, бывшие советские военнослужащие, а ныне полицейские офицеры. Если Каминский не дознается, ему подскажет майор Гринбаум, начальник локотского филиала фашистского разведоргана «Виддер» из «Абверкоманды-107». Что тогда?

— За жизнь не цепляюсь, но даром ее не отдам. Лучше принять смерть от врага, чем пулю от своих же братьев. Говорю это от имени всех, кто готов сегодня сложить голову за Отечество...

— Хорошо, проверим, — кратко ответил Незымаев.

После разговора с Фандющенковым Незымаеву захотелось побыть со своими мыслями наедине.

Они разошлись в разные стороны. Павел осмотрелся и, убедившись, что за ним нет «хвоста», неторопливо побрел к кладбищу. Вечерело.

...Разные мысли одолевали Павла. Сколько судеб сломала и исковеркала эта война?! Тот же Фандющенко и его близкие друзья, молодые и сильные, еще недавно сражались за советскую землю. Потом — постылые дороги отступления, окружение, плен... Оставшись в живых, искали пути к линии фронта или к партизанам, но тщетно. Насильно мобилизованные в бригаду Каминского, они не теряли веру в то, что, получив в руки оружие, повернут его против захватчиков и их наемников. Ради этого они вынуждены были жить среди волков, маскироваться и изворачиваться, отпустить стыдливо глаза при встрече с земляками, друзьями юности.

А родная земля? Она тоже истерзана и исковеркана вражеским нашествием. Вдоль линии железнодорожных магистралей каратели остервенело вырубают высокие корабельные сосны, столетние дубы, цветущие липы. За каждым деревом и кустом им видится ствол партизанского ружья и диск автомата. До войны Павел не мог нарадоваться богатствам и красоте родного края. На его полях наливалась густая рожь, цвела пшеница, тянулись к солнцу стебли душистой конопли. Весной в садах в бело-розовый наряд одевались яблоны, груши, вишни. Выращивались лучшие в стране сорта картофеля, сахарной свеклы. В полноводных реках, затонах и омутах в изобилии водились щука, сом, язь, лец. Гитлеровская солдатня с гиком, свистом и хохотом швыряла в водоемы гранаты и тол, а оглушенная рыба всплывала на поверхность или выбрасывалась на берег.

Даже медведи, дикие кабаны и лоси, напуганные стрельбой и разрывами бомб, уходили подальше в лесные дебри. Исчезли пушистые бобры — гордость здешних звероводов, белки, пернатая дичь. На лугах и в перелесках с каждым днем редели стада коров, коз и овец, табуны конского молодняка. Их гнали на бойни для ненасытной грабительской армии фюрера, эшелонами отправляли в Рейх. Фашисты обшаривали овины и птичники, гонясь за каждым поросенком и каждой курицей.

Поднявшись с одинокой кладбищенской скамьи, Павел направился к дому родителей. Он медленно шагал по знакомым немощеным и пыльным улицам, но таким близким и родным с детства. Миновал больницу, которая приютилась в треугольнике на стыке улиц Первомайской, Ленина и Кирова. Теперь они были безымянными — по распоряжению властей полицаи сбили с них трафареты с привычными наименованиями. Фашистам и их прихвостням не терпелось поскорее вытравить из сознания советских людей все, что им дорого и близко. В районной управе уже готовились новые уличные трафареты с ненавистными названиями Гитлерштрассе, Герингштрассе, Боманштрассе, Розенбергштрассе...

Когда Павел подходил к дому, на небе зажглись первые звезды. Родители еще не спали. Гавриил Иванович при тусклом свете керосиновой лампы листал довоенные журналы. Анна Ивановна вздыхала на железной койке. Павел выпил кружку молока, перекусил, прилег на тахте. Но и ему не спалось. Он взвешивал в уме каждую фразу Фандющенкова, чтобы рассказать утром о беседе Енюкову. Думал о том, что он, Павел Незымаев, выбрал в это жестокое время единственно правильный путь, что комаричское подполье внесет и свою, пусть крохотную в масштабе страны, но все же лепту во всенародную борьбу с захватчиками на фронтах и в тылу, поможет приблизить час освобождения и победы.

Уже в дремоте ему почему-то припомнилась озорная мелодия народной песни «Ах, ты, сукин сын, комаричский мужик, не хотел ты своему барину служить...». Павел знал, что песня родилась в Комаричах и под барином подразумевался Борис Годунов, владевший некогда Комаринской волостью и другими царскими наделами. Позднее волость стала называться Комаричской. Теперь здесь объявился новый «барин», чужеземный, кровавый и хищный, напрасно рассчитывающий покорить народ, который за всю свою многовековую историю никогда не мирился с уздой.

Рано утром Павел Гаврилович уже был в больнице. В кабинете его ожидал Александр Ильич. Ему хотелось поскорее узнать о результатах встречи с Фандющенковым. Енюков понимал, что

в случае удачи сотрудничество с его людьми из числа роновцев, имеющими власть и оружие, намного укрепит подполье и в некоторой степени обезопасит его от провала.

— Их надо проверить в боевой обстановке, на серьезном деле, — посоветовал Енюков, когда Незымаев сообщил подробности вчерашнего разговора. — Если люди Фандющенкова окажутся надежными, то через них добудем оружие и бланки документов.

— ...И тогда вооружим и легализуем наших людей, скрываемых в больнице, — добавил Павел.

Первая же проверка обнадеживала. Договорившись с Фандющенковым, незымаевцы имитировали партизанский налет на окраину райцентра. Шума и треска было много. В ночной «неразберихе» фандющенковцы перестреляли и ранили до тридцати гитлеровцев и местных охранников.

Еще проверка. Связные из леса сообщили о предполагаемом рейде группы партизанских подрывников на деревню Шарово. Обратной связью Незымаев уведомил их, что в Шарове им будут сданы без боя малокалиберные пушки и минометы полицейского артдивизиона Юрия Малахова. Павел заранее договорился об этом с Фандющенковым. Для оправдания батарейцев была сочинена легенда: их окружила кадровая часть советских десантников. Убеждал и факт ранения «в бою» Малахова: он сам себе выстрелил в ногу.

Перед подпольной организацией встала задача как можно активнее проникать в местные охранные гарнизоны, склонять личный состав мажарских и словацких подразделений и «русско-немецких» батальонов к дезертирству, переходу на сторону партизан. В результате группами и в одиночку в лес ушли 120 военнослужащих гарнизонов и вспомогательных частей. Наиболее стойкие и надежные из них влились в партизанские отряды.

Теперь возник вопрос о расширении штаба подполья и создании в нем военной секции. Для того чтобы предохранить организацию от всяких неожиданностей, Павел Гварилевич Незымаев и Александр Ильич Енюков решили прежде всего добыть сведения

о лицах, которых желательно было бы привлечь к участию в подполье, выяснить прошлое каждого из них, проверить их связи, настроение, черты характера. Важно было также установить, нет ли за ними наблюдения со стороны гестапо и абвера. «Береженого бог бережет», — говорил Павел, поручая своим людям узнать все, что можно было узнать об окружении Фандющенко и о нем самом.

Через некоторое время Степан Арсенов, Петр Тикунов, Анна Борисова, Степан Драгунов — все они тоже были местными жителями — сообщили Незымаеву и Енюкову подробные данные об интересующих штаб подполья лицах из числа бывших военнослужащих Красной армии.

Фандющенко (Фандющенко) Павел Васильевич, 1912 года рождения. После окончания ФЗУ был слесарем на кокаревском заводе, затем работал в лесничестве в Радогощи и на станции Навля. Был мастером на все руки. Военную службу проходил в войсках связи. Служил в Минске, а после освобождения Западной Белоруссии — в Лиде, Белостоке, Гродно. В армии вступил в ВКП (б), был заместителем комбата. В первые дни войны, после ожесточенных боев близ границы, попал в окружение. Штабные документы сумел надежно закопать в болотистом лесу, личные носил с собой, спрятав их глубоко в складках одежды. Сохранил партбилет и в условиях оккупации.

В долгих скитаниях по занятой врагом территории во время облавы его схватили в районе Комаричей и водворили в здание школы, превращенной временно в тюрьму. Построив военнопленных во дворе, немецкий полковник обратил внимание на высокого, стройного старшего лейтенанта, у которого при угрозе расстрела не дрогнул ни один мускул на лице, и приказал вывести его из строя.

— Германское командование готово сохранить тебе жизнь, — с подчеркнутой учтивостью сказал полковник, — в зависимости от ответа на мой вопрос: если события обернутся так, что мы будем отступать, а Красная армия наступать, будешь ли ты стрелять нам в спину?

— Вы полковник, а я всего лишь старший лейтенант, — не моргнув глазом, ответил Фандющенко, — поэтому вам лучше знать, кто будет отступать, а кто наступать. Я воин, а не палач, и никогда в спину противнику не стреляю.

Старому немецкому офицеру, вероятно, понравился ответ, и он приказал определить пленного в формируемый комаричский русско-немецкий полк охраны тыла. Так Павел Фандющенко оказался в бригаде Каминского в надежде в подходящий момент повернуть оружие против оккупантов. Разговор с Незымаевым и проверка подтвердили это, и он был введен в штаб подполья в качестве руководителя военной секции организации.

Никишин Константин Петрович, 1915 года рождения, уроженец деревни Слободка на реке Неруссе, кандидат в члены ВКП (б) с 1939 года, из семьи колхозников, пользовавшихся большим уважением за трудолюбие, честность и хлебосольство. Некогда учился в радогощенской школе. Дружил с Павлом Фандющенковым с юношеских лет, состоял с ним в одной комсомольской ячейке. Срочную службу проходил в Могилеве, окончил военное училище и остался в кадрах Красной армии младшим командиром.

С первых дней войны вместе с женой, медсестрой, сражался на фронте. Где-то под Воронежем Костя Никишин попал в окружение. Бежал из плена в сторону Брянских лесов. Нес на себе триста километров раненого однополчанина — лейтенанта, которого укрыл в доме своих родителей. В бригаду Каминского вступил по совету и рекомендации Фандющенко. Павел сказал Косте: «Чем гнить в тюремных погребах и лагерях, в бездействии ждать, что кто-то принесет нам освобождение и победу, надо пока бороться с врагами изнутри. Рядом леса, там всегда найдем соратников. Но мы должны пойти к ним, имея оружие...» Никишина назначили командиром охранной роты, что очень устраивало Фандющенко и подпольщиков.

Семенцов Михаил Матвеевич, 1914 года рождения, уроженец поселка Радищевский Лубошевского сельсовета. Бывший младший командир Красной армии. Отец его, Матвей Леонтьевич,

был известный в губернии организатор первой сельской коммуны и председатель одного из первых колхозов в области. Накануне фашистского вторжения ему поручено было сопровождать на восток большую партию рогатого скота. Старик сумел сохранить все стадо. В семье Семеновых было тринадцать детей. Четверо старших сыновей — командиры Красной армии. Михаил, демобилизованный еще до войны, возвратился домой, работал механиком на спиртзаводе. Однажды случилось так, что, втянутый на деревенской свадьбе в пьяную драку, он был осужден за хулиганство. Факт судимости при советской власти посчитали заслугой и определили командиром взвода в полицию. Там он связался с Фандющенковым, который посвятил его в свои планы. Михаил четко выполнял задания Павла Васильевича.

Егоров Семен Егорович, 1918 года рождения, уроженец деревни Чернево Комаричского района. Бывший командир взвода, младший лейтенант, окруженец. Отец Семена не пользовался уважением земляков, уклонялся от работы в колхозе, шабашничал на стороне. При немцах был назначен старостой. Это угнетало сына.

Встретившись с Семеном, Павел Фандющенков напомнил ему о том, что «сын за отца не отвечает», и предложил использовать факт службы отца у оккупантов для «добровольного» вступления в полицейский полк, с тем чтобы, помня о своем звании бывшего красного командира, служить освобождению Родины. В дальнейшем Семен Егоров стал командиром полевой роты и, пользуясь доверием полицейских властей, скрытно принимал участие во всех акциях военной секции подпольщиков.

Так ручейки сливались в реку, имя которой было организационно оформленное и спаянное дисциплиной молодежное подполье в Комаричах, насчитывающее уже десятки людей. С помощью военной секции руководители подполья переправляли в лес оружие и боеприпасы, продовольствие и медикаменты, так как партизаны имели лишь то, что добывали в боях. Пропуска и удостоверения личности, получаемые через военную секцию

подполья, служили для легализации патриотов из числа военнопленных и «больных», скрываемых в больнице якобы в связи с инфекционными заболеваниями.

По заданию Фандющенко оружейный мастер при гарнизоне Петр Калинин и бригадир слесарей полицейского автогаража Степан Драгунов под предлогом нехватки запасных частей затягивали ремонт пушек, минометов, автомашин, укрывали от интендантов незаприходованные автоматы, пулеметы, мотоциклы. Часть обозов с продовольствием, снаряженных Михаилом Семеновым и Костей Никишиным для гарнизона, бесследно исчезала, о чем составлялись фиктивные акты. В одних случаях обозы «захватывались» неизвестными лицами, в других «проваливались» в проруби или застревали в глубоких снегах. Объяснить пропажу обозов с продуктами, изъятыми у населения, было вначале нетрудно: в окрестных лесах и селах начали бесчинствовать лжепартизанские отряды, сформированные абвером и гестапо для выявления подлинных борцов. Эти банды занимались грабежом и мародерством. Перед ними стояла задача — скомпрометировать советских патриотов, ведущих борьбу с захватчиками, совершать диверсии и террор против вожаков партизанского движения, подпольных райкомов партии и групп сельской самообороны.

Еще в самом начале своей «карьер», создавая для немцев «образцовое» отделение, которое было размещено в бывшей средней школе, главный врач преследовал далеко идущие цели. Оккупационные власти, грабя население, неплохо снабжали своих больных и раненых. Продовольствие из местных запасов и медикаменты со всей Европы поступали в больницу непрерывно. Значительная часть продуктов незаметно изымалась их рациона, чтобы накормить советских воинов, скрываемых незымаевцами, а также помочь вдовам и сиротам. Медикаменты и перевязочные материалы тюками переправлялись тайными тропами в лес — для партизан это была огромная помощь. Отвечали за подготовку и сокрытие от взора немецких медиков лекарств и перевязочных средств фельдшерица Анна Алексеевна Борисова, муж которой

сражался на фронте, и студентка Валентина Маржукова, исполнявшая в больнице обязанности медсестры. Они всегда находились на посту, сигнализировали о появлении подозрительных лиц. Обе были вежливы с представителями оккупационных властей, находились вне подозрений и выполняли множество других поручений главного врача.

Новый 1942 год принес новые вести... 8 января группа партизанских отрядов атаковала немецко-фашистский гарнизон в окружном центре Локоть. При этом убито 54 гитлеровца и несколько полицейских. Уничтожена также личная охрана обербургомистра Воскобойникова. Сам он смертельно ранен автоматной очередью, умер на операционном столе. После рейда партизаны, тоже понеся потери, уклоняясь от боя с карателями, укрылись в лесах...

Вскоре о гибели «российского патриота и вождя» партии «Викинг» сообщила профашистская газетенка «Голос народа», издаваемая в округе...

...До войны Локоть славился знаменитым конезаводом. Оккупанты превратили его конюшни в застенки. В поселке с первых дней оккупации обосновался Воскобойников. Там же находились резиденция новоиспеченного «комбрига» Каминского и штаб его карательной бригады, а также отделение германской военной разведки и контрразведки «Абвергруппа-107», имеющая мощную радиостанцию с позывными «Виддер». Она подчинялась Абверкоманде особого назначения в Орле, которой руководил полковник Герлиц. Отдельные карательные органы дислоцировались в Брянске. Координацией всех фашистских спецслужб, включая СД и ГФП (тайная полевая полиция), занимался штаб под кодовым названием «Корюк-532», который находился при штабе 2-й танковой армии. Начальником отдела по борьбе с партизанами и подпольем в штабе «Корюк» был капитан фон Крюгер, яростный и злобный нацист-фанатик.

Начальник локотского филиала абвера Гринбаум служил в Чехословакии, Франции, Польше. Накануне нападения гитлеровской Германии на СССР в Варшаве была создана специальная «Абверкоманда-107», в штат которой был введен и Гринбаум. Этот сорокалетний немец с упрямым и жестоким характером считал себя обойденным в звании и должности и возлагал большие надежды на карьеру в России. Полковник Герлиц обещал щедро награждать и повысить его, если он сумеет внедрить надежную агентуру из числа советских военнопленных в партизанские отряды и подпольные организации. Именно поэтому Гринбаума откомандировали из Орла в Локоть, в район активных действий партизан. Однако пока что в его распоряжении была лишь шайка наемников из откровенных предателей и выпущенных из тюрем уголовников-рецидивистов. Одним из них был Шестаков — низкорослый, бритоголовый изувер и садист, получивший за свои заслуги перед оккупантами звание обер-лейтенанта германской армии.

Дерзкие партизанские рейды заставили власти всюду ужесточить режим. Это коснулось и поселка Комаричи, входившего в состав Локотского округа. Особенно неистовствовал начальник комаричского отделения полиции Масленников — от него требовали усилить охрану железнодорожной линии и местных дорог, закрыть все входы и выходы у лесных кордонов, а также дознаться, кто распространяет листовки и прокламации. До сих пор он докладывал, что они изготавливаются в лесу и партизанскими тропами проникают в населенные пункты.

Фашистский холуй совсем озверел после того, как один из полицаяв — Николай Блюденев с укоризной сказал:

— Наивно думать, господин начальник, что эти птахи залетные. Они явно из здешнего инкубатора.

Начались повальные обыски, аресты. В тюрьму бросали невиновных, пытали, брали заложников.

— Масленникова надо убрать!

Таков был приговор подпольного штаба. Но как? Чтобы не ставить его участников под удар, пошли на хитрость. Павел узнал,

что в перестрелке с партизанами легко ранен обер-бургомистр Каминский, сменивший в этой должности Воскобойникова.

Прежде чем решиться убрать Масленникова, Павел Гаврилович и Александр Ильич посоветовались с чекистами и направили в лес надежных связных. Разработали совместный план. При этом учитывалось, что Каминский, занявший два ключевых поста в округе, смертельно боялся конкуренции. Это и понятно. Рядом, в Севске, властвует комендант Шмерлинг. Фигура колоритная, импозантная. Происходит, вероятно, из прибалтийских немцев. Аристократ, свободно владеет русским, французским и английским языками. Долго жил в Германии, побывал не только в Европе, но и в Азии, Африке, Соединенных Штатах. Кто знает, каковы дальнейшие намерения германских властей, от которых он, Каминский, не раз выслушивал нотации: проморгал партизанские налеты на Суземку, Локоть, Трубчевск, не уберег Воскобойникова, не сумел предотвратить диверсии на станциях Брасово, Навля, Комаричи.

По сведениям, полученным из окружения «комбрига», ему претит амбициозность бывшего белого офицера Масленникова, рвущегося к более высоким постам. Прослышал «комбриг» и о генерале Власове, с завистью узнал о приглашении его в Берлин. Среди власовских подручных было немало лиц, охочих до выгодных должностей на оккупированных землях. Кое-кто из них уже появлялся в Локте. Одним словом, обстановка способствовала тому, чтобы толкнуть Бронислава Каминского на крайние и необдуманные поступки.

Через несколько дней адъютант «комбрига» Капкаев положил на его стол письмо. Некий «беспредельно преданный» аноним доносил, что против «вождя округа» затеян опасный заговор. Его возглавляет авантюрист Масленников, который рвется в обер-бургомистры. Доказательства: последний, воспользовавшись перестрелкой с партизанами, стрелял из укрытия в «комбрига». В письме назывались и сообщники: следователи Гладков, Третьяков и командир карательной роты Паршин. Подпольщики от-

лично знали прошлое этих цепных псов Масленникова и гестапо. Уроженец деревни Аркино Гладков еще до войны был уволен со службы за взяточничество и связь с преступным миром, скрывался до момента оккупации. Бывший заготовитель конторы «Заготскот» Третьяков и каратель Паршин из уголовников отличались особенным рвением и жестокостью.

Взбешенный Каминский, переживший до этого два покушения, приказал казнить «заговорщиков» без суда и следствия. Масленников, Третьяков и Гладков были повешены на городской площади. Паршин же был нещадно бит шомполами и понижен в должности.

Комаричское подполье, как и некоторые другие патриотические группы, Навлинский подпольный окружком партии поручил оберегать от проникновения туда вражеской агентуры опытным оперативным работникам В.А. Засухину, А.И. Кугучеву и их сотрудникам, находившимся при партизанских соединениях. Алексей Иванович Кугучев — профессиональный разведчик, мастер сложных чекистских акций, наносивших ощутимый ущерб захватчикам и их прихвостням, хорошо изучил изошренные приемы и провокационные методы врага.

Находясь в глубоком тылу врага, он не сомневался, что противника можно и нужно перехитрить и, используя любой повод, вносить страх, нервозность и смятение в его ряды.

Помощники Кугучева смело и умно внедрялись в немецкую полицию, формирования РОНА, в бургомистраты и старостаты оккупационных властей. Они были в курсе междоусобиц и конкурентной вражды среди всей этой своры. Так возник вопрос о скрытой ненависти заместителя «комбрига», председателя военно-полевого суда С.В. Мосина к командиру комаричского полицейского полка В.И. Мозалеву. О последнем было известно, что он — бывший сержант, бежавший с поля боя и предавший комиссара и нескольких коммунистов своей части, захваченных в плен. Угодливость и жестокость, трусливость и наглость — таков был характер этого предателя. На улицах Комаричей он не-

изменно появлялся в сопровождении свиты телохранителей и свирепой овчарки. О прошлом Мосина сведения были скудными. Знали только, что он доставлен в Локоть в немецком обозе. До войны работал с Каминским в Орловском спиртотресте, был его преданным оруженосцем. Он недолго любил Мозалева, считая его выскочкой (из сержантов — в командиры полицейского полка), не способным справиться с партизанами.

В Локте нашлись «благожелатели», которые при удобном случае нашептывали господину Мосину, что Мозалев считает его ничтожеством. Однажды, когда полк Мозалева в схватке с партизанами в селе Шарове потерял на поле боя пушки и минометы, Мосин добился от Каминского вынесения приказа о служебном несоответствии командира полка, который в декабре 1942 года был и вовсе смещен.

Немало хлопот доставлял подполью немецкий фельдшер Отто (фамилия его не установлена), часто навещавший окружную больницу как представитель санитарной службы германского командования. У Незымаева создалось впечатление, что он пытается все вынюхивать и выслеживать. Спасало то, что этот медик питал неумную страсть к шнапсу.

При встреч с доктором Бруннером Павел Гаврилович как бы невзначай сказал:

— Герр Бруннер, мне жалко вашего молодого медика. У него в фатерланде жена, дети, родители. Он напивается до бесчувствия, теряет достоинство арийского офицера, к тому же выбалтывает содержание секретных приказов, яхшается с девицами легкого поведения и, чего доброго, занесет заразу в общежитие господ офицеров. Я позволю себе, герр Бруннер, говорить с вами откровенно, как врач с врачом. В данном случае я выполняю свой долг перед санитарной службой германского командования.

После некоторого колебания и переговоров с гестапо Бруннер отправил Отто в распоряжение одной из штрафных частей на фронт.

Так скорпионы пожирали скорпионов.

Из показаний Анны Григорьевны Никишиной, колхозницы деревни Слободка:

«Осенью 1941 года, когда наш район находился под оккупацией, вышел из окружения и прибыл тайно домой наш племянник Константин Никишин. С ним был его армейский товарищ Алексей (Леонид) Кытчин. Здесь его никто не знал. Он был ранен, перебинтован. Лицо бледное, мрачноватое, в глазах страх. В семье родителей Константина, где жила и я, его тетка, к Кытчину относились по-матерински, выхаживали как родного. Днем они с Костей, спасаясь от облавы, прятались в погребе или на сеновале. Ночью гостя укладывали на кровать Кости, а он пристраивался где-нибудь в уголке на полу или уходил ночевать к другой своей тетке, Наталье Андреевне. Костя с нетерпением ждал выздоровления товарища, чтобы вместе пробраться к партизанам. Это было его целью. К удивлению родителей и односельчан, Костя неожиданно поступил на службу в полицию. Его решение было подсказано Павлом Фандющенковым. Зная обоих с детства как отличных ребят, а потом и активных комсомольцев, мы решили, что у них созрел какой-то другой план, но выпытывать не стали. Никто из нас не верил, что Костя и Павел, недавние командиры Красной армии, пакостно пойдут против своего народа.

Однажды жителей деревени созвали на сходку для избрания старосты. На эту должность метил зловредный мужик Калина Еремин, по кличке Калинка. В разгар сходки из Комаричей в деревню прибыли Фандющенков и Никишин. Едва кем-то было названо имя Калинки, как представитель властей Фандющенков предложил избрать старостой моего мужа Стефана Ивановича, то есть дядю Константина. «Что же это происходит?! — заорал Еремин. — Чекиста предлагаете, хотите снова советскую власть поставить?!»

Мой муж когда-то служил в органах милиции, был справедливым и неподкупным человеком. Я взбунтовалась, подбежала к Косте и шепчу: «Зачем губите родного дядю, не будет он супостатам служить, не было в нашей семье ни одного подлеца, убьют его». А Константин тихо в ответ: «Не лезьте, тетушка, не в свое

дело. Нам надо иметь в Слободке своего человека, рядом лес. А Калинка явный предатель. Заимев власть, он продаст и меня, и зятя своего будущего Леню Кытчина, и всех нас. Фашисты и так знают, кто есть Калина Еремин, пусть попляшет под их дудку в другом месте, но только не в Слободке. А за мужа, Стефана Ивановича, не волнуйся, в обиду его не дадим...»

Все офицеров комаричского полка полиции периодически вызывали в штаб бригады в Локоть на инструктаж. Выезжал туда и Кытчин. На нем была новая, хорошо пригнанная щеголеватая форма с эмблемой бригады РОНА. Теперь он был сыт, весел, самоуверен. В середине октября 1942 года в штаб «комбрига» явился порученец майора Гринбаума. Отозвав скрытно Кытчина, он велел ему задержаться в Локте и явиться попозже вечером к шефу отделения «Виддер».

В кабинете Гринбаума кроме него находились его помощник Шестаков и обер-лейтенант Франц Гесс.

Говорил Гринбаум, переводил Шестаков, в прошлом платный провокатор «Абверкоманды-107» в Орле. Выдавая себя за советского разведчика, он сколотил лжеподпольную организацию под заманчивым названием «Ревком», некую ловушку для выявления подлинных патриотов. Тех, кого по наивности и неопытности привлекли туда, ждала суровая расплата: их расстреливали или гноили в застенках. Из Орла этого матерого фашистского провокатора перебросили в помощь Гринбауму в Локоть. Как уже стало известно чекистам из сообщения Романа Андриевского (Бориса) и партизанского разведчика Андрея Елисеева, проникших в гнездо «Виддера», он был преданным цепным псом германской военной разведки. Теперь перед ним поставили задачу выявить лиц, сочувствующих и помогающих патриотическому подполью и партизанам.

— Рад познакомиться, господин Кытчин, — начал Гринбаум. — Раньше не имел чести знать, но слышал о вас. Нам известно, что о назначении на должность в полицию за вас хлопотали

Фандющенко и Никишин. Мы вполне доверяем этим господам, но... — Гринбаум сделал небольшую паузу. — Они люди прямые, военные. Их интересует служба, а не родословная офицеров. Им не вполне знакома биография человека, которого они рекомендовали в бригаду. Чтобы не терять времени на перевод, господин Шестаков напомнит некоторые эпизоды из вашей жизни на вашем родном языке.

— Слушаюсь, — растерянно проговорил Кытчин, бледнея, и стремительно поднялся со стула.

— Садитесь и слушайте внимательно, — приказал Шестаков. — Нам известно, что вы сын некогда богатого купца, активно помогавшего агентам Антанты, то есть врагам Советской России в Германии кайзера. После отбытия срока наказания в советской тюрьме отец был лишен прав и выслан на Север. Ваша версия о детдоме и военном училище — басни, блеф. На лесозаготовках в Карелии и под Архангельском вы действительно были, но по приговору суда в качестве осужденного вора-рецидивиста и налетчика. Советы хотели исправить вас трудом, но вы совершили групповой побег из лагеря, убили часового, слонялись по разным городам, а перед началом войны по подложным документам вступили в Красную армию, чтобы замести следы. На фронте из трусости совершили самострел. Только случай избавил вас от желанного плена. Вы изменили присяге и воинскому долгу.

При этих словах Гринбаум остановил Шестакова, намереваясь сам продолжить разговор при участии переводчика.

— Если вы, господин Кытчин, так легко изменили своей родине, то где гарантия, что вы не измените нам? Германское командование намерено проверить вашу лояльность. Будем откровенны. Нас беспокоят участвовавшие случаи дезертирства и перехода к партизанам военнослужащих бригады Каминского и некоторых малодушных союзников фюрера из числа мадьяр и словаков. Мы готовы не разглашать ваше уголовное прошлое при одном условии. Вы обязуетесь негласно изучать настроения солдат и офицеров полицейских формирований и при малейшем подозрении об

их изменнических планах новому порядку докладывать мне или обер-лейтенанту Гессу. В противном случае... — и Гринбаум сделал излюбленный им выразительный жест, намекая на виселицу.

Кытчин замер, потеряв на мгновение дар речи. Потом вновь стремительно вскочил со стула, угодливо склонил голову и с жаром произнес:

— Ваше превосходительство, я нахожусь здесь по доброй воле. Я мщу за отца и свои страдания в большевистской России. Поверьте, я искренне предан фюреру и германскому командованию. Ваше задание для меня закон. В этом вы скоро убедитесь.

— Хорошо, — сказал немец и, обращаясь к Шестакову, приказал: — Оформите заявление господина Кытчина распиской о сотрудничестве.

В самом начале подпольной деятельности Павел Незымаев и Александр Енюков с величайшей осторожностью подбирали в организацию единомышленников. Это были люди разных характеров и возрастов, отчаянно смелые и решительные, готовые к самопожертвованию во имя наших идеалов и спасения Родины. Одних Павел знал по школьным и юношеским годам, других — в процессе совместной работы в самых сложных и порой невыносимых условиях. Проверка показала, что включившиеся по доброй воле в тайную борьбу с оккупантами лица из близкого окружения Павла Васильевича Фандющенкова тоже заслуживают доверия. Их преданность общему делу уже доказана в боевых условиях.

Размышляя о характере и личных качествах каждого из участников организации, вдумчивый врач и психолог Незымаев понимал, что одинаковых людей не бывает, что каждая личность индивидуальна. Например, Костя Никишин, Михаил Семенцов, Семен Егоров и некоторые другие отличались повышенной эмоциональностью, юношеской пылкостью, им не терпелось поскорее увидеть поражение врага и добиться восстановления власти Советов в районе. Более уравновешенные Михаил Суконцев, Петр Тикунов, Степан Арсенов склонялись к тому, что к актив-

ным действиям, то есть к захвату власти, следует перейти, когда Красная армия начнет теснить противника и в этом крае и фронт приблизится к Комаричам.

Среди подпольщиков Павел Незымаев и Александр Енюков особо выделяли Ивана Стефановского. Человек зрелого возраста, имеющий большой опыт работы в органах милиции по борьбе с уголовным миром и уже побывавший на фронте, хладнокровный, вдумчивый, он принимал решения, исходя из конкретной обстановки.

— Взвесив все «за» и «против», я считаю, что в нашем деле одинаково опасны и поспешность и медлительность, — ответил Иван Иванович на вопрос Незымаева. — Сейчас главное — уничтожать гитлеровцев и наносить им как можно больший ущерб. Нужна еще некоторая выдержка для подготовки четко продуманного плана. Но и тянуть нельзя. Учитывая опасную для захватчиков обстановку в партизанском крае, каратели пойдут на крайние меры.

Руководящая тройка — Незымаев, Енюков и Фандющенко — согласились с доводами Стефановского.

Поздней осенью 1942 года командование 2-й немецкой танковой армии, обеспокоенное все возрастающей активностью партизан и массовым дезертирством в рядах своих сателлитов, а также восстановлением советской власти в ряде районов Брянщины, стало сомневаться в способностях «комбрига» Каминского и местного «самоуправления» обеспечить тылы и охрану железнодорожных сооружений. Это был период, когда ставка Гитлера с тревогой и надеждой ждала вестей из Сталинграда.

Там шли бои за каждую улицу, каждый дом и заводской цех. Истерические приказы фюрера требовали немедленно и полностью овладеть городом любой ценой.

Крах наступит позже, в конце января и начале февраля 1943 года, когда 330-тысячная армия генерал-фельдмаршала Паулюса окажется замкнутой в огромном котле и капитулирует.

Танковые колонны генерал-фельдмаршала Манштейна, посланные Гитлером для деблокации окруженных в Сталинграде, были остановлены советскими войсками.

Еще задолго до этих событий генерал Блауман — командир 200-й стрелковой дивизии из группы армий «Центр» с тревогой сообщал в Берлин: «Разведкой установлено большое количество партизан. Партизаны хорошо одеты, имеют отличных лошадей, сани, лыжи, маскировочные халаты, хорошо вооружены. Население им сочувствует и помогает. В селах нет ни старост, ни полиции».

Главным шефом Локотского округа был назначен генерал-полковник Рудольф Шмидт, новый командующий 2-й танковой армией (кстати, позже, в июле 1943 года, тоже смещенный Гитлером за провал операции «Цитадель»).

Павел Незымаев, Александр Енюков и Павел Фандющенко понимали, чем чревато это назначение. О генерале Шмидте было известно, что он ярый сторонник «выжженной» земли, массового угона мирного населения и отправки молодежи на каторгу в Германию.

Как главного врача округа Незымаева назначили в комиссию по отправке молодежи в Рейх и набору ркрутов для «русско-немецких» карательных батальонов, тем более что для их пополнения была объявлена всеобщая мобилизация всех мужчин округа в возрасте 16—55 лет.

В справках, выданных Павлом и его помощниками, указывались вымышленные болезни, в том числе инфекционные, от одних названий которых гитлеровцы шарахались, как очумелые. По таким «документам» более 180 человек были освобождены от воинской повинности и угона в Германию. Позднее их переправляли группами в лес.

В Брянские леса для подавления партизанского движения пригонялись карательные части СС, которые пополнялись солдатами сателлитов и местными наемниками.

На конспиративном совещании 27 октября, где присутствовало только 11 человек, незымаевцы приняли дерзкий план под кодовым названием «Переход».

План предусматривал координацию боевых действий подпольщиков с группой бойцов партизанских отрядов. Его конечной целью

был захват района, восстановление на его территории хотя бы временно органов советской власти, а затем переход на сторону партизан полицейских батальонов, возглавляемых Фандющенковым.

План был вполне реален и обдуман в деталях. Гитлеровский гарнизон в Комаричах, состоявший всего из 86 человек, должен был быть разгромлен внезапным ударом партизанского отряда, который базировался ближе всего к райцентру. В его задачу входило также вывести из строя железнодорожную линию Льгов — Комаричи, одну из основных артерий, питающих в этой зоне войска противника: уничтожить на станции поворотный круг, треугольник, нарушить связь, взорвать водокачку и зенитные установки.

Захват учреждений оккупантов, в том числе почты, телеграфа, отделения территориальной полиции, поручался охранной роте Никишина, несшей службу в окрестных селах. Накануне решено было заменить основные посты этой роты партизанами-нелегалами, живущими под видом мирных жителей в селах и деревнях, оставить в ней только верных людей, с тем чтобы беспрепятственно оттянуть ее к райцентру. Полевая рота Егорова должна была обеспечить «коридор» для связных, направляемых на встречу к партизанским «маякам». В случае, если бы нагрянула карательная экспедиция, тот же «коридор» использовать для отхода в лес партизан и подпольщиков. Мобильная группа Фандющенкова по принятому плану изолирует или уничтожает командира полицейского полка Мозалева, вывешивает в райцентре красный флаг, возглавляет боевые действия трех батальонов, которые поворачивают оружие против оккупантов и в полном составе переходят на сторону партизан.

Военная секция тщательно готовила акцию: создала в каждом батальоне ядро волевых командиров, подготовила оружие, снаряжение, продовольствие. Людей ненадежных под разными предлогами перемещали, направляли в отдаленные деревни, выводили из игры.

Вся документация — пароли, карты, имена и адреса гестаповцев, изменников и предателей — была сосредоточена у Фандю-

щенкова. Координация групп захвата возлагалась на члена подпольного штаба Михаила Суконцева.

Подготовительная работа велась также в оружейных мастерских, автогараже, на железнодорожной станции и в больнице. Начальник артиллерии полка Юрий Малахов при вступлении партизан в райцентр должен был передать им малокалиберные пушки, минометы и зенитные орудия. Члену подпольного штаба Степану Драгунову вменялось в обязанность заминировать грузовые и легковые автомашины, чтобы помешать бегству оккупантов или в случае вынужденного отхода лишить противника средств погони. Петр Тикунов и подобранные им надежные люди на станции попытаются вывести из строя вражеский бронепоезд. Медсестры Анна Борисова и Валентина Маржукова готовили для отправки в лес выздоравливающих, скрываемых в больнице под видом гражданских лиц, упаковывали перевязочные материалы и медикаменты, заготовленные заранее.

Вожаки подпольной организации понимали, что во всех случаях удержать на длительный срок Комаричи они не смогут. Красная армия была еще далеко. В Трубчевске сосредоточилась карательная экспедиция. Гитлеровцы будут драться, чтобы вновь захватить и восстановить движение на жизненно важной для них железнодорожной линии Льгов — Комаричи. Поэтому все участники восстания должны быть готовы влиться в партизанские отряды.

— Это будет наш подарок к юбилею 25-летия Великой Октябрьской революции, — сказал Павел Гаврилович. — Даже временный захват райцентра и красный флаг на самом большом здании бывшего раймага вселят надежду в скорое освобождение, воодушевят советских людей на новые подвиги, послужат примером для других районов Брянщины, где с нетерпением ждут восстановления власти Советов.

В случае каких-либо осложнений план «Переход» автоматически переносился на неделю вперед — в самый канун 25-й годовщины Великого Октября.

Связными к партизанскому командованию выделили Михаила Семенцова и Ивана Стефановского, подпольщиков верных и смелых, хорошо владеющих оружием. За их беспрепятственный проход через полицейские посты отвечал член подпольного штаба командир полевой роты Семен Егоров, бывший лейтенант Красной армии. Задача: договориться о дате и зоне перехода. Пароль для партизанских «Маяков», которые выйдут навстречу: «Наступает осень». Отзыв: «Скоро выпадет снег».

Оставшиеся в живых участники подполья и свидетели рассказали о необычайном подъеме, который царил в те дни в организации в ожидании октябрьских праздников. Но, увы! В назначенный срок связные не возвратились. Незымаев, Фандющенко и Енюков были удручены. Предательство? Но с чьей стороны? Неужели врагам удалось раскрыть так глубоко законспирированную организацию и узнать о плане «Переход»? Может быть, партизанское командование имеет другие встречные предложения? Но где связные? Решили ждать до первых чисел ноября, когда ожидалось связные — дублеры из другого, соседнего партизанского отряда.

В преддверии радостного дня мать Павла, Анна Ивановна, решила собрать небольшой праздничный ужин. Испекла блины, извлекла из погреба сметаны, соленые огурцы, капусту, поставила самовар.

За стол сели отец, мать, Павел, медсестра Аня Борисова и еще кто-то из близких. Павел был озабочен, рассеян, но старался бодриться, шутить.

— Сейчас я развеселю вас, — сказал он, доставая из кармана локотскую окружную газету «Голос народа». — Послушайте, о чем пишет редактор, посетивший Рейх по вызову пропагандистов доктора Геббельса. Статья называется «Жизнь русских в Германии». Читаю:

«...В Германии в настоящее время можно встретить и русских, и итальянцев, и испанцев, и португальцев, голландцев, бельгийцев, французов, норвежцев. Все они своим трудом помогают гер-

манской и союзным армиям, борющимся за счастливое будущее новой Европы... Русских можно в основном разделить на три группы: эмигрантов 1917—1918 годов, лиц, поехавших на работу в Германию в наши дни, и военнопленных. Их очень много. Все они работают и живут в хороших условиях и отдают все силы освобождению своего родного края...»

— Какая райская каторга! — воскликнул Гавриил Иванович. — Хотел бы я посмотреть своими глазами на наших земляков, отправленных в скотских вагонах в их трижды проклятый Рейх!

— Читаю далее, — продолжил Павел. — «...Русские, приехавшие в Германию и работающие в сельском хозяйстве, в разговорах просто не нахвалятся своей жизнью: труд посильный, выходные дни, квартиры удобные, кушают вдоволь и что хотят, одновременно прививают себе германскую культуру...»

— Чтобы познать их культуру, — вновь прервал сына Гавриил Иванович, — можно было этому писаке никуда не ехать. Наверное, он еще мало нагляделся на виселицы за окнами, на трупы расстрелянных и замученных в локотской и комаричской тюрьмах, на обездоленных вдов и сирот, на костры из книг, взорванные и сожженные клубы, библиотеки, музеи и церкви. Мерзость!

— Ладно, — сказал Павел. — Дальше читать не буду. Здесь еще написано, что советские военнопленные живут в германских лагерях, как в санаториях: чистые, светлые комнаты, белоснежные постели, спортивные упражнения, калорийное питание. Кругом врачи, заботливый уход...

— Ну что, смешно?

— Было бы смешно, если бы не было так грустно. Как псы на цепи брешут, — в сердцах сказала Анна Ивановна.

Неожиданно разговор был прерван резким стуком в дверь. Павел встал, посмотрел в окно и увидел фигуру знакомого полица. Тот был в форме и с винтовкой.

— Да это Колька Блюденов! Какой леший притащил этого пьяного зверюгу в неуточный час?! Вероятно, есть раненые из поли-

цейских и меня требуют в больницу. Но почему прислали именно этого типа?

В доме заволновались...

Павел вышел во двор. Ухмыляясь, полицейский подтвердил, что доктора немедля вызывают.

— В больницу? — спросил он.

— Нет, в управу. Да поскорее, Павел Гаврилович, начальство ждать не любит.

— Хорошо, скоро приду. Иди!

— Нет, — заупрямился Блюденев, — приказано сопроводить лично и без проволочек.

Доктор, не торопясь, стал одеваться, мучительно думая, чем вызвана такая спешка. До сих пор еще никто из полицейских не осмеливался говорить с ним так непочтительно и настойчиво.

Сомнения развеялись сразу. Павла Гавриловича схватили у здания управы, затолкали в машину и доставили в Локоть. В тюрьме зверски избивали. Там он впервые увидел надзирательницу, известную среди узников под кличкой Тонька-пулеметчица. Эта продажная девка, добровольно служившая немцам, изошрялась в пытках, расстреливала мирных жителей. Много позже, спустя три с лишним десятилетия, ее разыщут чекисты и суд воздаст ей должное. Тогда же она с остервенением колотила по щекам молодого врача, жгла раскаленными щипцами его бороду. Пытали Павла и другие тюремщики-садисты: следователи Процюк и Морозов, тюремный комендант Данила Агеев. Но Незымаев не проронил ни слова. На допросах неизменно присутствовали и избивали арестованного заместитель «комбрига» Мосин и военные контрразведчики из «Виддера», ибо даже гестаповские ищейки оберштурмфюрера Генри Леляйта и доктор герр Бруннер не сразу могли поверить, что такой «германофил», как Пауль Незымаев, мог изменить их доверию и возглавить подпольную организацию «красных бандитов».

Особенно бесновался Бронислав Каминский. Эта скандальная история грозила выбить из-под него кресло «комбрига» и обербургомитсра, учитывая, что ряд его непосредственных подчинен-

ных из бригады РОНА входили в руководящее ядро группы Незымаева. Упреки сыпались на него со всех сторон, а над головой уже нависал меч главного шефа генерал-полковника Рудольфа Шмидта, часть штабов которого предполагалось переместить в Локоть. На выручку Каминскому из-за отказа Незымаева давать показания поспешил майор Гринбаум. Военная разведка и контрразведка (абвер) нередко враждовали и соперничали с гестапо в своем рвении доказать преданность Рейху и фюреру. В качестве главного козыря против Павла Гавриловича Незымаева и его соратников был предъявлен недавно завербованный агент «Виддера».

На очной ставке с провокатором Павел вначале оцепенел, потом с гневом плюнул в его физиономию. Это был Алексей Кытчин, участник обсуждения плана «Переход». Рой мыслей пронесся в голове врача. Неужели это тот самый Кытчин, некогда тяжело раненный окруженец, которого с риском для жизни сотни километров протащил на своих плечах и спас от смерти лейтенант Костя Никишин? Тот Кытчин, которого и он, доктор Незымаев, тоже с риском для жизни тайком выходил в больницу, поставил на ноги и неосмотрительно пригласил в последний ответственный момент участвовать в обсуждении плана «Переход»?

Павел так и не успел узнать, что этот мерзавец — классовый враг, купеческий отпрыск, уголовник, осужденный и высланный в свое время в отдаленные края. Во время войны он втерся в ряды Красной армии и с нетерпением ждал случая перейти к врагу. Об этом позже узнали верные друзья Павла...

Памятуя о недавних симпатиях и доверии к главному врачу со стороны оберштурмфюрера Леляйта с железнодорожного узла и доктора Герберта Бруннера и опасаясь конфликта с этими влиятельными офицерами, Каминский решил лично встретиться с арестованным. Так заключенный камеры-одиночки № 6 локотской тюрьмы предстал перед самым «комбригом». Перед встречей тюремщики отмыли и припудрили его раны, накормили и приодели.

— Не ожидал, Павел Гаврилович, никак не ожидал от вас такой дерзости и неблагодарности к новым властям, — вкрадчи-

во начал он. — Вы умный человек, интеллигент, хороший врач, свободно владеете немецким языком. Мы с вами специалисты, в которых нуждается германское командование. Живем в реальном мире. Каждому ясно, что дело Советов проиграно. Не сегодня-завтра падет Сталинград, германская армия переберется за Волгу, отрежет Урал. На юге решается судьба Кавказа. Японцы и турки с нетерпением ждут этого момента. Одни из них захватят Сибирь и Дальний Восток, другие рассчитывают на Закавказье и Крым. У вас была блестящая карьера, чего вам не хватало? Если бы даже на миг вообразить, что большевики вернутся на время в наши края, то чекисты казнят вас одним из первых. От вас требуется немного: сообщить, кто еще помимо одиннадцати участников совещания 27 октября в вашей больнице причастен к заговору? Где ваши филиалы, конспиративные квартиры, явки? Назовите пароли для связи с партизанами и подпольными райкомами. И тогда я дарую вам жизнь.

— Чекистами меня не испугаете, господин обер-бургомистр. Они борются с врагами моей Родины и тех, кого разоблачают в измене и шпионаже, судят по военным законам страны, — спокойно ответил Павел Гаврилович. — А вы и ваши хозяева готовы уничтожить всех, кто препятствует вашим бредовым планам надеть ярмо на советский народ, гноите людей в тюрьмах и лагерях, уничтожаете невинных мирных людей, не щадя детей и стариков, гоните нашу молодежь на каторгу в Германию. Я не жду милости от прислужника палачей, — возвышая голос, продолжал Павел, — от вас, сына панского пилсудчика из Познани, изменника и наемника вермахта. Ваша песенка спета. Если вас не уничтожат партизаны, как вашего приятеля Воскобойникова, то вы, холоп оккупантов, примете смерть от своего же барина. Запомните мои слова! Расплата близка!

— Убрать! — заорал в бешенстве Каминский, и конвоиры поволокли Павла в камеру.

1 ноября 1942 года на улицах Комаричей и в соседних деревнях и поселках непрерывно курсировал крытый грузовик.

Охранка Каминского и немецкие жандармы по списку провокатора Кьтчина рыскали в поисках участников совещания 27 октября, на котором был принят план «Переход». Ивана Стефановского и Михаила Семенцова схватили на пути у деревни Быхово, куда они ехали на подводе для встречи с партизанскими «маяками». Семен Егоров был арестован и обезоружен у кирпичного завода близ села Лопандина. Павел Фандющенко и Константин Никишин отстреливались до последнего патрона, но были блокированы группой гитлеровцев и полицейав бывшего махновского бандита Процюка. Их жестоко избили, связали и бросили в кузов. Не удалось скрыться и бежать к партизанам и Степану Арсенову, — его два дня подстерегала засада. Уже будучи схваченным, он успел сказать сестре: «Мы с Павлушей поклялись друг другу вместе бороться до победы или с честью отдать жизнь за правое дело. Пусть враги знают, как умирают коммунисты и комсомольцы. Я буду с Незымаевым рядом до конца. Прощайте!»

Степана Драгунова выволокли из дома родственников. В тот день, опасаясь, что фашисты захватят заложниками его жену Шуру и дочку Альбину, он сам вышел из убежища. На уговоры родных скрыться — ответил отказом. Попрощавшись с женой и пятилетней дочуркой, Драгунов с гордо поднятой головой вышел навстречу полицейским.

Сразу после ухода из дома Павла Гавриловича Анна Борисова побежала в управу. В пути встретила знакомого писаря полиции.

— Куда торопишься, сестрица? — спросил он.

— За доктором Незымаевым. Его ждут в больнице.

— Напрасно идешь, его увезли на «черном вороне» в Локоть.

Ошеломленная известием, медсестра вернулась на Привокзальную улицу. Вместе с родителями Павла они стали рвать и сжигать в печи разные бумаги врача. Поспешно выбросили в туалет запасные части к радиоприемнику. С обыском могли нагрянуть каждую минуту. Уничтожив улики, Анна побежала в больницу, чтобы успеть предупредить об аресте Енюкова. Опытный

подпольщик, предчувствуя недоброе и заметив, как Анна Борисова подает ему знаки из окна больницы, понял, что надо немедленно уходить. У калитки он лицом к лицу столкнулся с агентами полиции.

— Где найти здешнего завхоза? — спросил один из них, не зная в лицо Енюкова.

— Завхоз дома, находится дома, — не раздумывая, ответил Александр Ильич и, не оглядываясь, пошел прочь.

Укрывшись временно у надежных людей в деревне Пигарево, Енюков перебрался в Бочарово, где вначале его приютили на доме родителей Петра Тикунова, а затем переправили на конспиративную квартиру Василия Карповича Савина. В тайнике под печью в избе кузнеца он прожил двадцать суток. Затем связные из леса сопроводили его в партизанский отряд имени Чкалова. Там он стал комиссаром особой разведгруппы и сражался до полного освобождения Брянщины. В семейном архиве Александра Ильича хранится характеристика, выданная командованием партизанской бригады, действовавшей в числе других соединений в южном массиве Брянских лесов. Вот ее текст:

«А.И. Енюков, рождения 1912 года, русский, член ВКП (б) с 1939 года, образование среднее. До оккупации работал заведующим Бежицким горфинотделом Орловской области. В период захвата Комаричского района был направлен в тыл к немцам, где организовал подпольную антифашистскую группу, которая вела работу по разложению тыла противника путем выпуска антифашистских листовок, диверсий и провоцирования оккупационных властей и местных руководящих фашистских управлений. В ноябре 1942 года подпольная организация была предана провокатором, а тов. Енюкову удалось бежать в партизанский отряд, с которым он был ранее связан по подпольной работе. Находясь в партизанском отряде имени Чкалова, тов. Енюков А.И. нес службу политрука разведгруппы, неоднократно проникал в качестве разведчика в глубокий тыл противника, доставлял ценные сведения, участвовал во всех боевых операциях отряда, а также выполнял особые задания

4-го отдела УНКВД Орловской области... За период пребывания в отряде тов. Енюков А.И. проявил себя мужественным и отважным партизаном в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами.

Командир партизанской бригады

ст. лейтенант Дирдовский,

комиссар Полтев,

16 апреля 1943 года начальник штаба Чеченин».

Из показаний тетки Константина Никишина Анны Григорьевны, проживавшей в деревне Слободке:

«В первых числах ноября я отправилась в Локоть, чтобы узнать о судьбе Кости и его товарищей. В тюрьму меня не пустили, и я бродила вдоль ограды. Часовой гнал меня прочь, но, когда он отвернулся и пошел в обход, я приблизилась к месту, откуда можно было хорошо видеть здание тюрьмы. Неожиданно в одном из окон мелькнули изможденные лица Кости Никишина и Павла Фандющенкова. Оба узнали меня. Едва часовой пошел по второму кругу вдоль ограды, как из-за решетки камеры к моим ногам упал какой-то комок. Я незаметно подняла его и поспешила к своей запряженной повозке. В пути, размяв пальцами твердую лепешку ячменного хлеба, нашла записку. В ней была одна фраза:

“Передай нашим, пусть встретят на пути между Логом и Комаричами”. Но было уже слишком поздно что-либо предпринять для их спасения».

И так до последней минуты обреченные незымаевцы жили надеждой на освобождение и продолжение борьбы. Но эти надежды рухнули.

Фашистский военно-полевой суд был назначен на 7 ноября 1942 года. Гитлеровцы и их наймиты не случайно избрали этот день. Они надеялись, что расправа над патриотами в такой большой советский праздник породит смятение и страх в народе, неверие в победу и погасит дух сопротивления гитлеровским захватчикам. В зал суда не были допущены ни публика, ни защита.

Вот строки из этого «приговора»:

«...Судебным следствием, по материалу предварительного следствия, установлено, что все перечисленные лица обвиняются в шпионаже в пользу партизан, в совершении диверсионных актов: поджоги, закладка мин и т.п., в убийстве представителей новой власти и мирных жителей, в сборе денежных средств и продовольствия, а также вооружения и боеприпасов для партизанских отрядов.

Кроме указанных действий все они сами лично состояли в партизанских отрядах и имели с последними самую тесную связь. Фандющенко Павел, будучи начальником штаба двух батальонов, занялся подпольной организацией, знакомится с доктором Незымаевым Павлом Гавриловичем, созывает предварительное совещание 27 октября 1942 года в Комаричской больнице, на котором присутствовали Фандющенко, Незымаев, Егоров, Никишин, Семенцов, Стефановский, Енюков, Арсенов, Драгунов и Суконцев Михаил. На этом совещании разрабатывали план действий, то есть связаться с партизанами и сдать им все милицейские войска.

Для этой цели назначают Стефановского и Семенцова, которых отправляют в лес для установления связи с партизанами и выработки плана совместных действий. Для этой же цели Незымаев снабжает их продуктами питания, а Егоров везет их до села Быхова на лошади... После этого Фандющенко и Незымаев дают соответствующие указания группе прибегнуть к индивидуальному террору, то есть убить командира полка г-на Мозалева В.И. и начальника отдела юстиции Локотского округа г-на Тиминского Б.В. и тем самым облегчить задачу занятия поселка Комаричи и ряда других населенных пунктов.

Из всего видно, что обвиняемые открыто выступали против новой власти и ее представителей, а поэтому, в силу вышеизложенного и материалов предварительного следствия, руководствуясь ст. 45 II—11, суд приговорил:

1. Фандющенкова Павла Васильевича
2. Незымаева Павла Гавриловича
3. Стефановского Ивана Ивановича

4. Арсенова Степана Трофимовича
5. Драгунова Степенна Михайловича
6. Семенцова Михаила Матвеевича
7. Егорова Семена Егоровича
8. Никишина Константина Петровича

Подвергнуть вышей мере наказания — через повешение...

Все имущество приговоренных, как движимое, так и недвижимое, в чем бы оно ни заключалось, конфисковать в пользу государства. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

После вынесения приговора обвиняемым связали руки проволокой, уложили в кузов грузовика лицом вниз и повезли вначале в помещение комаричской почты. Там мародеры-конвоиры содрали с них одежду, обувь, шапки, нарядили в отрепья и лапти и повели к площади у бывшего здания райкома партии и райисполкома.

— ..Незымаев, на выход!

— Фандющенков, Арсенов, Драгунов, Егоров, Никишин, Семенцов, Стефановский!..

— Шнель, шнель! — подталкивали арестованных прикладами автоматов эсэсовцы-конвоиры.

На главной площади в Комаричах — виселица. Восемь петель...

В середине помоста, под переключиной, с гордо поднятой головой стоит широкоплечий, лобастый, светловолосый парень, известный всей округе. Взгляд его устремлен вверх конвоиров и палачей, туда, где собрался народ:

— Товарищи, граждане! Красная армия близка! Громите фашистских мерзавцев! Уничтожайте предателей! Смерть немецким оккупантам!

Через несколько минут все было кончено. Рыдающая толпа медленно растекалась по заснеженным улицам. Над поселком низко висели черные тучи, валил густой мокрый снег. Яростно шумел осенний ветер, раскачивая и сталкивая тела казненных. Казалось, сама природа восстала против злодейской расправы над сыновьями земли брянской. Это было 8 ноября, на второй год войны.

После казни патриотов на стене камеры смертников была обнаружена надпись, нацарапанная гвоздем:

«Нас задушите — тысячи встанут! Других задушите — миллионы поднимутся! То, что человек искренне любит, никогда не погубить! О, Советская Родина, огнем сожги тех, кто пришел надругаться над тобой! Родина-мать, жизнь кладем за тебя! Цвети, родная наша! Павел Незымаев. 7 ноября 1942 года».

После расправы над незымаевцами обер-бургомистр «комбриг» Каминский приободрился, устроил пышный банкет, на котором поднял тост за восстановление партии «Викинг». По этому поводу он обратился с «манифестом-приказом» № 90 от 29 марта 1943 года к населению округа. В нем самозванный «вождь», зная, что за его спиной немцы, с амбицией писал:

«Я призываю мой народ включиться в активную борьбу с большевизмом до полного его уничтожения. Для руководства этой борьбой считаю необходимым практически разрешить вполне назревший вопрос образования национал-социалистической партии всея Руси...».

Этим же «манифестом» был образован оргкомитет в составе наиболее доверенных лиц «вождя» для разработки структуры, устава и программы этой мифической партии.

Я.А. Жилинин, И.Б. Поздняков, В.И. Лузгин¹

ИЗ КНИГИ «БЕЗ ЛИНИИ ФРОНТА»

Во второй половине 1943 года немецкое командование перебросило к Лепелю бригаду «РННА»² под командованием пре-

¹ Авторы в годы войны находились на оккупированной территории и были членами бюро Витебского обкома КП(б)Б: Яким Александрович Жилинин — второй секретарь обкома, Иван Борисович Поздняков — секретарь обкома, Василий Иванович Лузгин — первый секретарь обкома комсомола. Публикуется по: *Жилинин Я.А., Поздняков И.Б., Лузгин В.И. Без линии фронта.* 2-е изд. Минск: Беларусь, 1979. 382 с.

² Так в тексте. — *Примеч. ред.*

дателя Каминского. Прибыли два хорошо вооруженных полка, которые разместились в Лепеле, Чашниках, Сено и многих деревнях. Бригада имела задачу очистить три района от партизан. Многие командиры и бойцы «РННА» завели знакомство с народными мстителями. Командир полка майор Тарасов, командир артдивизиона капитан Малахов, командир батальона Москвичев, командир роты Проваторов начали подготовку к переходу своих подчиненных к партизанам. Первой перешла в полном составе рота под командованием Проваторова, через несколько дней к партизанам ушли 27 солдат из артдивизиона, а потом ушла значительная часть 637-го батальона — 153 человека. С каждым днем ряды бригады «РННА» таяли¹.

Сенненский райком КП(б)Б запросил через связного командира полка майора Тарасова, когда он лично собирается прибыть на партизанскую базу.

— 20 сентября, после разгрома гитлеровского гарнизона в Сено, — последовал ответ.

Но, к сожалению, осуществить свои планы Тарасову не удалось. Гитлеровцы узнали о готовящемся нападении на город, арестовали группу командиров. Восемь из них фашисты повесили. На виселицу попал и майор Тарасов.

Фашистское командование поняло, что бригада небоеспособна, и решило перевести ее в другое место². Чтобы обмануть

¹ 25 сентября 1943 г. из бригады дезертировало 30 танкистов. — *Примеч. ред.*

² На самом деле бригада РОНА оказалась весьма боеспособным соединением, почему немцы и привлекали ее к операциям. В момент, когда происходили указанные переходы некоторых каминцев на сторону партизан, бригада принимала участие в антипартизанской операции «Хуберт» (Hubertus). В октябре — ноябре 1943 г. численность формирований РОНА увеличилась за счет белорусских полицейских. К 25 ноября 1943 г. в бригаде было пять полков (при штатной численности полка 1260 человек) и гвардейский батальон. На вооружении находилось 12 танков (один КВ, восемь Т-34, три БТ-7), три бронемашин (БА-10), три танкетки, одна 122-мм гаубица, три 76-мм и восемь 45-мм орудий,

подчиненных, Каминский в своем послании к личному составу 15 февраля 1944 года писал:

«Учитывая, что многие бойцы и командиры бригады РННА эвакуировались из Локотского округа вместе с семьями... не могут получить необходимый фураж для скота и продовольствие, а также сам Лепельский округ... не может стать базой формирования новых подразделений РННА, было принято решение: перевести всю бригаду РННА на более благоприятную территорию»¹.

Прямо скажем, что только передислокация спасла бригаду от полного разложения.

...Всюду, где находились «добровольческие» формирования, проникали подпольщики и партизаны. В Сенненском районе самоотверженно выполняли партийные и боевые задания подпольщики Лидия Домнич, Н.П. Карпушенко, Евгения Кучко, Надежда Шафранская. Они распространяли среди «добровольцев» листовки, организовывали встречи солдат и командиров «РННА» с партизанами.

Комиссар бригады имени Пономаренко М. Тябут сообщил в обком партии о том, что партизанское командование усиливает работу по разложению «народников». Связная Бронислава Близначенко привела в отряд из гарнизона Заболотье 13 «РННА»...²

8—10 батальонных минометов, 15 станковых и 50—60 ручных пулеметов. В последующем, до конца 1943 г., соединение Каминского постоянно привлекалось к мероприятиям по борьбе с белорусскими партизанами. — *Примеч. ред.*

¹ Речь шла о передислокации в Дятлово (Барановичская область) в основном гражданских беженцев и семей каминцев, а бригада оставалась в Лепеле. — *Примеч. ред.*

² Населенный пункт Заболотье находился недалеко от Лепеля. В ходе Лепельской наступательной операции партизан, проходившей с 19 по 25 ноября 1943 г., Заболотье было быстро захвачено, на что, безусловно, повлиял переход 13 каминцев к партизанам. — *Примеч. ред.*

П.Л. Лебедев¹

ИЗ КНИГИ «МЫ — АЛЕКСЕЕВЦЫ»

В июле алексеевцы уничтожили фашистский гарнизон в районном центре Чашники, разбили отряд карателей возле деревень Боровцы, Толпино, Липовичи и Гора. В июле отряды «Сокол» и имени Селиваненко под командованием В.А. Блохина уничтожили гарнизон в деревне Плисса Бешенковичского района, сожгли казармы, волостную управу, молокозавод, взорвали четыре дзота.

В августе враг снова стянул силы, готовился к очередному наступлению против партизан. В Оболь (Сенненскую) прибыл батальон карателей из бригады предателя Каминского².

В деревне Оболь, которая расположена на правом берегу реки Оболянка, находился фашистский гарнизон. Его задача — подерживать в исправном состоянии шоссе Богушевск — Сенно и охранять мост через реку. Гитлеровцы здорово укрепили свое гнездо. Построили блиндажи, дзоты, окопы с ходами сообщений, искусно оплелись колючей проволокой. Несколько севернее деревни, на берегу реки, с давних пор стоит высокое здание спиртзавода. В нем оккупанты постоянно держали человек пять наблюдателей и дозорных. Оттуда хорошо просматривались шоссе и мост через Оболянку. По дороге двигались колонны машин, обозы, шли гитлеровские войска на Богушевск и дальше в сторону фронта. Около моста в блиндажах дежурило боевое охранение.

Оккупанты, боясь партизанских диверсий на шоссе, постоянно патрулировали свой участок. Нередко по утрам они выгоняли местных крестьян и заставили их бороновать гравийное полотно

¹ П.Л. Лебедев в годы войны — разведчик партизанской бригады «Алексея» — Героя Советского Союза А.Ф. Данукалова. Публикуется по: *Лебедев П.Л. Мы — алексеевцы. Записки партизанского разведчика.* Изд. 3-е. Минск, 1985. 415 с.

² Речь идет о второй половине августа 1943 г., когда на территорию Белоруссии уже были переброшены некоторые части бригады Каминского. — *Примеч. ред.*

дороги, чтобы выявить мины, если партизаны успели поставить их ночью. Гитлеровцы без жалости использовали для этого и «живые миноискатели»: прогоняли по дороге группы крестьян из окрестных деревень.

Только мост через Оболянку враги считали в полной безопасности. Считали, но просчитались... Алексеевцы добрались и до него. Группа подрывников из отряда «Интернационал» под командованием Валея Валерьяновича Имангулова 7 августа бесшумно пробралась к мосту, заложила сильный заряд взрывчатки и так же бесшумно ушла. Затем повернули ручку подрывной машинки... Ночную темень разорвало пламя, а тишину потряс оглушительный взрыв. Эхо его, переливаясь через верхушки леса, покатилося во все стороны, оповещая о новой победе народных мстителей.

Прибежавшие к месту диверсии фашисты увидели разрушенный мост и трупы двух его охранников. Движение по шоссе надолго прекратилось. Оккупанты почему-то не стали сразу восстанавливать мост, хотя гарнизон в Оболи оставался.

Сейчас для этого сюда и прибыл батальон «народников» из бригады Каминского. Расположился. Вскоре под оружием согнали мужчин из деревень и начали строить новый мост через реку.

Командование бригады направило меня туда в разведку. Обошел все. Гарнизон и его охрана находились на старом месте, только еще больше укрепились и оплелись теперь уже в два ряда колючей проволокой. «Народники» не стали селиться в деревне. Они разместились прямо в поле, на левом берегу реки, правее шоссе. Натянули палатки, поставили две походные кухни, установили три «сорокапятки» и одну 122-миллиметровую пушку, выкопали окопы, замаскировали пулеметные гнезда.

Строительство моста продвигалось вперед. Уже забили свои, укладывали балки, отесывали бревна, волокли их к мосту, закрепляли...

Свыше сотни головорезов из 4-го батальона бригады Каминского, одетых с иголки и вооруженных до зубов, суетились на правом и левом берегах реки. Одни возились около орудий, дру-

гие устанавливали минометы, третьи стерегли крестьян, чтобы не разбежались. Командир батальона, матерый предатель Гляков¹, чуть в стороне стоял на полотне дороги, высоко подняв голову и опершись о бок левой рукой. В правой держал хлыст и время от времени похлопывал им по начищенному до блеска голенищу. Весь его высокомерный, напыщенный вид говорил, будто он вершит судьбами человечества.

Мы с деревенскими мальчишками с хохотом и визгом носились по лугу, ловили бабочек, гонялись за кузнечиками, забегали в расположение «народников», выпрашивали сигарету, совали нос в казенную часть пушек, возле которых возились артиллеристы, пока не получали от них щелчка по носу, а то и доброго подзатыльника. Вся босоногая ватага ринулась к мосту и с гиком пустилась по балкам, перебежала на другую сторону реки. Нас ругали охранники, что-то кричали, но мы не слушали и не обращали на них никакого внимания. Там один «народник» успел каждому из нас дать лозовым хлыстом по спине и грязно выругаться. На эту мелочь тоже никто из нас не обратил внимания. С хохотом и визгом бросились мы в поле, повернули к спиртзаводу, промчались около самых проволочных заграждений гарнизона...

Разведка прошла удачно.

Командование бригады поручило провести операцию 1-му отряду.

25 августа партизанский отряд «Прогресс» по правому берегу реки бесшумно приблизился к лагерю «народников». Бойцы залегли в кустах и повели наблюдение. Из-за широкого куста орешника на изменников направили три бинокля: командир отряда Огиенко, начальник штаба Кудрявцев и комиссар Пименов. Они изучали обстановку, внимательно «прощупывали» лагерь врага, уточняли план нападения.

¹ В то время 4-м батальоном РОНА командовал В.И. Мозалев. Возможно также, что речь идет о командире 2-го полка РОНА (куда входил 4-й батальон) — бывшем майоре РККА Голякове. — *Примеч. ред.*

Время было послеобеденное. Крестьяне копошились у моста, около дымившихся кухонь возились повара. Вон пушки выставили свои хоботы-стволы, вон минометы, пулеметные точки... Все как и должно быть, согласно данным разведки. Жарко. Солнце печет по-настоящему. Огиенко расстегнул воротник кителя, подкрутил светлые пушистые усы.

— Дай, Гаврилович, и мне глянуть туда хоть одним глазом, — попросил у него бинокль подползший к кусту пулеметчик Дмитрий Барашкин.

— Дывысь, дывысь! Только не пугайся. Их много. Больше сотни, — отдавая бинокль Барашкину, прошептал командир.

— Пуль на всех хватит, — вздохнул Барашкин, вернул бинокль и пополз на свое место.

«Храбрый хлопец, — подумал Огиенко, провожая уползающего пулеметчика. — С таким можно и в разведку, и в засаду ходить, не подведет».

Второй год парень носит пулемет. Пришел в отряд еще в Лиозненском районе. Командир повернулся к Кудрявцеву.

— Ну что, Лексей, будем работать? Пора и начинать.

— Пора-то пора, Гаврилович, да придется несколько изменить план нападения.

— Зачем менять? Все хорошо продумано. Ударим с двух сторон — и баста, — вмешался комиссар.

— Я предлагаю новый план.

— Ну, давай, давай, Лексей, выкладывай.

Суровая партизанская жизнь сдружила этих двух храбрых командиров. Оба они вступили в бой с врагом в первый день войны, на западной границе. Лейтенант-артиллерист Кудрявцев с боями отступал на восток, бился под Минском, потом отходил снова. За Оршей, уже в окружении, встретился он с кадровым командиром, кубанским казаком Григорием Гавриловичем Огиенко, примерно таким же путем оказавшимся в этом «котле». Вместе выходили из окружения, вместе пробирались в сторону фронта по оккупированной территории, создали партизанскую группу, нападали на

окупантов, вместе попали к фашистам в плен, а потом на другой день убили конвоира и сбежали, вместе весной 1942 года влились в бригаду «Алексея», много верст отшагали партизанскими тропами и не раз вместе смотрели смерти в глаза. Любил Огиенко своего начальника штаба и верил ему, как себе.

Алексей Николаевич изложил свой план операции.

Позвали под ореховый куст заместителя командира отряда по разведке Кузьму Брюсова и командира взвода Геннадия Пукова.

— Обстановка изменилась. Лексей родил новый план операции. Ты, Кузьма, берешь пять-шесть человек с пулеметом и автоматами, переправляешься через реку, идешь в обход и занимаешь позицию около шоссе на случай, если фашисты задумают тикать на Сено. Пименов с группой направляется к спиртзаводу, чтобы заткнуть глотку дозору и сковать силы в самом гарнизоне, не допустить подхода подкрепления. Пуков со взводом по правому берегу накроет караульных. Я с отрядом переправлюсь на левый берег и двигаюсь по кустам к лагерю, а Лексей выходит на шоссе от Богушевска и первый наносит удар. Ясно?

— Ясно! Еще как ясно!

Огиенко поднес к глазам бинокль и чуть не закричал:

— Смотрите, смотрите, хлопцы! Да це ж бисовы ублюдки купаться пошли.

Все прилипли к биноклям. Действительно, многие «народники» были уже в реке, плавали, брызгались, другие лежали на песчаном берегу. К реке все шли и шли новые группы, раздевались и бросались в воду. Вон и тот долговязый офицер, что стоял на полотне шоссе, вытянув шею, как гусь, тоже направился к реке и стал раздеваться.

— Ну, пора, хлопцы. За дило! Удачи тебе, Лексей, удачи тебе, Кузьма, удачи тебе, Михаил, и тебе, Геннадий, — обнимая и порусски троекратно целуя своих боевых соратников, говорил Огиенко.

Кудрявцев взял в свою группу шесть человек: трех с автоматами и трех с ручными пулеметами. Через минут десять они уже

были около шоссе и, пригнувшись, по придорожной канаве бежали к мосту. Вот уже триста, двести, сто метров оставалось до гитлеровцев. Партизан пока еще не обнаружили. У Кудрявцева захватило дух. «Только бы не заметили, только бы не заметили», — как молитву повторял он эту фразу. У него появилась дерзкая мысль.

Вот и долгожданный берег. Голые изменники разлеглись на песке, другие, сгрудившись в реке, брызгались так, что над ними образовались фонтаны воды.

— Огонь! За Родину! — крикнул Кудрявцев и бросил гранату в самую гущу предателей.

Полетели гранаты. Пулеметчик Иосиф Андреевич Белисов стоя, прямо в упор расстреливал изменников, автоматчики залегли и начали поливать свинцом мечущихся по берегу гитлеровцев. Страшная паника... Голые «народники», кто в плыв, кто по берегу, пустились в кусты, куда уже выходила группа Огиенко. Автоматчики было кинулись преследовать их.

— Назад! — что есть силы заорал Кудрявцев. — За мной!

Стреляя на ходу из автомата, он бежал по мосту.

Кудрявцев вовремя сообразил, что гнаться за убегающими нет никакого смысла, там их ждет Огиенко. Нужно воспользоваться паникой и захватить орудия, минометы и пулеметы врага. Сам он выскочил на мост и по балкам побежал на другую сторону. Под мостом притаились строители.

— Лежите и не выходите до конца боя! — крикнул он перепуганным крестьянам и выстрелил в выскочившего из-под моста «народника».

Кудрявцев со своей группой быстро овладел лагерем. Часть изменников сразу же сдалась в плен, другие в панике бросились по кустам в сторону Сенно. Их тоже не преследовали. Там в ожидании врагов залегла группа Кузьмы Брюсова. Да и без этого хватало дел у Алексея Николаевича. Выкуривали фашистских вояк из огневых точек. Одни поднимали руки и сдавались в плен, другие пытались отстреливаться. Прикончив охрану, партизаны захватили штабную палатку с документами.

А пока группа Кудрявцева хозяйничала в центре вражеской берлоги, на других участках происходили не менее жаркие события. Несколько вооруженных изменников, не успев одеться, бросились на партизан из группы Огиенко.

— А-а, мерзавцы! — закричал командир. — Огонь!

Часть голых вояк упала на землю вниз лицом, другие повернули и припустили что было сил. Огиенко оставил трех автоматчиков во главе с Михаилом Денисовичем Ландыченко охранять пленных, а сам с группой стал преследовать убегающих. Пригнали их прямо к Пукову, где тот на берегу наводил порядок. Здесь всех пленили.

Пленных вывели и посадили на лужайку. Всего — человек сорок. Многие были в чем мать родила.

— Дайте одежду, — взмолился один.

— Загорайте, загорайте. Это очень полезно. Особенно благотворны лучи заходящего солнца, — шутил Ландыченко. — Придет время — всех оденем. Не вести же по деревням в таком виде служак фюрера.

Когда Кудрявцев бросил первую гранату и у моста завязался бой, группа Пименова уже была на месте. Она залегла около самого спиртзавода. Услышав стрельбу, из здания завода выскочили четыре гитлеровца, но сразу попали под партизанские пули. Пятый спрятался на втором этаже за дрожжевальный чан, и когда Михаил Тарасович вытащил его оттуда за воротник, то у него уже было в одной полно, а во второй как завязать...

Группа Пименова засела на спиртзаводе и повела обстрел гарнизона. Со второго этажа как на ладони видны все укрепления. Прицельный пулеметный и автоматный огонь горстки партизан прижимал врагов к земле и не давал возможности поднять головы. Да и перепугались те так, что, видимо, не собирались ни на кого нападать, остаться бы самим живыми.

Хорошую позицию со своей группой занял и Кузьма Брюсов. После поднявшейся стрельбы около моста ей недолго пришлось ждать врагов. Первым заметил «народников» автоматчик Николай Свириденко.

— Вот прут, аж кусты трещат, — шепнул он Брюсову.

Из кустов высыпало человек двадцать изменников.

Впереди их мчался невысокого роста круглый, как арбуз, офицер. Без фуражки, весь в пене, он, казалось, не бежит, а катится.

— По изменникам — огонь! — раздалась команда Брюсова.

Многих «народников» сразу же скосили партизанские пули. Офицер залег и начал отстреливаться из автомата. Бой быстро затих. Шесть человек сдались в плен.

А в центре лагеря кипела работа. Партизаны собирали оружие, обмундирование, выкуривали из кустов спрятавшихся «народников». Перетрясли одежду и отдали ее голым пленным. Те быстро одевались. На берегу нашли обмундирование, документы и оружие командира этого продажного батальона майора Глякова. Самого его обнаружить не удалось. Решили, что погиб он от партизанской пули или голый сумел убежать.

Пригнали лошадей, которые паслись недалеко на лугу, запрягли в повозки, погрузили оружие, обмундирование, продовольствие. Запрягли лошадей и в «сорокапятки», в походные кухни. Все штабные документы батальона завернули в плащ-палатку и аккуратно уложили на повозку. Поручили их везти братьям Ивану и Леониду Ольшаниковым. Ездовыми стали также партизаны Прохор Семенов, Захар Пименов, Анатолий Захаренко, Золотков, Куриленко, Матвеев. Пленных конвоировал взвод Пукова.

— Давайте обстреляем из нее Богушевск! А потом взорвем, — подал идею подошедший Геннадий Пуков.

— Правильно, правильно! — подхватили партизаны.

— Молодчина, Геннадий! Ты гений! — похвалил Пукова Огиенко.

Партизаны развернули пушку и навели ее на Богушевск. Иван Рогов и Федор Гладченко поднесли снаряды. Алексей Николаевич Кудрявцев был артиллеристом. Больше среди партизан специалистов не оказалось. Нашлись, правда, добровольцы среди пленных «народников».

В это время старый воин, участник Гражданской войны пятидесятилетний автоматчик Петр Людвигович Малаховский обходил лагерь. Он любил во всем порядок. И сейчас ему хотелось ничего не забыть. Солнце уже клонилось к закату. Петр Людвигович по кустам отошел от своих боевых друзей метров на пятьдесят. Сзади неожиданно грохнул пушечный выстрел. Это Кудрявцев с Огиенко выпустили первый снаряд по Богушевску. По лагерю понеслось многоголосое «ура!». Малаховский невольно оглянулся. В кустах что-то промелькнуло.

— Стой! Стрелять буду! — вскинул автомат партизан.

И тут же над самым ухом его просвистела пуля. Малаховский в ответ дал автоматную очередь. Он отчетливо увидел голого «народника» с пистолетом в руке, который кинулся в куст, залег, выстрелил и, как змея, своим телом заскользил по траве, на которую уже садилась роса. Малаховский стал обходить беглеца. Он до того разволновался, что даже не слышал орудийные выстрелы, которые раз за разом раздавались сзади под громкое партизанское «ура!». «Только бы не ушел», — думал старый партизан, переползая от куста к кусту и ведя огонь из автомата одиночными выстрелами. Его противник быстро полз к бугорку, на котором рос ельник.

Петр Людвигович находился от бугорка в двадцати метрах, а «народнику» оставалось не более десяти. Только сейчас увидел Малаховский, что на бугорке не ельничек, а замаскированное пулеметное гнездо. Из-под еловых лапок холодным волчьим глазом смотрел станковый пулемет «максим». «Так вот куда он рвется», — сразу понял партизан замысел врага. Малаховский на секунду даже растерялся, почувствовал страх, но не за себя, а за своих товарищей. Обернулся назад и в полусотне метров увидел ликующих народных мстителей, сбившихся гурьбой около трофейной пушки, которая обстреливала Богушевск. Малаховского охватил ужас: «Сейчас по партизанам ударит пулемет».

— Нет, не пройдешь, гад! — закричал он и бросил по ползущему изменнику гранату.

Перелет. А «народник» уже у самой цели. Осталось метров пять до пулемета.

«Не спеши, не спеши, спокойно, партизан!» — уговаривал себя Малаховский, принимая удобное положение для стрельбы лежа. Перевел предохранитель автомата на очередь, взял на мушку предателя. Сейчас он, наверное, сделает прыжок.

«Народник» сжался в комок, прыгнул и на секунду повис в воздухе. Петр Людвигович нажал на спусковой крючок. Длинная очередь, как треск сухого валежника, разорвала вечерний воздух. «Народник» встал на ноги, вскинул руки к небу, выронил пистолет, зашатался и упал навзничь.

Партизаны услышали длинную автоматную очередь. На выстрелы кинулись взвод разведки Ивана Коваленко и с десятков бойцов Геннадия Пукова. Они нашли Петра Людвиговича Малаховского и в метре от пулемета лежал изрешеченный командир продажного батальона майор Гляков¹. Вот где он оказался!

— Вот видите... Разве можно так?... Ротозей... — как бы извиняясь, говорил Малаховский.

— Спаситель наш! — кинулась к нему на шею и поцеловала помощник комиссара отряда по комсомолу Дуся Пахомова.

А пушка все грохотала и грохотала, посылая снаряд за снарядом по Богушевску. Много шума наделала оружейная пальба. Были недолеты, были перелеты, но были и попадания по станции, где разгружались фашистские танки и бронемашины, по складу продовольствия и по пустырю. Но главное — нагнали страху на фашистов. Они растерялись и ничего не могли понять. Фронт проходил восточнее Богушевска неблизко, а тут на тебе — обстрел ведется с запада.

— Шабаш! — резко опустив руку, крикнул Кудрявцев, отправив последний снаряд по вражескому гарнизону. — Теперь при-

¹ На самом деле ни Голяков, ни Мозалев, если они, конечно, принимали участие в том бою, убиты не были, так как в августе 1944 г. приняли участие в подавлении Варшавского восстания. — *Примеч. ред.*

дется тебя, голубушку, взорвать, — похлопал он по казенной части пушки.

Взорвали орудие, подожгли недостроенный мост.

Отряд отправился в путь. Далеко растянулся обоз, тащили «сорокапятики», гнали колонну пленных... Хороши итоги боя. Убито тридцать пять народников, взято в плен пятьдесят два гитлеровца, освобождено сорок мужчин, мобилизованных на строительство моста. Захвачены все документы батальона. Везли большие трофеи, среди них три 45-миллиметровых орудия, три миномета, семь пулеметов, винтовки, пистолеты, мины, снаряды, патроны, обмундирование и продовольствие. Взято двадцать лошадей и десять велосипедов.

В этом бою почти не пришлось заниматься своим делом врачу партизанского отряда Лидии Ивановне Копыловой и медицинской сестре Валентине Ивановне Рыжиковой. Они больше пользовались карабинами. Отряд не имел потерь. Только двоих партизан немножко царапнуло. Прижгли им царапины йодом да перебинтовали. Зато трофеи богатые достались Копыловой и Рыжиковой. Батальонный санитарный пункт «народников» отрядные медики взяли в полной сохранности. Все инструменты, медикаменты и перевязочные материалы были аккуратно упакованы в специальные ящики, которые находились на санитарной повозке. «Народники» даже не успели развернуть свой медпункт. Осталось только запрячь лошадей. Медработники Лидия Копылова и Валентина Рыжикова важно сидели на сиденье пароконной повозки, обтянутой брезентом, на белых кругах которого был нарисован красный крест. На козлах расселся храбрый пулеметчик Витя Банифатьев и правил здоровенными немецкими тяжеловозами. Рядом лежал его неразлучный друг — ручной пулемет.

Бригада радостно встречала победителей...

В.Е. Лобанок¹

ИЗ КНИГИ «В БОЯХ ЗА РОДИНУ»

В конце 1943 года между партизанами Полоцко-Лепельской зоны и войсками 1-го Прибалтийского фронта установилась тесная связь. С приближением линии фронта к Полоцку большое значение приобретала дорога Лепель — Докшицы. В течение длительного времени партизаны Ушачской зоны были фактически хозяевами на этой дороге. Перерезав ее на участке Пышно — Любово — Березино, они срывали передвижение гитлеровцев. Фашистское командование неоднократно пыталось очистить от партизан эту дорогу, исключительно важную в стратегическом отношении. Ценой больших потерь в середине 1943 года оккупантам удалось несколько потеснить партизан в этом районе. Народные мстители продолжали беспрерывно минировать дорогу, обстреливали передвигавшиеся по ней части противника из засад. В феврале 1944 года по этой дороге гитлеровцы решили перебросить в Барановичскую область изменническую бригаду Каминского. Непрерывными ударами из засад партизанские бригады Данукалова, 1-я Антифашистская, имени Ленина, Лобанка и Уткина нанесли этой бригаде большие потери и задержали ее продвижение. Гитлеровцы потеряли до 300 солдат и офицеров, две бронемашины, два тягача и 14 автомашин².

¹ Лобанок Владимир Елесеевич (1907—1984). Герой Советского Союза (1943). В 1931 г. окончил Белорусскую сельскохозяйственную академию. Во время войны — один из руководителей партизанского движения на территории Витебской области. С 1942 г. командир 68-го партизанского отряда, с августа 1942 г. комиссар Чашникской партизанской бригады «Дубова», с июня 1943 г. командир Лепельской партизанской бригады. С 1962 г. министр производства и заготовки сельскохозяйственных продуктов. Публикуется по: *Лобанок В.Е. В боях за Родину.* Минск: «Беларусь», 1964. 412 с.

² Речь идет о переброске в Дятлово (Барановичская область) некоторых частей бригады, семей военнослужащих и гражданских беженцев, прибывших с Каминским из Локтя. — *Примеч. ред.*

Наступление на партизанскую зону фашисты начали 11 апреля одновременно со всех сторон. Первый удар был нанесен на восточном направлении на участке бригад имени Чапаева, имени Ленина, «За Советскую Белоруссию». Против этих бригад действовали 252-я и 56-я дивизии и 161-й пехотный полк. С юго-востока на участке бригады Уткина действовала 201-я охранный дивизия. На южном направлении против Лепельской бригады и бригады «Алексея» наступали 95-я пехотная и 6-я особая авиаполевая дивизии, 1-й и 3-й полки предателя Каминского. Это направление было одним из главных. Здесь противник сконцентрировал больше, чем на других участках, техники и живой силы, и бои носили особенно ожесточенный характер.

В.Е. Лобанок

ИЗ КНИГИ «ПАРТИЗАНЫ ПРИНИМАЮТ БОЙ»¹

Как мы и предполагали, внимание немецко-фашистского командования в связи с потерей железных и шоссейных дорог Орша — Витебск и Полоцк — Витебск все это время было приковано к единственной дороге Витебск — Лепель — Парафьяново, которая соединяла 3-ю танковую армию с тылами. Владение этой дорогой действительно приобрело для армии жизненно важное значение. Однако дорогу нельзя было использовать для регулярного снабжения войск. Командование вражеской армии прилагало немалые усилия, чтобы любой ценой поддерживать на дороге движение.

Собрав довольно крупные силы, 5 декабря противник овладел местечком Пышно. Как раз в те дни, когда в зону прибыла оперативная группа, партизанские секреты заметили подозрительную возню гитлеровцев в районе Докшицы — Крулевщина — Парафьяново. Слово было за разведчиками. Уже 11 декабря поступи-

¹ Публикуется по: *Лобанок В.Е. Партизаны принимают бой.* Минск: Беларусь, 1976. 328 с.

ли первые данные из различных источников и от войсковой разведки. Оперативной группе стало известно, что командующий 3-й танковой армией приказал бригаде изменника Каминского [далее автор делает следующую сноску внизу страницы: «Бронислав Каминский был судим в период шахтинского процесса. После отбытия наказания притаился на спирто-водочном заводе в городе Локоть. С приходом гитлеровцев он стал помощником бургомистра, а затем бургомистром в Локоти. Опасаясь, что его постигнет участь казненного партизанами бургомистра К. Воскобойникова, Каминский увеличил охрану управы, вербуя в свой отряд всякий сброд. Так отряд вырос в бригаду. Ее путь через Лепель, Волковыск, Белосток, Петраков залит кровью советских людей, преимущественно беззащитных мирных жителей. В конце 1943 года за подобные “заслуги” фашисты присвоили Каминскому звание генерал-майора, а затем, когда надобность в нем отпала, расстреляли». — Примеч. ред.] и войсковой группе, которая дислоцировалась в районе Докшицы и смежных населенных пунктах, овладеть дорогой Лепель — Докшицы и обеспечить сквозное движение автомобильных колонн¹.

Численность вражеской группировки в районе Лепеля составила до 3 тысяч человек и с 2 тяжелыми, 4 средними танками, бронемашинной, орудиями разного калибра и 33 минометами. Докшицкая группировка была еще более многочисленной. Ей придали 4 дивизиона тяжелой артиллерии и тяжелых минометов. Авиаподразделение двухмоторных бомбардировщиков получило задание прикрывать обе группировки. Каждый самолет должен был совершать много вылетов в день.

Разведчики Лепельской партизанской бригады захватили «языка», который дал ценные сведения о вооружении бригады преда-

¹ В декабре 1943 — начале января 1944 г. бригада Каминского принимала участие в антипартизанских операциях «Карл» и «Дворник». — Примеч. ред.

теля Каминского и намерении немецкого командования в скором времени предпринять наступление на партизан из района Лепель — Камень в направлении Ушачей. Войсковая разведка вскоре подтвердила, что 2 полка бригады Каминского находятся в Лепеле, а третий — в гарнизонах. На вооружении бригады имелось 7 танков, 5 пушек, 2 бронемашин, 2 зенитных и 4 крупнокалиберных зенитных пулемета. Подробные сведения были собраны также об оборонительных сооружениях Лепеля. После разгрома в октябре лепельского гарнизона партизанами оккупанты и их приспешники приняли меры по укреплению обороны города. Он был опоясан окопами, дзотами, блиндажи. На вооружении охранных частей имелись минометы, ручные и станковые пулеметы.

В районе Лепеля удалось захватить «языка», заведующего делом производством штаба бригады предателя Каминского, — некоего Котова. «Язык» оказался довольно осведомленным. На допросе он рассказал о готовящемся наступлении карателей.

— Когда намечается начало операции?

— В середине января.

— Точнее.

— Ориентировочно числа семнадцатого или восемнадцатого. Но дата, по-видимому, будет уточнена.

Предатель заискивал перед партизанскими командирами, унижался, молил о пощаде, рассказывал все, что ему было известно о планах своих хозяев. Было противно смотреть на этого трусливого подонка.

Продолжая давать показания, Котов рассказал о секретном совещании у командующего 3-й немецкой танковой армией генерал-полковника Рейнгардта, на котором присутствовал заместитель Каминского.

— Какие силы собираются использовать фашисты?

— Бригаду Каминского, охранные эсэсовские части, местные полицейские гарнизоны.

— И всё?

— Генерал обещал выделить также две регулярные дивизии. После боев под Невелем они сейчас находятся на переформировании.

— Где?

— Кажется, в Улле.

Пере проверка подтвердила эти сведения.

Ряд других примет (укрепление более мелких гарнизонов, строительство нового деревянного моста в Бочейкове, ускорение оборонительных работ вдоль дороги Лепель — Камень с применением взрывчатки) говорили о том, что противник торопится¹. Мы очень досадовали, что наши разведчики не могут проникнуть в гарнизоны по дороге Лепель — Березино — Докшицы: местных жителей — наших верных помощников — там не было. И все же примерная численность противника, вооружение и характер укреплений были нам известны. На юге и юго-западе зоны кроме полков изменника Каминского были сосредоточены части 6-й авиаполевой дивизии, 95-й и 195-й пехотных дивизий, 501-й танковый батальон, 2, 12 и 24-й полицейские полки СС, особый батальон Дирлевангера и некоторые другие подразделения.

Против алексеевцев действовала так называемая штурмовая бригада изменника Каминского. Партизаны вели успешную работу по разложению этой бригады. Засылали газеты, листовки, помогали стать на правильный путь заблудившимся, насильственно мобилизованным. Число перебежчиков все увеличивалось. Так, 15 сентября 1943 года к партизанам перешла целая рота во главе с капитаном Проваторовым. В конце месяца прибыло еще до 150 человек. Однако, несмотря на процесс разложения, бригада Каминского пока еще оставалась довольно-таки сильным враже-

¹ Автор ведет речь о подготовке в тылу 3-й танковой армии вермахта операций «Моросящий дождь», «Ливень» и «Весенний праздник». — *Примеч. ред.*

ским формированием. Она была хорошо вооружена, превосходила партизан численно¹.

Боевые действия в полосе расположения партизанской бригады «Алексея» каратели начали разведкой боем в направлении деревень Ветче и Казимирово, где оборону держал первый батальон. В 10 часов утра батальон пехоты противника при поддержке двух танков, огня артиллерии и минометов напал на передний край обороны 17-го отряда. Четыре часа шел бой. Противник предпринял три сильных атаки, но все они захлебнулись. Тогда враг сосредоточил свои силы в направлении деревни Ветче. Партизаны оставили деревню и заняли оборону на высотах севернее Ветче. В 20 часов 30 минут, получив подкрепление, отряд контратаковал противника, выбил его из деревни Ветче и вынудил окопаться у деревни Храменки. В ходе контратаки бронбойщик Иванов поджег немецкий танк. Это и определило успех наступления наших отрядов.

На деревню Казимирово, где держал оборону 13-й отряд, наступало до 300 гитлеровцев при поддержке двух танков. Три часа подряд атаковали они позиции алексеевцев, но были отброшены за хутор Сухаревичи.

Так прошел первый день. Вечером комбриг Алексей Данукалов позвонил в штаб оперативной группы:

— Рад доложить, товарищ полковник, все атаки отбиты. Гитлеровцы улепетывали, как зайцы. На поле боя они оставили до сорока трупов, много раненых.

— Спасибо, Алексей Федорович. Передайте всем, что опергруппа высоко оценивает ваши боевые действия. Чего добивался сегодня противник?

— Разведка боем. Цель — выявить расположение огневых точек нашего переднего края. Но и мы не льком шиты: я приказал ввести в действие только часть огневых точек, — был ответ комбрига.

¹ В дальнейшем повествовании автор будет называть каминцев — «фашистами», «гитлеровцами», не акцентируя внимание читателя на том, что против бригады Алексея Данукалова сражались бойцы РОНА. — *Примеч. ред.*

— Нельзя рассказать подробности?

— Дело в том, что это была не совсем обычная разведка боем.

В случае обнаружения слабого места в нашей обороне противник был готов перейти в наступление. В образовавшуюся брешь он ввел большие силы. Танковая атака, в отражении которой такую большую роль сыграл бронебойщик Иванов, и имела целью прорвать оборону. Положение было очень опасным.

— Бронебойщика Иванова представьте к ордену. Борьба с танками в наших условиях, Алексей Федорович, требует особого героизма. Ваши потери?

— Трое раненых.

В последующие дни противник продолжал усиливать натиск. 18 апреля были введены в бой крупные силы с танками. После безуспешных атак в первой половине дня в направлении деревень Ветче, Храменки противник применил авиацию. Три часа 15 самолетов вели сосредоточенную бомбардировку позиций 17-го отряда. Когда закончился налет, под прикрытием артиллерийско-минометного огня перешла в наступление пехота. Два часа шел неравный бой. Только к вечеру партизаны оставили Ветче и Храменки. Но ненадолго. В ночь на 19 апреля 17-й отряд внезапно атаковал деревню Ветче и овладел ею. Одновременно 14-й отряд произвел налет на Храменки. «В этот день не только отбивались яростные атаки противника, но местами под натиском партизан ему приходилось отходить, — свидетельствует запись в журнале боевых действий 13-го отряда. — Одна из высот пять раз переходила из рук в руки. К исходу дня она все же осталась за отрядом.

На отдельных участках наши отряды переходили в контратаки. Получив подкрепление, противник при поддержке трех танков и артиллерии перешел в новое наступление. Отряду № 17 пришлось отойти на свои прежние позиции и занять южную окраину деревни Ветче. Но дальше враг не прошел».

Бои на участке бригады Алексея Данукалова отличались особым упорством и стойкостью партизан. Враг неистовствовал: пять дней в наступлении, а партизаны — ни с места.

Особенно трудным был день 21 апреля. Усталые, изнуренные ежедневными боями, алексеевцы стояли в обороне в лесу правее деревни Ветче. Ранним утром на партизанские позиции налетело 8 вражеских самолетов. За день было отбито 16 атак. Настойчивость врага была невиданной. И все же алексеевцы устояли.

Правда, был момент, когда некоторые заколебались и едва не начали отходить. И здесь произошло событие, о котором долго потом рассказывали. Среди партизан вдруг появилась Валя Шляхтичева. Она хладнокровно и деловито установила пулемет и открыла огонь по ворвавшимся на оборонительные позиции гитлеровцам. Атака врага захлебнулась.

О стойкости партизан бригады «Алексея» свидетельствует дневник командира отряда «Прогресс» Григория Гавриловича Огиенко:

«19 апреля 1944 года. Отряд ушел в район большака Логии — Бушенки. Здесь установлена целая оборонительная система: 18 пулеметных гнезд и ячейки на каждого бойца. Расчищен лес глубиной по фронту до 200 метров и шириной до полутора километров.

Бронебойщик Яков Гладченко у деревни Казимирово подбил из противотанкового ружья немецкий танк...

Группой разведчиков был заминирован большак Пышко — Березино в районе деревни Кодлубище. На поставленной Ахметом Тогусевым и Иваном Ольшаниковым четырехкилограммовой mine подорвана автомашина, убито 4 немца...

21 апреля 1944 года. Отряд вел тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами противника. В течение 13 часов отбито 11 атак противника, поддерживаемого артиллерией, танками и самолетами. Гитлеровцы окопались в 300 метрах от нашей обороны вдоль большака...

22 апреля 1944 года. Отряд вел тяжелые бои в районе большака Логии — Бушенки. За 10 часов отряд отбил 7 атак противника, поддержанных массированным артиллерийским огнем и авиацией по нашей стороне. Из 7 атак 2 были «психические»... Ружейно-пулеметным огнем убито до 36 фашистов...»

Среди сражений, которые пришлось вести алексеевцам, особенно трудным был бой за деревню Казимирово. Он начался на рассвете 23 апреля. Позиции партизан атаковала пехота общей численностью более тысячи человек. Наступление поддерживалось 4 танками, 2 штурмовыми орудиями. Две атаки партизаны отразили. Противник прекратил наступление. Вскоре над позициями партизан появилось около 50 штурмовиков. Трижды подвергали они жестокой бомбардировке партизанские укрепления. За день стервятники сбросили на деревню Казимирово и ее окрестности не менее 300 бомб. Среди них были бомбы, рассчитанные на разрушение мощных долговременных оборонительных сооружений и поражение живой силы. Сбрасывали и специальные кассеты, начиненные двумя десятками малых осколочных бомб, которые партизаны называли «лягушками». Кассеты раскрывались на высоте, бомбы разлетались в стороны и рвались в воздухе, осыпая землю осколками. К счастью, механизм действия кассет не был безупречным. Часто либо они не успевали раскрываться в воздухе и зарывались в землю, либо не срабатывал часовой механизм «лягушек». И в том и в другом случаях партизаны радовались трофеям. Бомбы затем использовались как взрывчатый материал.

После усиленной «обработки» оборонительных рубежей алексеевцев с воздуха фашисты перешли в наступление. Они были уверены, что партизаны больше не способны к длительному сопротивлению. Однако из основательно разрушенных бомбардировками укреплений встретил карателей сильный, организованный огонь. Только после шестичасового боя алексеевцы оставили укрепления.

Много таких боев выдержали алексеевцы — у деревень Логии, Церковище, Малые Дольцы, Великие Дольцы. Каждый из них — славная страница в летописи боевых дел бригады «Алексея»¹. Те

¹ В данном случае автор занимается обобщением, не говоря конкретно, как шли бои за эти населенные пункты. К тому времени бригада Данукалова уже понесла значительные потери и оставляла один опорный пункт за другим. Это, кстати, опровергает и другое утверждение Лобан-

из местных жителей, кто помнит апрель 1944 года, не перестают восхищаться храбростью алексеевцев, их искусством маневрировать и наносить чувствительные удары по врагу в сложнейшей боевой обстановке. Во всем этом угадывались большой ум и железная воля одаренного партизанского вожака Алексея Федоровича Данукалова, чье имя еще при жизни стало синонимом мужества и беззаветной преданности Родине.

Стойкости алексеевцев дивились не только товарищи по оружию, но и враги. Не случайно предатель Каминский в своем приказе в связи с завершением экспедиции отмечает особенно ожесточенный характер боев на участке бригады Данукалова. Правда, фамилия Данукалова для него так и осталась неизвестной: в приказе комбриг именуется Алексеевым. Это свидетельствует не только о плохой организации разведки у врага, но и о блестящей постановке конспиративной службы у данукаловцев.

От деревень Ветче и Храменки до Великих Дольцов километров десять. А войска противника, несмотря на большой численный перевес, поддержку мотомеханизированных, артиллерийско-минометных и авиационных средств, продвигались вперед с такой малой скоростью, словно шел поединок примерно равных сил.

Данукалов был душой обороны на южном участке партизанской зоны. В эти дни мне много раз приходилось разговаривать с комбригом по телефону, встречаться с ним. Несмотря на очень тяжелое положение, я никогда не слышал жалоб на трудности. В руководстве боевыми действиями комбриг отличался личной храбростью, инициативой и находчивостью. Он своевременно разгадал замысел Каминского, пытавшегося на стыке Алексеевской и 1-й Антифашистской бригад пробить брешь, зайти им в тыл и развить

ка, что партизаны использовали тактику маневренной обороны. Речь идет о позиционных оборонительных боях, совершенно не характерных для партизанской тактики, и которые привели «народных мстителей» Полоцко-Лепельской зоны к большим потерям и ликвидации самой зоны. — *Примеч. ред.*

наступление¹. В кровешном аду огня, порохового дыма, взрывов партизаны продемонстрировали образцы стойкости.

И. Ф. Титков²

ИЗ КНИГИ «БРИГАДА «ЖЕЛЕЗНЯК»»

По признанию самих гитлеровских генералов, после того как Красная армия вплотную приблизилась к железным и шоссейным дорогам Полоцк — Витебск и Орша — Витебск и стала систематически наносить по ним удары, чем затрудняла пользование ими, у немцев остался единственный путь снабжения витебской группировки — шоссе Парафьяново — Докшицы — Березино — Лепель. Да и то было в руках партизан. В ходе карательной операции «Коттбус» фашистам так и не удалось восстановить его. Теперь оно приобрело жизненно важное значение для 3-й немецкой танковой армии.

Назревала новая операция. Уже в сентябре 1943 года выяснилось, что главным объектом наступления фашистов станет дорога Докшицы — Лепель. Это кратчайший путь — каких-нибудь 75—80 километров, чтобы связать железную дорогу Молодечно — Полоцк с Витебском. Связь Лепеля с Витебском, хотя и с перебоями, все же поддерживалась, главным образом по автомобильным дорогам. Теперь гитлеровцы планировали построить узкоколейный же-

¹ Именно на стыке бригад «Алексея» и 1-й Антифашистской соединение Каминского и пробило брешь в партизанской обороне. — *Примеч. ред.*

² Титков Иван Филиппович (1912—1982). В 1936 г. окончил военно-инженерное училище в Тамбове, в 1940 г. — инженерные курсы и Новосибирский строительный институт. В июне 1942 г. направлен в тыл противника. Один из руководителей партизанского движения на территории Минской области. В октябре 1942 — июле 1944 г. командир партизанской бригады «Железняк». Герой Советского Союза (1944). Работал в аппарате ЦК КПСС и органах госбезопасности. Публикуется по: *Титков И. Ф. Бригада «Железняк»*. 2-е изд. Минск: Беларусь, 1982. 270 с.

лезнодорожный путь от Парафьяново до Лепеля. Они уже завозили шпалы, рельсы и подвижный состав. Стянули свыше десяти тысяч рабочих военно-строительной организации «Тодт». Дошел до нас и сам план предстоящего наступления гитлеровцев. Они намечали силами своих регулярных войск и бригады предателя Каминского нанести со стороны Докшиц и Лепеля два встречных удара вдоль дороги, на узком фронте, и создать здесь сильный оборонительный рубеж для прикрытия коммуникаций.

В связи с этим мы просили представителей БШПД не снимать с дороги бригаду Гиль-Родионова. Но в ответ получили разъяснение, что обстановка вынуждает поступить иначе.

Наше положение усугублялось и тем, что три отряда своей бригады мы вынуждены были держать для прикрытия зоны со стороны Зембина и Плещениц.

В октябре — ноябре 1943 года гитлеровцы вели усиленную воздушную и наземную разведку в полосе дороги Докшицы — Лепель, а 5 декабря при поддержке самолетов, танков и артиллерии одновременно перешли в наступление. На этот раз они двигались исключительно вдоль дороги, на фронте пять-шесть километров, имея на флангах сильные заслоны. Враг просто таранил очаги сопротивления партизан и, пройдя два-три километра, тут же закреплял за собой захваченный участок магистрали: по обе стороны возводился сплошной деревоземляной забор в рост человека с амбразурами для ведения огня, устраивались проволочные и минные заграждения, вырубались леса, на высотах строились огневые точки и бункера для укрытия охраны. В тактике противника это было совершенно новое для нас. К тому же из-за отсутствия снарядов мы не могли использовать свою артиллерию, а без нее у нас не было другой возможности помешать фашистам тянуть за собой узкоколейку.

Со стороны Докшиц фашисты вели наступление силами 4-й авиаполевой дивизии и 13-го полицейского полка СС, с направления Лепеля — бригадой Каминского, 16-м мотополком, а затем ввели в бой 9-ю авиаполевую дивизию. Под ударами бригада «Же-

лезняк» (без трех своих отрядов) при защите дороги несла значительные потери. Особенно ожесточенные бои разгорелись у деревни Любово, на речке Мусковица и на докшицком направлении (в районе реки Поня). Лишь 11 января 1944 года гитлеровцам удалось овладеть дорогой, и сразу же они начали форсировать ее восстановление¹.

17 января по указанию БШПД группой партизанских бригад была проведена совместная операция с целью помешать противнику продолжать строительство магистрали. Три бригады Полоцко-Лепельской зоны действовали на участке Лепель — Березино. Привлекалась и бригада «Народные мстители» имени Воронянского. Бригада «Железняк» силами пяти отрядов и роты автоматчиков наносила удар по вражеским гарнизонам в населенных пунктах Пустоселье и Трамбин и у моста на реке Поня.

В ходе операции только бригада «Железняк» истребила 38 и ранила 62 вражеских солдата и офицера, захватила пленных и оружие. Хорошо действовали и остальные бригады. Но операция эта слишком запоздала, и дорога в конечном счете все же осталась в руках оккупантов.

Борьба за дорогу Докшицы — Лепель носила ожесточенный характер. Враг понес немалые потери. Но многих недосчитались

¹ В итоговой разведсводке ЦШПД за декабрь 1943 г. отмечалось: «В конце ноября командующим 3-й танковой армией генерал-полковником Рейнгардтом был издан приказ об очищении от партизан местности, прилегающей к грунтовым дорогам Лепель — Ушачи — Полоцк, Лепель — Пышно — Докшицы, Лепель — Бегомль. Выполняя этот приказ, в период с 9 по 28 декабря противник силою до 15 000 солдат и офицеров, поддержанных танками, артиллерией и авиацией, вел активные бои с партизанами. С 10 по 13 декабря немецкие части и до двух полков бригады Каминского при поддержке 70 танков и 21 самолета овладели Березино и дорогой Березино — Докшицы». Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Документы и материалы. М., 1999. Т. 20 (9). С. 436. — *Примеч. ред.*

и мы. Только при разгроме фашистского гарнизона в Пустоселье потеряли убитыми и ранеными 43 партизана...

Ф.Е. Шлык, П.С. Шопя¹

ИЗ КНИГИ «ВО ИМЯ РОДИНЫ»

О продвижении в направлении Чашник и Лепеля бригады предателя Каминского Дубровскому стало известно из радиограммы начальника Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко.

После разгрома немцев на Орловско-Курской дуге наша армия начала стремительное продвижение на запад. Под ударами наших войск бежали буквально все — от немцев до их прихвостней. Орловская область была накануне полного освобождения. Оттуда немцы и решили передвинуть дальше в свой тыл все подразделения предателей. Среди этого бегущего сброда оказался и Каминский².

Что это была за бригада Каминского, из кого она состояла? На рукавах мундиров у солдат и офицеров был белый круг, под которым желтым цветом написано: «РОНА» — «Российская освободительная народная армия». Под буквами у некоторых черный крест. На пилотках или кубанках — изображение черепа и костей. Таков был внешний вид солдат и офицеров РОНА.

Теперь о внутреннем мире тех, кто был одет в чужие серо-зеленые мундиры. Кто шел на службу к немцам? Предатели, уго-

¹ Ф.Е. Шлык и П.С. Шопя — участники партизанского движения на территории Витебской области. Воевали в составе партизанской бригады «Дубова» (Героя Советского Союза генерал-майора Федора Фомича Дубровского). Публикуется по: *Шлык Ф.Е., Шопя П.С. Во имя Родины*. Минск: Беларусь, 1971. 223 с.

² Эвакуация бригады прошла по намеченным планам. Из Локтя были эвакуированы не только части РОНА, но и 30 тыс. гражданских жителей, не пожелавших оставаться на территории бывшей автономии. — *Примеч. ред.*

ловники, обыватели, трусы¹. В бригаду Каминского первоначально принимали тех, кто люто ненавидел советскую власть. О солдатах и офицерах этой бригады можно судить по их командиру — Каминскому. До войны он работал на одном из ликеро-водочных заводов инженером-химиком. Был осужден на длительный срок. За что? За вредительство на производстве.

Но фашистам не так просто было регулярно пополнять редющие в боях с партизанами подразделения Каминского. Предателей, уголовников находилось все меньше и меньше. Тогда оккупанты прибегли к насильственной мобилизации. Повестки выслали молодежи 1921—1926 годов рождения. Применили систему заложничества. Расстреливали семьи тех, кто уклонялся от мобилизации.

И все же на призывные пункты, как правило, пошли люди безвольные, нерешительные. Поначалу к таким новобранцам гитлеровцы приставляли «старичков», которые зорко следили за ними до тех пор, пока новички не обгадяли свои руки кровью советских людей.

Бригада Каминского несла охрану железных и шоссейных дорог, охотилась за партизанами, грабила население.

Передвигая дальше от фронта бригаду Каминского, оккупанты попытались использовать ее для борьбы с партизанами на территории Сенненского, Бешенковичского, Чашникского, Лепельского и Ушачского районов, то есть по линии железной и шоссейной дорог от Орши и Витебска до Лепеля и дальше, в направлении Докшиц, на Крулевщину.

Маршрут движения бригады — с Московского шоссе на Черее, дальше на Лукомль, Чашники и, наконец, на Лепель. Белорусский штаб партизанского движения перед всеми партизанскими бригадами и отдельно действовавшими отрядами поставил задачу — принять все меры к тому, чтобы не давать возможности бригаде Каминского закрепиться на новом месте и развернуть боевые дей-

¹ Достаточно известное для партизанских мемуаров клише. На самом деле, в бригаду Каминского шли в основном бывшие «окруженцы», уголовного элемента в соединении почти не было. — *Примеч. ред.*

ствия против партизан. За подписью П.З. Калинина была передана радиограмма с изложением приказа начальника ЦШПД П.К. Пономаренко, в которой указывались общие задачи, а также конкретные — партизанским бригадам Чашникской, Лепельской, Сенненской, 1-й имени Заслонова, Сиротинской и «Смерть фашизму» развернуть активные боевые действия против каминцев, усилить работу по разложению этой бригады.

В конце августа 1943 года на территории Витебской области появились первые подразделения каминцев с техникой, обозами, семьями. Семьи каминцам разрешали брать с собой. Фашисты намеревались использовать их в качестве заложников¹.

Боевое и моральное состояние бригады Каминского было низким. Она разлагалась, несмотря на репрессии, систему слежки и доносов. Так, уже 26 августа направленные Каминским квартирьеры в полном составе (20 человек) перешли на сторону партизан, в бригаду имени Пономаренко.

В дальнейшем в ход боевых действий и в результате работы подпольщиков и связных только в сентябре на сторону партизан перешло свыше полутора тысяч «народников»². Готовился к переходу полк Тарасова. Но связной, посланный им в Сенненскую бригаду с поручением сообщить о готовности полка к переходу, по неопытности, возвратясь назад, громко доложил, что партизаны поддержат переход полка на их сторону. Этот доклад услышали немцы, находившиеся в то время в штабе за тонкой перегородкой. Тарасова и связного немедленно арестовали. Началось разоружение полка. Одному батальону все же удалось с боем уйти к партизанам.

Прилетевший к месту чрезвычайного происшествия Каминский организовал массовые расстрелы солдат и офицеров. В Сенно было расстреляно также 50 семей-заложников.

¹ Гражданские беженцы, следовавшие за бригадой Каминского в Белоруссию, никогда не были «заложниками». — *Примеч. ред.*

² Цифра очень сильно завышена. В сентябре 1943 г. к партизанам перешло около 500 человек. — *Примеч. ред.*

Партизаны встретили бригаду Каминского упорными боями. Они устраивали на пути движения ее многочисленные засады, взрывали мосты, перекапывали дороги, нападали на отдельные подразделения и обозы, ставили мины. Забегая вперед, можно сказать, что с момента прибытия бригады Каминского в Лепельский район по 15 октября 1943 года она потеряла в боях с партизанами более 500 человек убитыми и ранеными, большое количество автомашин, повозок, оружия, 10 танков¹.

Как же выполняла приказ Центрального штаба партизанского движения бригада «Дубова»? Весть о продвижении «народников» вызвала у партизан желание дать им достойный отпор.

— Встретим пулями! — говорили бойцы.

В штабе бригады состоялось совещание.

— Маршрут продвижения «народников» нам известен, — сказал Дубровский. — Все отряды — на дорогу Черее — Лукомль — Чашники. Пусть движутся под непрерывным огнем.

Первыми встретили «народников» бойцы третьего отряда. Они заняли оборону на одной из высоток. Время шло к осени. Кустарники стояли пожелтевшими, словно в золоте. Под ногами шелестела опавшая листва.

Партизаны заминировали в нескольких местах дорогу и стали ждать. Вдруг из Лукомля донесся рокот моторов, цокот копыт, стук колес. Вскоре показались две упряжки с боронами. Знакомая картина — мин бояться. За боронами следовала пешая и конная разведка, а за ней — основные силы.

¹ Авторы преувеличивают потери соединения Каминского. В частности, в операции «Хуберт», которая проводилась с 16 сентября до начала октября 1943 г., бригада РОНА уничтожила 562 партизана, 35 взяла в плен. Потери каминцев составили 34 убитыми, 61 ранеными, 30 пропали без вести. Во время боевых действий было захвачено 2 пистолета-пулемета МР-40, 13 ручных пулеметов, 5 противотанковых ружей, 4 самозарядных винтовки, 1 миномет, 139 винтовок, 3 револьвера, уничтожены два танка (Т-26 и БТ-7). Но при этом бригада РОНА потеряла: 2 ручных пулемета, 4 миномета, 6 пистолетов-пулеметов, одно орудие и два танка (Т-34 и БТ-7). — *Примеч. ред.*

Изготовившись, партизаны ждали. Вдруг взрыв, облако дыма, снова взрыв. Колонна остановилась. Каминцы растерялись — забыли взять запасных лошадей. Потом спешились разведчики, впрягли своих лошадей в бороны, и обоз двинулся. «Народники» цепочкой шли по кювету.

— Ах, черт, не догадались здесь поставить мины, — огорчился Дубровский, наблюдая за дорогой со своего командного пункта.

Голова колонны поравнялась с высотой, на которой засели партизаны. Там тишина, никакого движения.

— Чего ждать? — волновались партизаны. — Голову колонны далеко пропускать нельзя.

Время шло, а приказа открывать огонь не было. Наконец послышалась команда. И сразу же заработали все пулеметы партизан.

Колонна противника смешалась, солдаты бросились врассыпную, залегли в кюветах, на дороге. А партизаны били и били. Командир отделения Василий Силантьев и боец Семен Лисовский выскочили на дорогу и начали стрелять вдоль нее. «Народники» понесли большие потери, но все же пробились вперед.

Однако дальше, у Парневки и Почаевич, их ждал первый отряд. Как только обоз поравнялся с засадой, по нему открыли огонь пулеметчики Василий Шамшура и Михаил Русанов, бойцы взвода Ивана Притулы. Длинной очередью пулеметчик Павел Шараг провел по середине обоза. Потом повторил это Петр Шараг, Усович. На дороге паника, стоны, крики.

— Надо отрезать обоз, — предложил Сафонов комиссару отряда Петру Мурасину, который только что сменил на этой должности Карабаня.

Мурасин и начальник штаба Дмитрий Косяк со взводом Ивана Притулы, пулеметными расчетами Михаила Русанова и Федора Поляченко выдвинулись на высотку в полутора километрах от деревни Почаевичи. Оттуда они нанесли такой удар, что «народники» вынуждены были спешно занять оборону. Тогда Мурасин повел взвод в атаку. Но с фланга мешал продвижению вперед пулемет противника. Николай Кондаков пробрался на другую высотку

и дал три очереди по вражескому расчету. Пулемет замолк. Партизаны поднялись в атаку. Они уже перепрыгивали через заборы, бежали огородами в деревню.

— Товарищ комиссар! — закричал Петр Коряга. — Товарищ комиссар! Смотрите, легковая машина.

— Обойти и уничтожить! — приказал Мурасин бойцам.

Взвод, разделившись на две части, стал обходить ее с флангов. Машина стала разворачиваться. Но пулеметчик Михаил Русанов дал по ней очередь, вторую. Посыпались на землю куски стекла, пассажиры вывалились и залегли в кювете. Из противоположной стороны к машине подбежали братья Кошеваровы. Они взяли трофеи и собрались уходить, как подбежал Иван Гуцель.

— Надо взорвать ее. — И он выхватил из-под ремня противотанковую гранату.

Партизаны отбежали, а Иван бросил гранату под машину. Тугой взрыв — и обломки полетели в разные стороны.

«Народники» успели развернуть пушки и прямой наводкой открыть огонь по партизанам. Политрук Гаврилов, пулеметчик Кондаков, бойцы Федор Ковнурко, Михаил Опанасенок, Федор Долиденко, Виктор Белоков, Николай Садовский, Карчевский по кустам зашли артиллерийскому расчету в тыл и уничтожили его.

Но и здесь, несмотря на большие потери, часть «народников» прорвалась. Они в беспорядке спешно двигались к Чашникам. На их пути оказался четвертый отряд. Бойцы взвода Федора Нестерцева дружно нанесли удар по врагу. Пулеметчик Михаил Богрец убил четырех солдат. Подбили легковую машину. Видя, что враг в замешательстве, Нестерцов поднял взвод в атаку. Немногим удалось прорваться в Чашники.

Дальше «народники» не пошли. Поняли, что без артиллерии, танков им не пробиться. Стали подтягивать подкрепления.

12 сентября немцы и «народники», общей численностью свыше тысячи человек, при поддержке четырех танков, трех танкеток, нескольких пушек и минометов предприняли наступление на отряды бригады. Цель — оттеснить партизан от дороги и тем самым соз-

дать свободный, безопасный путь для продвижения бригады Каминского. Наступление велось с двух направлений: из Лукомля на запад и северо-запад и из Чашник на юго-запад, в район деревень Невгодово, Кушнеровка.

Четвертый отряд занял позиции около деревни Невгодово. После артиллерийской подготовки противник перешел в наступление. Впереди два танка. На боргах машин видны линии фашистских крестов. На горке, у самой деревни, расположились бронебойщики Григорий Калитуха и Анатолий Борейша. Сто метров отделяют танк от дзота.

— По танкам, огонь! — скомандовал начальник штаба Сергей Кисельков.

Григорий выстрелил, потом второй раз. Машина остановилась. Видимо, танкисты искали огневую точку партизан. Танк минуту поводил стволом пушки. Вдруг из ствола вырвалось пламя, и амбразуру заволочло пылью и дымом. Несколько секунд ничего не было видно. Взревел мотор, и танк снова пополз вперед, строча из пулеметов. Бронебойщики били и били по нему. Вот, наконец, танк вздрогнул и остановился. Подбит. Следовавшая за ним пехота залегла. Началась перестрелка.

Второй танк и пехота при поддержке артиллерии и минометов теснили правый фланг отряда. От зажигательных пуль загорелось несколько домов. Дым закрыл горизонт. Впереди ничего не видно. А мины и снаряды падают и падают, в воздухе разлетаются осколки. Ранена секретарь Чашникского райкома комсомола, помощник комиссара бригады по комсомолу Екатерина Захаваева. Но Оля (подпольная кличка Захаваевой) осталась в строю, продолжая вместе со всеми отбивать атаки фашистов...

...Больше недели шли тяжелые бои. Партизаны отбивали все атаки фашистов. Тогда под покровом темноты противник подбросил новые подкрепления. Они с ходу были брошены в бой. Силы явно неравные. Оценив обстановку, Дубровский отдал приказ отойти.

Противнику ценой огромных потерь удалось наконец оттеснить отряды от шоссе. И сразу же в деревнях, расположенных вдоль дороги, стали появляться новые гарнизоны...

Что ждет партизан этой весной? По всему было видно, что дни хозяйничанья оккупантов сочтены. Фронт близок, за Витебском ночью слышны оружейные раскаты. Но партизаны не предполагали, какие еще тяжкие испытания им предстоит перенести. Центральный комитет Белоруссии и штаб партизанского движения предупреждали: будьте внимательны, осторожны, немцы предпримут все, чтобы ликвидировать партизанские бригады, расчистить себе дорогу для отступления. В то же время перед партизанами ставилась задача — перерезать все коммуникации, не дать фашистам безнаказанно уйти.

В штабе бригады по этому поводу состоялось совещание. Дубровскому было что слушать, было о чем говорить. В заключение он сказал Маркевичу:

— На тебя надежда. Разведчики — глаза и уши бригады. Но только смотрите — не проморгайте.

— Постараемся, — ответил Сергей.

Еще раньше Маркевич установил связь с майором Борисом Краснощековым¹, начальником разведотдела бригады Каминского. Чтобы знать намерения врага, надо было проникнуть в его логово, иметь там человека, у которого ключи от секретных сейфов. Но как подойти к Краснощекову?

Долго раздумывал над этим Сергей Васильевич. Иногда говорят, хороший руководитель тот, у кого есть толковые помощники. Таким помощником у Маркевича был Николай Васильев. Он предложил послать в Лепель партизанскую связную Любовь Парахонько с заданием — сделать так, чтобы ее задержали разведчики Краснощекова. Допрашивать ее будет в конце концов сам начальник. После длительного препирательства Парахонько должна сознаться, что она связная партизан. Узнав это, Краснощеков сделает одно из двух: или

¹ В то время разведку бригады Каминского возглавлял майор Б.А. Костенко. Факты, которые приводят авторы, вызывают немало сомнений. С другой стороны, можно допустить, что начальник разведотдела РОНА вел с разведкой партизанской бригады «Дубова» оперативную игру. — *Примеч. ред.*

расстреляет ее, или попытается завербовать. Скорее всего, пойдет по второму пути: гитлеровцам позарез нужен свой человек в партизанах. Парахонько должна согласиться «работать» на фашистов. Таким образом, она войдет в доверие к Краснощекову. Как потом заставить его работать на партизан, можно подумать позже.

План сложный и необычайно рискованный. Любовь Парахонько согласилась пойти на выполнение этого задания.

После подробного инструктажа Любовь Павловна отправилась в Лепель. Это была выдержанная, спокойная и даже несколько медлительная, но необычайно смелая женщина. В восемь часов утра она вошла в город, а в десятом часу ее арестовали у самого здания разведотдела РОНА.

На следующий день под вечер она вернулась назад и рассказала, как все было. Краснощеков обрадовался, когда она призналась, что в Лепель ее послали партизаны бригады «Дубова». Тут же завербовал ее и освободил из тюрьмы. Парахонько время от времени приходила к Краснощекову и приносила кое-какие сведения о партизанах.

Вскоре Краснощеков попросил Парахонько познакомить его с заместителем комбрига по разведке Маркевичем. Сергей Васильевич согласился, предварительно написав Краснощекову письмо с перечислением больших услуг, якобы сделанных им для партизан.

— Чтобы отрезать начальнику разведотдела все пути для отступления, — объяснял Маркевич Васильеву, — если он вдруг вздумает финтить. Только за одно письмо подобного содержания гитлеровцы повесят кого угодно.

Встреча Маркевича с Краснощековым состоялась недалеко от деревни Малое Жежлино. Деревня расположена у подножия высокого холма, с вершины которого открывается вид на Лепель. Хорошо просматриваются и окрестности. Северная околица деревни примыкает к густому хвойному лесу. На его опушке и встретились два разведчика.

Маркевича сопровождали Звонов и Васильев. За кучера в сани сел Сергей Гордеев. В лесу находились партизаны на случай какой-либо неожиданности.

Краснощеков приехал с тремя офицерами. Они остались со Звоновым, Васильевым и Гордеевым, а Маркевич с начальником разведотдела отошли в сторону.

— Я к вашим услугам, — начал Краснощеков.

Он кратко рассказал о положении в гарнизоне, сообщил, какие изменения ожидаются в ближайшее время, ответил на вопросы. В заключение спросил:

— В чем больше всего нуждается бригада?

— В боеприпасах.

— Постараюсь помочь. Когда и где, сообщу через связную.

Краснощеков пообещал информировать Маркевича обо всех изменениях, которые будут происходить в районе дислокации бригады Каминского.

Он оказался хозяином своего слова. Через некоторое время в немецком гарнизоне Лукомль понадобились боеприпасы. В деревнях, расположенных вокруг Чапник, оккупационные власти мобилизовали 50 подвод и направили их на разъезд 116-й километр. Там находились склады. Нагрузив подводы ящиками со снарядами и патронами, ездовые поехали в сторону Лукомля. Но в десяти километрах от него на обоз «напали» партизаны и заставили подводчиков повернуть на Ляховичи. Через Волосовичи обоз прибыл на базу партизанской бригады в район Воловой Горы.

Дело рук Краснощекова не только эта операция. От него Маркевич узнавал о замыслах противника, численном составе и вооружении фашистских частей, их передвижении.

Теперь, когда обстановка осложнилась, Маркевич решил встретиться с Краснощековым. Тот сообщил — в разведотделе недавно узнали, что в штабе 3-й танковой армии Рейнгардта планируется широкое наступление на партизан. Краснощеков изложил содержание плана в общих чертах. Маркевич попросил копию приказа.

— Он пока в разведотдел не поступал, — ответил Краснощеков.

— Как бы его все-таки заиметь, — стоял на своем Маркевич.

— Постараюсь. Дайте неделю срока.

Через неделю они встретились снова. Краснощекоев передал Маркевичу папку.

— Здесь приказ генерал-полковника Рейнгардта, — сказал он.

Краснощекоев торопился. Он даже не рассказал, как ему удалось достать этот документ.

— Время горячее. Некогда. У вас в руках все, — повторил он.

В апреле—мае немцы планировали провести карательную экспедицию против партизан Полоцко-Лепельской зоны. Этой операции они придавали исключительно важное значение. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что в экспедицию намечалось послать шесть дивизий регулярных войск, 15 эсэсовских и полицейских полков общей численностью более 60 тысяч человек. Кроме того, против партизан намечалось бросить 137 танков, 235 орудий, до 75 самолетов...¹

Р.Н. Мачульский²

ИЗ КНИГИ «ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ»

Центральный Комитет КП(б)Б и Белорусский штаб партизанского движения проанализировали ход недавней карательной операции противника под названием «Праздник весны», оцени-

¹ Речь идет о проведении в тылу 3-й танковой армии антипартизанских операций «Морозящий дождь», «Ливень» и «Весенний праздник». — *Примеч. ред.*

² Мачульский Роман Наумович. В 1937 г. окончил Высшую школу пропагандистов при ЦК КП Белоруссии. Был секретарем Гресского, Червенского, первым секретарем Плещеницкого райкомов партии Минской области. В годы войны — один из руководителей коммунистического подполья и партизанского движения на территории Минской и Полесской области. Был уполномоченным ЦК КП Белоруссии, секретарем Минского подпольного обкома партии, командиром Минского партизанского соединения, партизанского соединения Борисовско-Бегомльской зоны. Герой Советского Союза (1944). Публикуется по: *Мачульский Р.Н. Вечный огонь. Партизанские записки. Издание 3-е. Минск: «Беларусь», 1978. 446 с.*

ли развивающиеся события и предупредили штабы партизанских соединений, бригад и отрядов о необходимости быть готовыми к отражению новых атак гитлеровских войск. Партизанские формирования в прифронтовой полосе — это нож в спину противника. Гитлеровское командование прекрасно понимало: чтобы успешно отражать наступление советских войск, надо в первую очередь отвести от своей спины партизанский нож.

Бригады и отряды Борисовско-Бегомльской зоны были приведены в состояние наивысшей боевой готовности. Партизаны и местное население возводили и совершенствовали оборонительные укрепления вдоль внешних рубежей зоны и вокруг населенных пунктов. К нам прибывали самолеты с оружием, боеприпасами и медикаментами. В отрядах шла боевая учеба, велась ближняя и дальняя разведка. В соединении значительно увеличилось число диверсионно-подрывных групп. Коменданты деревень усилили обучение военному делу местных жителей, состоящих в отрядах самообороны.

В начале мая штабу соединения стало известно, что противник начал подтягивать мощные силы и готовиться к карательной экспедиции против партизан Борисовско-Бегомльской зоны. Руководство боевыми действиями в этой экспедиции было возложено на группенфюрера СС гауляйтера Белоруссии Гогтберга. Уже одно это назначение давало нам все основания думать, что фашисты собираются провести операцию невиданных до сих пор размеров. Эту операцию оккупанты назвали «Корморан».

Для карательной экспедиции было привлечено несколько дивизий из резерва группы армий «Центр», дивизия бомбардировочной авиации 6-го воздушного флота, танковые и артиллерийско-минометные части, эсэсовские подразделения, 24, 25, 31, 32 и 36-й охранные полки, бригада предателя Каминского, несколько подразделений СД минского и других гарнизонов — всего более 80 тысяч солдат и офицеров. Противник занял сплошную линию обороны вдоль границы нашей зоны — по дорогам Лепель — Борисов, Борисов — Смолевичи — деревня Слобода, деревня Слобо-

да — Радошковичи — Красное, Красное — Илия — Долгиново — Докшицы, Докшицы — Лепель. Фашисты усиленно укрепляли эти рубежи, рассматривая их как плацдарм для наступления.

Командованием зоны было создано совещание командиров и комиссаров бригад и отрядов, на котором тщательно обсудили тактику боевых действий в складывающейся обстановке и приняли соответствующее решение. Оно требовало:

1. Держать отряды и бригады в состоянии постоянной готовности к обороне и отражению атак противника.

2. Подчинить на время штабу соединения бригады и отряды, прибывшие из других зон, и организовать с ними совместную борьбу против карателей по единому плану.

3. Непрерывно, днем и ночью, совершенствовать рубежи обороны.

4. Обязать районные комитеты партии и комсомола усилить массово-политическую работу среди населения с тем, чтобы как можно быстрее, до начала вражеской карательной экспедиции, закончить весенний сев...

5. Усилить диверсионно-подрывную работу на железных дорогах и автомагистралях.

6. Потребовать от командиров отрядов и бригад вести бои так, чтобы как можно дольше продержаться на первом рубеже обороны. Оборона не должна быть пассивной. Отряды и бригады обязаны активно выискивать наиболее слабые места в боевых порядках противника, наносить неожиданные удары по врагу, совершая смелые и дерзкие маневры.

7. Если карателям удастся углубиться в партизанскую зону, отряды и бригады по согласованию со штабом соединения прорываются в тыл действующей группировки противника и продолжают там упорную, настойчивую и инициативную борьбу.

О готовящейся карательной экспедиции узнали все партизаны и жители зоны. Мы не скрывали правды от бойцов и местных жителей, говорили им, что противник сосредоточил вокруг зоны огромные силы и преследует чудовищные цели — уничтожить партизан,

сжечь и сровнять с землей все деревни зоны и зверски расправиться с населением. Вместе с начальником штаба Н.К. Садовским я побывал в бригадах и многих деревнях. Нам понравилось, что люди всюду оставались на местах. Партизаны укрепляли оборону, крестьяне вели сев.

— Будем сражаться с врагом до последнего дыхания, — заверили нас партизаны. — Чем больше гитлеровцев останется в нашей зоне, тем меньше их будет на фронте. А это ускорит победу.

О непоколебимой силе духа нашего народа говорил и тот факт, что в мае значительно увеличился приток заявлений о приеме в партию. Каждое такое заявление звучало как клятва на верность Родине, как выражение горячего патриотического стремления отдать не только свои силы, но, если понадобится, то и жизнь за великое дело партии, за победу над врагом.

Партизанская зона жила боевой, полнокровной жизнью.

Наступило утро 22 мая 1944 года. Красноватые лучи солнца скользнули по верхушкам деревьев. В низинах курился серый туман. На переднем крае стояла тишина. Вдруг тяжелый гул потряс воздух — это ударили немецкие пушки и минометы. По всей линии Радошковичи — Красное — Илия — Вилейка — Долгиново — Докшицы загрохотали огненные взрывы. Артиллерийская подготовка продолжалась больше часа. Вскоре перед окопами партизан появились густые цепи противника. Немецкое командование бросило против бригад «Штурмовая», имени Фрунзе, «Большевик», «Народные мстители», имени Кутузова, «Железняк» большие силы. На некоторых участках каратели шли в психическую атаку.

Но позиции партизан словно вымерли: ни одного выстрела по противнику. Чем ближе каратели подходили к окопам, тем неувереннее был их шаг. Идти на молчащего противника непросто, нужны ох какие нервы!

Но еще крепче они должны быть у наших бойцов. Партизаны открыли огонь по команде, в упор, на дальность прямого автоматного выстрела. Свинцовый ливень сбил передние цепи, прижал их к земле. Несколько раз фашисты поднимались в атаку, но пар-

тизаны отбрасывали их на исходные рубежи. Враг снова начинал артиллерийскую подготовку, снова поднимал с аэродромов самолеты. Народные мстители словно вросли в землю — ни на одном участке не отступили ни на шаг.

Только на третий день, после ввода в бой свежих резервов, катателям удалось потеснить бригады «Штурмовая», имени Фрунзе, «Большевик» и имени Кутузова. Партизаны вынуждены были отойти на вторые оборонительные позиции. В связи с отходом кутузовцев открылся правый фланг бригады «Народные мстители», поэтому и она вынуждена была отойти на новый рубеж. Противник усилил нажим на позиции, занимаемые бригадой «Железняк». «Железняковцы» выдерживали интенсивные артиллерийские и воздушные налеты, отражали яростные атаки вражеской пехоты. Партизаны нередко сами переходили в контратаки. Пленные рассказывали, что противник несет большие потери. Однако натиск его возрастал, в бой вводились все новые подкрепления. Партизаны бригады «Железняк» по-прежнему занимали свои позиции на первом рубеже обороны; они оставили их лишь после десяти дней боев.

К началу июня противник значительно потеснил на восток бригады «Штурмовая», имени Фрунзе и «Большевик» и овладел шоссе Минск — Логойск — Плещеницы. Кольцо блокады сжималось. Ни в коем случае нельзя было допускать скапливания в этом кольце всех бригад. Требовалось заставить противника расконцентрировать свои силы, навязывать ему бои не только по фронту, но на флангах и в тылу. Командирам бригад «Штурмовая», имени Фрунзе и «Большевик» было приказано прорвать фронт противника, выйти в его тылы и там, за внешним кольцом блокады, нападать на врага, совершая смелые маневры.

Утром 2 июня партизаны этих бригад стали сосредотачиваться для прорыва в районе деревни Среднее. Но случилось так, что их обнаружила вражеская авиация, которая почти весь день бомбила партизанские отряды. В сумерках на наших бойцов наткнулся немецкий разведотряд численностью до двухсот человек. Парти-

заны, подпустив противника на близкое расстояние, внезапным пулеметно-автоматным огнем нанесли ему большой урон. Уцелевшие гитлеровцы отошли назад, к шоссе, вдоль которого проходила первая линия их оборонительных сооружений.

Чтобы не упустить время, командование группы прорыва решило ворваться на позиции противника, взломать его оборону и выйти из кольца окружения. В воздух взвилась сигнальная ракета. Завязался жестокий бой, продолжавшийся почти всю ночь.

В охваченном огнем лесу непрерывно гремело партизанское «ура-а!». Бойцы врывались во вражеские окопы, уничтожая врага прикладами и кинжалами. Вся территория вдоль шоссе Логойск — Плещеницы была усеяна трупами людей, лошадей, разбитыми повозками. Часть партизан, прорвав кольцо окружения, вышла в свои районы, а часть вынуждена была отойти.

5 июня гитлеровцы заняли дорогу Плещеницы — Бегомль.

6 июня я встретился в деревне Горелое Бегомльского района с командирами и комиссарами бригад «Народные мстители» и «Железняк». Нам стало известно, что каратели произвели перегруппировку своих наступающих частей и в связи с этим несколько ослаб их фронт в районе лесного массива северо-восточнее деревень Жердяжье и Околово. Здесь я приказал 7 июня нанести удар по врагу и выйти из окружения. В ночь на 8 июня бригады и спецотряд А. Иванова сосредоточились в указанном направлении и решительной атакой смяли врага, обеспечив себе проходы в его позициях. Бригада «Железняк» вышла в лесной массив Кромовичи — Великое Поле — Жамойск, а бригада «Народные мстители» — на свои прежние базы в Плещеницком районе. Эти бригады, действуя в тылу карателей, на время отвлекли на себя часть сил противника.

10 июня противник нанес удар по позициям бригады «Смерть фашизму». К исходу дня карателям удалось несколько потеснить партизан, которые ночью отошли в район деревень Заречье, Чемки, Мостище. Немецкое командование подбросило сюда несколько новых частей, пытаясь зажать бригаду в устье рек Цны и Гайны. Но

маневр врага был своевременно разгадан, и бригада избежала нового удара, рассчитанного на окружение партизан на узком пятачке и их полный разгром.

Вскоре каратели перешли в наступление со всех направлений и начали теснить бригады в болота, расположенные возле озера Палик. Выход у нас был только один: прорыв блокады. Так именно и был поставлен вопрос на коротком совещании командного и политического состава 12 июня.

— В паликские болота нам отступать нельзя, — высказал я свое мнение. — Противник намного сильнее нас и способен причинить партизанам огромный урон. Надо пробиваться в свои прежние районы, этим мы сведем на нет усилия карателей...

Первыми подготовились к прорыву блокады бригады имени Калинина, «Смерть фашизму» и приданные им отряды из бригад «Большевик» и «Штурмовая». Они подошли к месту прорыва — гнутским лесам, но были обнаружены противником и отброшены за реку Березину. Лишь отряду имени Чкалова во главе с Г.А. Щемелевым и несколькими группам партизан бригады «Большевик» удалось прорваться в тыл врага. Об ожесточенности этих боев свидетельствует тот факт, что партизаны целыми взводами бросались на станковые пулеметы врага; многие бойцы гибли, но зато давали возможность выйти из кольца блокады другим.

15 июня на прорыв в районе деревень Маковье и Холмовка были брошены партизаны бригад имени Калинина и имени Кутузова, оставшиеся части бригад «Большевик», имени Фрунзе, «Смерть фашизму», отряды Золотаря, Скоробогатого и другие. Народные мстители, понеся значительные потери, вырвались за внешний обвод блокады.

В плотном кольце окружения оставались бригады «Дяди Коли», имени Кирова, имени Пономаренко, два отряда бригады «Смерть фашизму» и несколько бригад, прибывших ранее в нашу зону из Полоцко-Лепельской и Оршанско-Сенненской зон. С этими силами оставался и штаб соединения.

Противник усилил нажим, пытаясь во что бы то ни стало захватить Селецкую Греблю — дорогу, ведущую через болотистые места к центру партизанских баз у озера Палик. Высотки возле этой дороги оборонял отряд «Буря», которым командовал смелый и хладнокровный командир майор Федор Феденко. В течение пяти дней гитлеровцы десять раз атаковали позиции партизан и каждый раз откатывались назад. Народных мстителей, укрывшихся в траншеях, бомбили самолеты, обстреливали орудия и минометы, атаковали танки. Но бойцы упорно защищали важные высотки. Бронбойщик Сергеев подбил танк. Тяжело раненный партизан Лука отказался эвакуироваться в санитарную часть и продолжал вести огонь по врагу. Бойцы Тарасов и Немов первыми поднимались в контратаку и в рукопашной схватке действовали как настоящие богатыри, увлекая своим примером товарищей. Возле партизанских окопов виднелись почерневшие подбитые фашистские танки, автомашины, повозки. Отряд «Буря» покинул позиции по приказу командира бригады Лопатина. Однако каратели еще несколько часов продолжали бомбить и обстреливать высоты, полагая, что там находятся партизаны.

16 июня все наши бригады были оттеснены в болото, что примыкало к озеру Палик. Мы занимали участок радиусом в шесть-семь километров, причем и эта незначительная территория была рассечена противником на части по реке Березине.

Противник, окруживший болото, сильно укрепился на его берегах. Всюду были расставлены пулеметные точки, вырыты окопы для автоматчиков, оборудованы артиллерийские и минометные огневые позиции. Враг готовился к последнему удару.

Самолеты забрасывали нас листовками. Партизанам предлагалось сдаться в плен.

Среди наших бойцов не нашлось ни одного труса и маловера. Народные мстители поклялись сражаться с врагом до последнего вдоха...

Часть вторая

ВОСПОМИНАНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ

М.С. Бобров¹

ИЗ СТАТЬИ «СТРАШНОЕ БЕЗМОЛВИЕ РОССИИ»

...Другая судьба постигла формирования, возникшие в глубине Брянских лесов, в Локотском округе. В самом начале войны в этот округ явился инженер Воскобойников [так в тексте. — *Примеч. ред.*], бывший в заключении в одном из западных полит-изоляторов, захваченных немцами при наступлении. Воскобойников был давний убежденный враг коммунистического режима. Много лет он провел в ссылках, на принудительных работах, в тюрьмах. Однако это не сломило его воли к борьбе, и, когда он неожиданно получил свободу, он пошел в народ, чтобы помочь народу найти правильный путь. В глубине Брянских лесов, вдалеке от железной дороги и от

¹ Михаил Бобров (наст. имя — Голубовский Михаил Степанович; род. в 1908 г. на Северном Кавказе). Окончил исторический факультет Московского университета. В 1930-е гг. — журналист, литератор, сотрудник газет «Труд», «Известия». Летом 1941 г. попал в немецкий плен, сотрудничал в органах германской пропаганды, в коллаборационистских изданиях, редактор газеты «Новый путь» (Бобруйск). Награжден несколькими медалями «Для восточных народов». Принимал активное участие в деятельности Национал-социалистической трудовой партии России. После войны эмигрировал во Францию. Под псевдонимом «Михаил Соловьев» занимался публицистической и литературно-критической деятельностью. Публикуется по: *Бобров М.* Страшное безмолвие России / «Возрождение» (Париж). 1949. № 6. С. 130—132.

важных стратегических путей, лежит Локотский район, округ с 35 тысячами населения. Сюда в 41 году и пришел Воскобойников. Прекрасный организатор, человек большой душевной чистоты, Воскобойников сразу же завоевал симпатии населения. По его предложению округ был объявлен самоуправляющимся, независимым от воюющих сторон. Немецкое командование, которое было заинтересовано в сохранении спокойствия в своем тылу, охотно согласилось и признало этот округ. Началось восстановление жизни округа на новых основах. Колхозы были объявлены собственностью крестьян. Как и во всех других местах, стремление населения к новому строю жизни воплотилось в установлении демократических порядков на своей земле. В селах выбирались старшины, суд был тоже выборным, основные хозяйственные и иные вопросы решались самим населением.

Воскобойников понимал, что округ будет нуждаться в защите, и по его инициативе была предпринята попытка организации вооруженной силы. Сначала это был отряд лишь из 50 человек, вооруженных винтовками старого образца. На каждую винтовку приходилось по 10 патронов. В отряд на добровольных началах шла сельская молодежь, среди которой было немало бывших комсомольцев и даже членов компартии. Антибольшевики из Локотского округа объявили отказ от места по отношению к коммунистам, если они будут лояльны по отношению к новым порядкам. И они не ошиблись. В отряде самообороны и на выборных общественных должностях было немало бывших коммунистов, ставших убежденными антикоммунистами.

В Москве понимали значение опыта, предпринятого Воскобойниковым в Брянских лесах. Там учитывали, что симпатии населения находятся на стороне Воскобойникова и его сторонников. Надо было помешать создать в маленьком размере антибольшевистское государство. В 42 году в округ был брошен большой десант советских войск. Население, подня-

тое Воскобойниковым, отчаянно защищалось и в конце концов отбило свой округ, отбросивши десант дальше в леса. Но в одном из боев погиб Воскобойников, и после этого события в округе повернулись иначе. В результате прошедших выборов во главе округа и отряда самообороны стал инженер Каминский. Еще до войны он жил в этом округе, работал на местном спирто-водочном заводе и ничем особенным себя не проявил. При Воскобойникове он выдвинулся не столько мужеством и деловитостью, сколько хитростью.

Став во главе округа, Каминский поставил себе иную задачу. Он не верил в возможность в маленьком округе сделать большое дело. Ему была необходима поддержка немцев, и он стал искать ее. Вскоре отряд, созданный Воскобойниковым, был перевооружен и назван «РОНА» — Русская Освободительная Народная Армия. Каминский сам ездил по лагерям военнопленных и подбирал кадры для своего отряда. Странно, что больше всего его симпатии склонялись к людям с сомнительным прошлым, достаточно беспринципным и готовым следовать за ним, если это обещает им личные выгоды. Такими людьми окружил себя Каминский, но все же не они являлись определяющей силой. Отряд разрастался за счет местного населения и бывших партизан, переходивших в него в знак своего нежелания защищать Сталина. В основном это была молодежь. Вскоре отряд насчитывал уже около 5000 солдат. В начале 43 г., когда наметилось отступление немцев, отряд был передвинут на запад, в район Лепеля. С помощью Каминского немцы подчинили себе этот отряд и стали использовать его для борьбы против партизан. Вскоре отряд получил название «Русская дивизия СС», чему Каминский не только не сопротивлялся, но был рад, получив генерала войск СС и личную награду Гитлера.

Так из замечательного начинания Воскобойникова и его друзей, политических узников большевизма, родилась «русская ди-

визия СС», так люди с нечистой совестью и грязными руками воспользовались антибольшевистским порывом народа.

«Дружина» Гиль-Родионова должна была попасть на службу к Сталину, отряд Воскобойникова — на службу к Гитлеру. Но и Гиль-Родионов и Каминский разделили общую судьбу.

В 1944 году Каминский дал немцам согласие участвовать в подавлении восстания в Варшаве. Несмотря на все возражения со стороны старших командиров дивизии, он не изменил своему слову. Но когда выяснилось, что дивизия может отказать подчиниться ему, так как никакой вражды к варшавским повстанцам у русских солдат и офицеров не было и они считали невозможным для себя принимать участие в разгроме восставших, Каминский объявил, что из всех полков дивизии в Варшаву будут взяты только добровольцы. Таких тоже набралось некоторое количество, главным образом из числа тех, кого подбирал сам Каминский. Был сформирован свободный полк, который под командой полковника Ф. [имеется в виду Фролов. — *Примеч. ред.*] вошел в Варшаву и открыл боевые действия против повстанцев. Этим Каминский подписал себе смертный приговор. На пути из Варшавы к Ратибору, где располагалась дивизия, он был убит. Как погиб Каминский — об этом никто не узнал. На дороге была найдена его машина, забрызганная кровью. Вместе с ним погибли шофер и начальник штаба. Трупы исчезли неизвестно куда. Немцы предприняли следствие, но, действительно, не осталось никаких следов, которые позволили бы разгадать загадку исчезновения. Впоследствии эта загадка разъясниться, здесь же уместно будет сказать, что наряду с дружиной Гиль-Родионова, дивизией Каминского, многими другими начинаниями и замыслами, возникла в то время еще одна сила, которая оказалась способной продолжать борьбу даже в самых трудных условиях. Сила эта была вызвана к жизни великим отчаянием и великой болью за свой народ, попавший между гитлеровским молотом и сталинской наковальной...

Б.П. Башилов¹

ПРАВДА О БРИГАДЕ КАМИНСКОГО

О существовании РОНА я узнал в 1942 году весной, когда был выпущен немцами из лагеря военнопленных и отправлен работать в пропаганду «Б». Пропаганда «Б» — главный орган немецкой военной пропаганды на центральном участке Восточного фронта. По замыслам немцев, пропаганда «Б» после взятия Москвы должна была заменить собой центральные органы большевистской пропаганды. Кроме меня в пропаганде «Б» работал С. Максимов, автор «Дениса Бушуева», Р. Березов и целый ряд других лиц.

В Смоленске находился полномочный представитель Исполбюро НТС Георгий Сергеевич Околович. До войны он одно время проживал в Варшаве и сотрудничал с польской разведкой в деле переброски членов НТС на территорию России. Околович и сам нелегально пробрался в Россию и жил одно время в том же самом городе, что и я. Околович весной 1942 года принял меня в члены НТС, и я стал выполнять различные задания в целях пропаганды «идеологии» НТС.

Я вступил в НТС без особого увлечения этой идеологией, т.к. я понимал, что никакой идеологии нет. Мой подход к НТС и к его руководству можно охарактеризовать поговоркой: «На безрыбье и рак рыба». Но все рушилось, надо было как-то работать, и я вступил в НТС.

¹ Башилов Борис (наст. — Борис Платонович Юркевич; 1908—1970) публицист, писатель. Начал печататься с 1924 г., опубликовал несколько книг, сотрудничал в ряде советских газет. С началом войны призван в РККА, попал в плен под Вязьмой в октябре 1941 г. Вступил в ряды Бригады Каминского. После окончания войны жил в Мюнхене, принимал участие в деятельности Народно-трудового союза, работал секретарем издательства «Посев», состоял членом Суворовского союза генерала Б.А. Хольмстон-Смысловского. В 1948 г. порвал с НТС и переехал в Аргентину. Работал в газете «Наша страна». Статья публикуется по: *Башилов Б. Правда о бригаде Каминского / «Наша страна»* (Буэнос-Айрес), 13 декабря 1952, № 152. С. 3, 6.

В то время в Смоленске носились слухи, что в Брянских лесах, вокруг поселка Локоть, русским националистом Воскобойником созданы вооруженные силы и независимая от немцев власть на довольно значительной территории.

При проверке оказалось следующее: когда немцы вели наступление на Москву, они захватили в клещи громадную территорию. Одна группа немецких войск двигалась на Вязьму, вторая — на Орел. Получился знаменитый Вяземский котел. Я в это время находился в центре этого котла, около Смоленска.

Когда немецкие клещи сомкнулись, то значительная часть территории вокруг Брянска на некоторое время оказалась вне поля внимания немецкого командования. Прошло известное время, прежде чем немцы решили установить власть в районе Брянска и Локтя. Но когда они пришли в поселок Локоть, то застали там вооруженные силы, уже созданные Воскобойником, которые сами вели борьбу с появившимися в лесах партизанскими отрядами.

В Локте и окрестных селах уже была создана власть тем же самым Воскобойником. Поскольку Локоть был окружен лесами, а Воскобойник был человеком твердого характера, настоящим патриотом, то немцы решили не ломать сделанного Воскобойником и предоставили ему свободу действий. Свободу значительно большую, чем в других местах оккупированной немцами территории.

Это был один из немногих случаев, когда немцы проявили здравый смысл и политическую дипломатическую гибкость, и действительно, прояви они больший нажим, вполне возможно, что Воскобойник одновременно с борьбой против советских партизан возглавил бы борьбу и против немцев.

Местоположение Локтя благоприятствовало партизанскому движению. Кругом на десятки верст шумели Брянские леса, позже ставшие центром партизанского движения против немцев.

Вокруг Локтя создался клочок полунезависимой русской территории. Глава этой территории Воскобойник получал от немцев оружие, имел с ними добрососедские отношения, но вся гражданская и военная власть принадлежала ему.

С каждым днем эта территория разрасталась. Бывшие колхозники создавали отряды и отвоевывали у партизан все новые и новые села и поселки. Это производило большое впечатление на жителей соседних районов, видевших, как с оружием в руках русские люди отвоевывали у большевиков родную землю.

Нужно сказать, что такие полунезависимые «Русские княжества» на оккупированной немцами территории существовали не только в Локте. В лесах около Смоленска существовала «Семеновская Русь», созданная Семеновым, начальником полиции при немцах, который, разобравшись в немецкой политике, повел борьбу и против немцев, и против большевистских партизан. Семенова немцы звали к себе обратно, переманивали к себе и большевики. Но Семенов и тех и других посылал к чертовой матери и, тоже вооружая крестьян, расширял пределы своего княжества. «Семеновская Русь» привлекала симпатии крестьян, которые бежали к нему из сел, занятых немцами, и из сел, находившихся под властью большевистских партизан. В других местах появились вольные атаманы типа Махно и Григорьева.

К сожалению, весь этот сложный комплекс явлений совершенно не освещен в эмигрантской прессе, и эмиграция имеет превратное понятие о том, что делалось на оккупированной немцами территории.

Факт возникновения «независимого» государства в Локте привлек к себе внимание русских националистов. Им показалось, что представляется случай еще во время войны начать борьбу за создание независимой от немцев русской территории. Представители НТС несколько раз ездили в Локоть и «наводили справки».

Результат этих справок был следующий: Воскобойник — убежденный русский патриот. Желая использовать доброе к себе отношение и доверие представителей немецкого командования, он хочет расширить «свою» территорию как можно больше, на весь Брянский лесной массив. Он стремился к тому, чтобы выбить партизан из Брянских лесов и сделать их плацдармом анти-

большевистского национального движения, а в случае победы немцев — центром антинемецкой борьбы.

Немцы, конечно, замысел Воскобойника понимали. И, надо сказать, отдельные представители немецкого командования, стоявшие за союз с Национальной Россией, даже оказывали Воскобойнику поддержку, так как знали, что он не нанесет им предательского удара в спину в разгар вооруженной борьбы с большевиками.

Представители партийных кругов и работники СД поддерживали Воскобойника скрепя сердце, не видя другого выхода, откладывая введение немецкой власти на территории, управляемой Воскобойником до разгрома большевиков. Зная настроение Воскобойника и населения, гестаповцы понимали, что в случае нажима на Воскобойника население окажет вооруженное сопротивление, так как слава о немецких порядках в местах, управляемых немецкими комендатурами, быстро дошла до Локтя.

К несчастью, во время боев с партизанами Воскобойник был убит и власть перешла к Каминскому, бывшему до войны инженером одного из заводов в Локте.

Политическая атмосфера на независимой территории очень усложнилась. В лесах разрасталось партизанское движение. Локоть и другие населенные пункты кишели большевистскими и немецкими агентами.

Каминский был, конечно, убежденным антибольшевиком. До войны он был арестован и сидел в концлагерях, так что никакого чувства симпатии к большевикам у него не могло быть. Он оказался талантливым военачальником, и под его руководством вооруженные отряды из местных жителей успешно громили большевистских партизан в тяжелых лесных боях.

Мне думается, что вначале Каминский рассчитывал на то, что как население оккупированной территории, так и эмиграция поддержит его, и вокруг него создастся круг военных и политических работников, которые смогут осуществить замысел погибшего Воскобойника. Но ввиду идейного разброда, бывшего результатом невероятно сложной политической обстанов-

ки в этой части России, когда никто не знал, что будет лучше для России — идти ли с немцами и уничтожить большевиков и русское государство; или идти вместе с большевиками и уничтожить иностранных захватчиков, но быть готовым к тому, что большевики останутся владыками России, — Каминский не получил необходимой идейной поддержки и поддержки людьми, ни со стороны населения оккупированной территории, ни со стороны эмиграции.

Вместо того чтобы обрасти военными и политическими руководителями из числа русских патриотов, Каминский уже в Локте оброс морально нечистоплотными элементами из числа немецких и большевистских агентов. Ближайшее окружение Каминского состояло, конечно, не только из одних немецких и большевистских агентов, но было и их изрядное число.

Каминский постепенно перестал верить в удачу дела, начал пьянствовать и сквозь пальцы смотреть на те безобразия, которые стали творить в отдельных случаях над партизанами и населением подчиненные ему отдельные военачальники.

После прорыва у Орла, после тяжелых упорных боев Русская Особая¹ Народная Армия, выросшая до 13 тысяч человек, отступила из Брянских лесов и попыталась отвоевать себе «независимую» территорию около Лепеля, на Витебщине. Когда немцы отступили от Витебска, РОНА начала отвоевывать себе территорию в Западной Белоруссии, около гор. Дятлово, все леса вокруг которого кишели большевистскими и польскими партизанами.

Каминский давно хотел создать политическую организацию, идея которой зародилась еще у Воскобойника. Исполбюро НТС направило к нему инженера Хомутова, который сумел войти в доверие к Каминскому и уговорил его создать без согласия Гитлера русскую национал-социалистическую партию. Каминский, которому в этот момент было уже все равно (дело происходило в Лепеле), одобрил план Хомутова.

¹ Так в тексте. — *Примеч. ред.*

Хомутов «разработал» проект партийной программы (на самом деле это было полное повторение программы НТС), и вот в один прекрасный день все работники немецкого связного штаба были приглашены Каминским на банкет.

Около каждого прибора стояла бутылка с вином, а около бутылки лежал манифест о создании «Национал-социалистической трудовой партии России» и отпечатанная программа НТС. Для немцев это было полной неожиданностью, но возражать они не стали, так как узнали из донесений своих агентов, что Каминский решил идти ва-банк и недаром распорядился поставить около дома, где происходил банкет, все имевшиеся у него танки и броневики. Так была провозглашена, без согласия Гитлера, Национал-социалистическая трудовая партия России.

Не знаю, донесли ли Гитлеру о том, что произошло в Лепеле. Я думаю, что нет. Потому что, если бы он об этом узнал, — полетели бы головы и офицеров связного штаба и правителя Белоруссии, и многих других. Дела у немцев на фронте шли так, что заставить Каминского отказаться от своей идеи они не могли. Вооруженных сил у них не было. Каминский это понимал и, отдавая себе совершенно ясный отчет в том, что дни его сочтены, вел себя с немцами очень дерзко и независимо, что весьма импонировало всем офицерам и солдатам РОНА.

Немцы же знали, что если они предъявят Каминскому ультиматум, то он пошлет их ко всем чертям и объявит независимость своей территории. Им не оставалось ничего другого, как только проглотить оригинальную пилюлю, поднесенную им Каминским.

Обстановка в Дятлово была невероятно сложной и тяжелой. В нем действовали немецкие и большевистские агенты, пробравшиеся в разведку и контрразведку РОНА, агенты польских партизан, просто морально разложившиеся элементы, и, наконец, русские националисты, которые старались прекратить разложение, которое ширилось при содействии немецких и большевистских агентов, и использовать известную независимость территории

РОНА и вооруженные силы РОНА в интересах Русского Освободительного Движения.

Под флагом «Русской национал-социалистической партии» подпольно работавшие в Дятлово работники НТС (Роман Редлих, Евстафий Мамуков, я и ряд других) развернули широкую пропаганду национальных интересов, воспользовавшись тем, что в Дятлове выходили две газеты без немецкой цензуры. Достаточно сказать, что за чрезвычайно короткий срок в разных городах были созданы «партийные организации», в которые вступило несколько тысяч человек.

Центральный комитет находился в Дятлово и был поэтому неуязвим для немцев. В Минске Областной комитет занимал двухэтажное здание, которое немцы предоставили ему по просьбе Центрального комитета. Были комитеты в Вильно, Полоцке, Двинске, Барановичах и др. местах.

Никто из немцев первое время ничего не понимал, рядовые работники считали, что создание партии санкционировано Гитлером, и мы плавали, как рыба в воде. Достаточно сказать, что газета «Голос народа», выходившая в Дятлово, к великой ярости председателя Белорусской рады Островского, открыто доказывала, что никаких кривичей нет, что русские, белорусы и украинцы — ветви одного народа. И в Минске продавались газеты на «белорусском языке» и наша.

Из одного этого можно видеть, насколько сложной была обстановка, в которой приходилось работать последние месяцы перед занятием большевиками Белоруссии. Но тем не менее нами было выпущено более 100 000 экземпляров газет без немецкой цензуры, больше ста тысяч антибольшевистских листовок, была проведена демонстрация в Полоцке с плакатом, на котором было написано: «Не хотим ни большевизма, ни иноземной власти».

Было сделано немало и другого. В частности, удалось выполнить основную цель — не допустить выгодной для немцев конкуренции между двумя русскими армиями. Уже в июле 1944 года я поехал в Ригу и сообщил представителю Власова полковнику

Позднякову, бывшему позже начальником курсов РОА, чтобы он передал Власову, что в случае создания массового антибольшевистского движения и Русской армии РОНА будет под его начальством, что все для этого сделано. Так и случилось.

Таким образом, основная цель, ради которой руководство НТС пошло на камуфляж создания «национал-социалистической трудовой партии России», была достигнута. Была предотвращена возможность борьбы между двумя кандидатами в военные руководители РОА.

После занятия Западной Белоруссии все части РОНА двинулись через леса, занятые партизанами, в Польшу. Каминскому немцы предложили возглавить борьбу с партизанами на Прикарпатской Руси. Но когда части РОНА проходили вблизи Варшавы, вспыхнуло Варшавское восстание.

Я провел в Варшаве несколько дней накануне восстания и уехал за два или три дня до его начала.

Руководство НТС в Польше вело переговоры с польским подпольным штабом. Цель переговоров, как мне известно, в основном заключалась в том, чтобы убедить поляков не выступать против немцев, а сохранить вооруженные силы к моменту занятия Варшавы большевиками.

В частных разговорах с поляками я тоже доказывал им, что они не должны подставлять под удар с таким трудом созданную военную организацию, что армия должна выйти из подполья только тогда, когда большевики займут Варшаву. Мы доказывали, что если поляки будут иметь сто тысяч войск в Варшаве, то большевикам не удастся захватить Польшу, что они, конечно, постараются сделать. Но наши слова не были приняты во внимание.

Я уехал из расположения РОНА примерно дней за десять до восстания в Варшаве (в армии Каминского я не состоял) и больше не вернулся, но из многих бесед с заместителем Каминского полковником Белаем мне известно следующее.

Немцы предложили Каминскому бросить всю его армию на подавление восстания. Каминский и большинство командиров полков

отказались это сделать¹. Согласился командир только одного полка, кажется 5-го. Может быть, в подавлении восстания участвовали и еще какие-то мелкие воинские части, этого я не знаю.

Вполне возможно, что Каминский не согласился на предложение немцев потому, что он был поляк по происхождению, хотя и сильно обрусевший, но все же поляк. В Дятлово, например, ходили слухи, что он более покровительствует ксендзам, чем священникам. Насколько это отвечало действительности, я не знаю.

Мне известно только, что и до начала отступления, и во время отступления Каминский и офицеры и солдаты РОНА очень недружелюбно относились к немцам и неоднократно дело доходило до острых скандалов.

Вскоре после отказа Каминского от помощи немцам в Варшаве ему было предложено выехать на автомобиле из Польши в Прикарпатскую Русь — для осмотра местности, которую должна была защищать РОНА.

Затем появился слух, что Каминский вместе с ехавшими с ним убит партизанами по дороге.

Кто убил Каминского, точно не известно. Могли его убить польские партизаны, могли убить и немцы. Зная, насколько были обострены взаимоотношения между Каминским и немцами, я лично склоняюсь к мысли, что Каминского убили немцы, желая освободиться ото строптивого человека.

Это была месть и за отказ подавлять Варшавское восстание, и за другие случаи неподчинения приказам СС, и, конечно, за создание без разрешения Национал-социалистической партии России, официальным вождем которой он был.

Немцы, конечно, в конце концов разобрались, что так называемая НСТПР — простая ширма, ловкий трюк со стороны русских националистов. После убийства Каминского немцы посулили Бе-

¹ Эта информация действительности не соответствует. — *Примеч. ред.*

лаю чин генерала и сделали предложение вести бригаду в Варшаву.

Но распропагандированный нами еще в Дятлово Белай и другие командиры заявили, что они не хотят, чтобы РОНА была переформирована в дивизию СС, а хотят идти к Власову.

После этого бригада Каминского была расформирована, все офицеры и солдаты, а также все оружие и несколько танков и броневиков было передано Власову. Белай, отказавшись от генеральского чина, занял скромный пост начальника офицерского резерва в штабе РОА. Это был убежденный сторонник генерала Власова. Первая дивизия РОА была вооружена оружием, полученным от РОНА.

Такова истинная история бригады Каминского, о которой рассказывают всякие небылицы люди, ничего не знающие о действительных фактах и событиях.

По моим личным впечатлениям, несмотря на известный анархизм и совершенно неизбежные во время гражданской войны бесчинства, РОНА, созданная Воскобойником и Каминским из рабочих и колхозников Брянского и других районов, была подлинной народной армией. Антибольшевизм этой народной армии, возникшей стихийно, для меня несомненен. Поэтому историю бригады нужно отделять от личности самого Каминского. А к личности самого Каминского нужно тоже подходить более справедливо, понимая всю сложность и трагичность положения этого несомненного антибольшевика и одаренного полководца. Каминский в начале и Каминский в конце — это совершенно разные люди.

Я не ставлю себе целью обеление личности Каминского, но простая справедливость заставляет меня сказать, что он был жертвой безвременья. Будь политическая обстановка менее сложной и найдись люди, которые поддержали бы Каминского на первом этапе его деятельности, после смерти Воскобойника, он мог бы стать выдающимся деятелем в антибольшевистской борьбе.

Вольтер сказал, что мертвым не надо льстить, но на них не надо и клеветать, о них нужно говорить только правду. Мне кажется,

пора сказать истину и о РОНА и о ее бойцах — крестьянах и рабочих, погибших в борьбе с большевиками.

В.Д. Самарин¹

КАМИНСКИЙ

...Обстановка в занятых немцами областях никак не способствовала становлению политических организаций, разработке программ. Немецкие власти препятствовали всяким попыткам политического общения и объединения антибольшевиков, хотя и не преследовали открыто такие попытки.

В Орле, например, весной 1943 года появился некий Н. — бывший политический заключенный советских концлагерей, который пытался создать какую-то антибольшевистскую партию, написал проект программы этой партии, довольно путаный, но не лишенный интереса, как документ того времени, как документ, написанный рукою советского человека, только что вырвавшегося из-под идеологического большевистского гнета.

¹ Самарин Владимир Дмитриевич (наст. — Соколов; 1913—1995). Родился в 1913 г. в Орле. В 1936 г. окончил Орловский педагогический институт и затем преподавал русский язык и литературу в средней школе и техникуме в Воронеже. После начала войны вернулся в Орел, стал сотрудником оккупационной газеты «Речь». С 1943 г. выступал с лекциями в частях РОА. В 1944 г. был эвакуирован в Германию. После окончания войны находился в британской зоне оккупации Германии. В 1949—1951 гг. стал заместителем главного редактора журнала «Посев» в американской зоне оккупации. Был активным деятелем Народно-трудового союза (НТС). В 1951 г. переехал с семьей в США. С 1959 г. работал преподавателем русской и советской литературы в Йельском университете. В 1970-х гг. привлечен к судебной ответственности за то, что при получении гражданства ввел в заблуждение американские власти (он утверждал, что никогда «не написал ни одной фашистской или профашистской строки»). В 1988 г. лишен гражданства США и приговорен к высылке. Последние годы жизни провел в Канаде. Воспоминания публикуются по: *Samarin V.D. Civilian life under the German Occupation. 1942—1944. N.Y., 1954. P. 82—86.*

Интересны тезисы к программе партии, которая возглавлялась потом Б.В. Каминским, написанные его предшественником, основателем этой партии и первым начальником Локотского округа, инженером Воскобойником, бывшим политзаключенным.

Те, кто знал Воскобойника, вспоминают о нем как о человеке большого ума и чистой души. Рассказывают, что он зажигал людей своей верой в светлое будущее послебольшевистской России. Погиб Воскобойник в одной из операций против партизан.

Тезисы Воскобойника, как и другие проекты «программы», появились в занятых немцами областях — и на них не мог не сказаться дух того времени, однако с фашистскими программно-идеологическими «установками» они имели общее только в одном: в отрицании капитализма.

Мне рассказывали в Брянске, что Воскобойник свои тезисы написал на основании подпольной брошюрки, которую он видел в концлагере, брошюры, изданной эмигрантской антибольшевистской организации. Подтверждения этому рассказу я больше не находил.

Место погибшего Воскобойника занял Бронислав Владиславович Каминский, поляк по происхождению, но, по всем свидетельствам, убежденный русский патриот, антибольшевик. Каминский — тоже политзаключенный, просидевший много лет в советских концлагерях. Война застала его в Орловской области, на одном из сахарных заводов, где он работал инженером.

Каминский принял от Воскобойника только что организовавшуюся военную часть и Локотский округ, на территории которого власть принадлежала только русскому самоуправлению. По договоренности с немецким командованием, немцы не вмешивались в управление округом, получая лишь с него причитающиеся военные поставки.

Материально население жило в Локотском округе лучше, чем во всех остальных занятых немцами областях. Местное самоуправление всячески поощряло частную инициативу в развитии

различных кустарных промыслов. В округе открылось несколько школ. Был даже свой драматический театр.

В середине 1943 года бригада Каминского, действовавшая против партизан, насчитывала до 10 000 человек. Во время летнего наступления Красной армии, когда фронт приблизился к границам Локотского округа, часть бригады принимала участие в боях против регулярных частей Красной армии. Каминцы показали себя умелыми солдатами.

Бригада Каминского была хорошо вооружена, хорошо обмундирована, что нельзя сказать про некоторые полицейские формирования. Например, в Могилеве мне пришлось наблюдать любопытную картину. Начальник областной полиции полковник Савостеев делал смотр школе полиции. В задних рядах выстроившихся перед ним курсантов несколько человек стояли... босиком.

Начальник тут же учинил разнос начальнику школы.

Начальник оправдывался:

— На складе ни одной пары сапог. Писал немцам несколько раз. Все обещают прислать...

Присутствующие немцы были смущены не меньше самого начальника школы. Взбешенный Савостеев сел на лошадь и уехал.

У Каминского такого случая вообще не могло быть.

Личность самого Каминского представляет несомненный интерес. В нем наблюдалась некоторая двойственность. С одной стороны, это был человек большого личного мужества и храбрости, с другой стороны — истерик. Человек несомненно одаренный, хороший организатор и талантливый военачальник, он не знал, однако, чувства меры. Ему, например, говорили, что он, Бронислав Владиславович Каминский, — вождь новой России, и это льстило его самолюбию. В местном театре не начинался спектакль, пока он не приезжал. Каминский входил — весь зал вставал. Только после этого поднимался занавес. Местная газета «Голос народа», выходящая под девизом «Все для народа. Все через народ», посвятила целый номер Б.В. Каминскому в день его сорокалетия, весной 1943 года.

Несмотря на наличие в отрядах Каминского элементов вольницы, в них была твердая дисциплина. Каминцы не допускали грабежей населения, защищали население не только от партизан, но и от немцев. Дисциплина в бригаде основывалась еще и на духе братства — и между солдатами и между солдатами и офицерами.

Солдаты любили своих командиров, как старших товарищей по борьбе. Достаточно назвать таких командиров, как ставшего почти легендарным за свою храбрость и умелое командование полковника Белая или майора Хомутова.

Их знали не только солдаты, их знало население далеко за пределами Локотского округа.

В 1944 году бригада Каминского была переброшена в Белоруссию, в Лепель. С бригадой ушли все местные самоуправления, часть населения. Затем бригада перешла в район Лиды.

Чтобы дополнить далеко не достаточную характеристику Каминского (пусть это сделают те из его соратников, которые его знали лично), я должен рассказать о беседе Каминского с эсэсовским генералом, требовавшим, чтобы Каминский бросил свою бригаду на подавление Варшавского восстания.

Каминский, скрестив руки на груди, ответил эсэсовцу:

«Господин генерал, во-первых, я по происхождению поляк, во-вторых, я русский патриот. Я и мои солдаты борются только против большевизма, за свободу России. Я не могу участвовать в борьбе против них»¹.

Вскоре после этого Каминского убили.

Переводчик Каминского, офицер его бригады, рассказавший мне об этой беседе, говорил, что он смотрел на Каминского с восхищением. В нем не было и тени рисовки. Он знал, чем рискует. Он рисковал своей головой. Не всякий в то время способен был на такой ответ эсэсовцу.

¹ Автор вводит читателя в заблуждение. Эпизод полностью выдуман. — *Примеч. ред.*

Р.В. Днепров¹

ИЗ СТАТЬИ «ВЛАСОВСКОЕ ЛИ»?

Ранней осенью 1941 года в районе Локоть Брянской области возникает уникальное явление, все еще ждущее своего объективного историка. Там создается — представителями советской интеллигенции и невоеннослужащими Воскобойниковым и Каминским — некий самоуправляющийся край, с собственной десятитысячной армией, РОНА (Русская Освободительная Народная Армия) и соответствующими управлениями. Немцев там нет, за исключением нескольких связанных от 2-й танковой армии, нет и партизан, которые ищут мест, где оперировать легче.

Из этой пары Воскобойников был явно человеком более высоких моральных качеств, но зимой 1941—1942 года он гибнет. Партизаны забрасывают гранатами его штабной дом. У А.Н. Сабурова, знаменитого советского брянского партизана, в его двухтомных мемуарах «Отвоёванная весна» это происшествие описывается в тонах драматических. Задание партии, подготовка рейда, тяжелый бой и гибель предателя. Все это, говоря вежливо, брехня. Несколько отдельных партизан сумели пробраться через посты «каминцев», как их впоследствии называли, и бросить в дом, где ночевал Воскобойников, несколько гранат. Сам Воскобойников и, если не ошибаюсь, секретарша штаба погибли. Бронислав Каминский, бывший до этого помощником Воскобойникова, принимает начальствование и сразу же вешает нескольких захваченных в этой ли, иной ли операции — это не установлено — партизан. Вот и весь героический рейд сабуровцев.

¹ Днепров Роман (наст. — Дудин Рюрик Владимирович; 1910—1995). Во время Второй мировой войны находился на оккупированной территории Украины, служил в коллаборационистских частях, брат агента СД, главного редактора русскоязычной киевской газеты «Последние новости» Льва Дудина (1910—1984). После войны окончил Гейдельбергский университет. Получил степень магистра истории в Йельском университете США, там же преподавал. Работал на радиостанции «Свобода», публиковался в эмигрантских изданиях. Публикуется по: *Днепров Р.* «Власовское» ли? / «Континент» (Мюнхен). 1980, № 23. С. 287—312.

О Каминском, который после боев на Курской дуге вел свою «армию» и пятидесятитысячный обоз мирного населения на Запад и, выделив небольшой отряд из своих частей для подавления Варшавского восстания 1944 года, был осенью того же года расстрелян немцами, написано довольно много и довольно плохо. Человек он был, действительно, выражаясь мягко, сложный и страшноватый. Но не все было в нем так черно, как об этом пишут. Его главный биограф, американский историк Александр Даллин, сын известного меньшевика Давида Далина — кстати, вместе с другими известными меньшевистскими лидерами «принявший» власовское движение, — то ли случайно, то ли сознательно прошел мимо ряда документов в немецких архивах, которые выставляют Каминского в несколько ином свете. Например, письмо Каминского Гитлеру, которое, будь оно отправлено немцами по адресу, принесло бы Каминскому смерть значительно раньше осени 1944 года¹.

Самоуправляющийся район Локоть мог существовать почти полных два года из-за крайне доброжелательного к принципу русского самоуправления и к самому Каминскому отношения командующего немецкой 2-й танковой армией генерал-полковника Рудольфа Шмидта. Шмидт сменил Гудериана на этом посту после отставки последнего, вызванной поражением немцев под Москвой. Но когда генерал-полковник Шмидт предложил Берлину, чтобы вся Брянская область, включая сам город Брянск, были выделены в самоуправляющуюся русскими область, он был немедленно отстранен от командования и, так сказать, «выжат» в отставку. Уже после конца

¹ Автор либо не знаком с работой А. Даллина, либо намеренно вводит читателя в заблуждение. В статье «Бригада Каминского» Даллин подробно останавливается на указанном письме бургомистра фюреру, которое было направлено в Берлин при посредничестве командования 2-й танковой армии 11 марта 1942 г. В документе Каминский в частности повторил основные положения Манифеста НСПР. Даллин пишет: *«Группа армий “Центр” направила это письмо в Берлин с благоприятными сопроводительными характеристиками. Гитлер, очевидно, получил эту информацию и, насколько известно, в конце марта утвердил проведение эксперимента, хотя остается неясным, насколько конкретным оказалось его одобрение»*. См.: Даллин А. Указ. соч. С. 30.

войны Шмидт в поезде из Западного Берлина в Западную Германию был обыскан чинами восточногерманской полиции. В его чемодане был обнаружен генеральский мундир, с которым прусский служака не пожелал расставаться. Шмидт был немедленно задержан, и после этого его следы теряются: советские власти, естественно, не спешили с освобождением генерала, который ратовал за русские самоуправления¹. Может, кто из новоприбывших встречал на островах «Архипелага ГУЛаг» этого друга Национальной России?

Р.Н. Редлих²

О БРИГАДЕ КАМИНСКОГО

Как известно, Брянские леса славятся своей непроходимостью.

Между Брянском и Орлом есть такой городок — Локоть. Эти места для немцев были труднодоступны: лазить по дебрям было

¹ Автор весьма произвольно трактует факты из жизни и службы генерала Р. Шмидта (1886—1957). Последний в июле 1943 г. был снят со своей должности, отозван в Берлин и арестован вовсе не из-за поддержки Каминского, а по причине нескрываемых оппозиционных настроений. В 1947 г. он был действительно арестован советской контрразведкой в Веймаре и в 1952 г. приговорен к 25 годам заключения в лагерях. В 1956 г. был передан властям ФРГ и освобожден. — *Примеч. ред.*

² Редлих Роман Николаевич (1911—2005), эмигрантский общественный деятель, член Народно-трудового союза (НТС). Родился в Москве в немецкой семье. В 1929 г. окончил среднюю школу. Работал слесарем, затем младшим научным сотрудником в Государственном институте психологии. В 1933 г. вместе с семьей эмигрировал в Германию к немецким родственникам. В 1940 г. окончил Берлинский университет со степенью доктора философии. Тогда же вступил в НТС. В 1942—1943 гг. занимался пропагандистской работой в лагерях советских военнопленных, в 1943—1944 гг. работал на оккупированных территориях СССР. В 1946 г. избран в Совет НТС, неоднократно избирался в Исполнительное бюро НТС. Активно занимался литературной, научной и педагогической деятельностью. Публикуется по: *Редлих Р.Н. В бригаде Каминского / Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сб. статей, воспоминаний, документов / Под общ. ред. А.В. Окорочкова. М.: Архив РОА, 1998. Вып. 2. С. 431—442.*

для них сложной операцией. Постепенно в лесах стали появляться партизаны. Это были еще не классические партизаны, а в основном местные жители или окруженцы, которые не хотели сдаваться в плен. Они уже знали, что их там ждет, и жили своими силами. Большая земля стала их постепенно приручать: направила руководящие кадры, помогла оружием и частично продуктами. Остальное они брали сами. Так всегда было. К концу 1941 года партизан расплодилось столько, что от них понадобилась оборона, не немцам, а самому местному населению — грабят и грабят, сколько можно. Во главе «оборонцев» стал Воскобойник, который собрал из местных же ребят полк или бригаду, не помню точно, как она тогда называлась, и организовал защиту. Вскоре он погиб в одной из стычек. Воскобойник оставил о себе самую добрую память. Знаете, как обычно бывает: о погибшем человеке складывается миф. Судя по молве, он был просто идеалом. Я не застал его, и могу сказать лишь, что у него осталась жена, которая позже стала секретарем Каминского, взявшего дело в свои руки.

Кто такой Каминский? Прежде всего, он поляк по национальности — Бронислав Станиславович¹. Это важно. Бывший инженер. Отсидел срок. После освобождения осел в Локоте с «минусом». Минус — это ограничение жить в определенных местах. Они были разные. Каминский имел минус сто, то есть живи в районном центре и больше никуда. Приход немцев он воспринял с радостью, что вполне естественно. Инженер-химик по профессии, зек по воспитанию и отношению к советской власти, как у человека, прошедшего такие «университеты». Был он человек волевой, властный, командный, обращавшийся к любым средствам и приемам, в которых был воспитан и научен за проволокой. И с такой же психологией. Он стоял на позициях: все равно с кем, хоть с чертом, лишь бы большевиков резать. Хорошие немцы, плохие, а мне какое дело. Он был зверский антикоммунист, как сейчас говорят — пещерный.

¹ Так в тексте, правильно: Владиславович. — *Примеч. ред.*

В Локотской округе Каминский завел строгий порядок и руководил очень жестко. С немцами заключил соглашение об их невмешательстве: он сдавал определенное количество продуктов немцам, а остальное — оставлял себе. Организованное самоуправление было одобрено генералом Миллером, который являлся командующим этого района и находился со своим штабом в Орле. Это был конец 1941 или самое начало 1942 года. Порядок, введенный Каминским, в принципе был наш родной — советский. Были назначены новые начальники, примерно по советской системе. Сохранились и колхозы, получившие, правда, название общинных дворов.

Участившиеся партизанские набеги отражали сами же местные жители. И оборонялись довольно крепко. Во всяком случае, в сам Локоть партизаны не совались. Местное население жило довольно зажиточно и относилось к Каминскому вполне нормально, даже хорошо.

В Локоть я впервые приехал весной 1943 года. Явился к Каминскому. Представился я из Министерства Восточных областей. Хочу посмотреть, познакомиться с системой самоуправления. Он достает бутылку, наливает по стаканчику — конечно, самоделка, но хорошая. Завязался дружеский разговор. Он сетует, что не хватает интеллигентных кадров. Я отвечаю ему, что пришло людей из перевоспитанных нами военнопленных. На том и расстались.

Вернувшись в Берлин, я доложил обо всем увиденном своему руководству. Однако ко всему сказанному отнеслись довольно критично — нет, нам это не подходит. Ваши люди будут направлены в распоряжение Смоленска, а Локоть не относится к его ведомству. Вскоре немцы стали отступать от Орла. Началась эвакуация. Бригада организовано и дисциплинированно передислоцировалась в город Лепель — на северо-западе советской части Белоруссии. Здесь ситуация была уже совершенно иной, чем в Локте. Болотистые озерные места этого района были непривычны и незнакомы для бойцов Каминского. Партизан было больше, обороняться сложнее. Да и местное население без радости встретило «пополнение» с длинным

хвостом семей. Здесь уже поделили землю и распределили продукты. Кроме того, появилось еще и новое начальство. Мало того, что управляют немцы, так еще и Каминский. Но вскоре по его требованию немцев из Лепеля убрали, предоставив ему возможность жить на таких же условиях, как и в Локоти. Жизнь понемногу стала налаживаться. Однако примерно через год, в начале 1944 года, бригада была вновь переведена, на этот раз в Дятлово — недалеко от Новогрудка. Небольшой районный центр с хорошей католической церковью и православным храмом. Местное население здесь уже было другим — не советское, а белорусы, которые издавна угнетались поляками. А Каминский сам был поляк. В это время я приехал к Каминскому вторично, уже уйдя из Министерства. До этого к нему, еще в Локоть, от Союза был направлен Жора Хомутов — из перевоспитанных, сам родом из брянских мест. Энергичный, образованный и неглупый, он быстро приобрел там вес. С его помощью Каминский создал Национал-социалистическую русскую партию. Нужна ли ему была именно национал-социалистическая партия? Нет, любая. Он был воспитан в системе, где без партии жить было нельзя. Созданной партией, так же как и остальной идеологической работой, ведал Жора Хомутов. Однако идея создания партии немцам не понравилась, и ее настрого запретили.

В Дятлове произошел довольно интересный эпизод, который ярко характеризует натуру Каминского.

Как-то к нему из Минска приехал важный немецкий полицейский чин. Фамилию сейчас не помню. Он ведал этим районом и соответственно подведомственной ему стала и бригада. Он и слышать не хотел о каком-то самостоятельном районе. Начинается совещание. Меня вызывает Каминский и приказывает выступить в качестве переводчика, хотя сам говорит по-немецки довольно сносно. Торг идет о следующем: в районе действуют помимо советских партизан поляки из Армии Крайовой. Немцам все равно — бандиты и есть бандиты — и они требуют вести военные действия против тех и других. Каминский категорически отказывается воевать с поляками. Немец орет. Я перевожу все, особенно не

смягчая. Каминский отвечает аналогично — русским матом. Перевожу в мягких немецких оборотах. Разругавшись и не придя к единому мнению, так и заканчивают «военный совет». Но Каминский упорен. Через некоторое время ему все же удается отказаться от боев с польскими партизанами. Зато с советскими он расправлялся жестоко. Со взятыми в плен обращались так же, как и в соответствующих органах у нас. Да и ребята-допросчики были из этих же органов, перешедшие на его сторону. Напряжение росло. Это отражалось и на местном населении. Такое положение сохранялось все полгода, которые я там пробыл. Это уже был 1944 год.

Когда я прибыл к Каминскому, то взял на себя руководство идеологической работой, за которую ранее отвечал Хомутов. Жора же стал заниматься политработой в армии. Она велась в остром антисоветском духе, примерно по дабендорфовой схеме, но это были не курсы, а «живая» работа с людьми. К этому времени немцы уже ослабели, и нам все же удалось официально открыть партию. В типографии, которая была под моим началом, отпечатали ее программу. Это была схема Национально-трудового союза — НТС. Первая страница с названием Национал-социалистической партии России была отрывной, а остальное — все по тексту. Схему мы кончили печатать в июне 1944 года, а 12 июля уже эвакуировались. Началось советское наступление. Красная армия окружила Минск. Бригада с семьями стала отходить в Польшу, в сторону Варшавы. Было ли направление эвакуации определено немцами, не знаю.

Подойдя к Варшаве, я отпросился у Каминского на встречу со своими соратниками из НТС. Не забуду момент прощания с Брониславом Станиславовичем. Каминский, вероятно, уже чувствовал, что его дела плохи. Он был в Польше, но воевать с поляками не мог. Да и бригада после Лепеля стала быстро разлагаться. Уйдя из родных мест, солдаты потеряли смысл борьбы и постепенно превращались в обычных мародеров.

Встретившись со своими друзьями, я узнал от Вани Виноградова об аресте руководства нашей организации и о том, что меня разыскивают немцы. Возвращаться в бригаду было опасно.

Дальнейшее происходило без меня. Судя по рассказам ребят, с которыми я поддерживал связь, Каминского, еще до начала восстания в Варшаве, зачем-то вызвали немцы, и он исчез. Считают, что его расстреляли, хотя прямых фактов на это нет. Я думаю, это верно. Он стал им больше не нужен. Оставшаяся без командира бригада была переформирована.

Я уехал в Катовицы, к священнику — нашему человеку, который выписал мне новое метрическое свидетельство. Так я стал Романом Григорьевичем Воробьевым. С этим документом и приехал к нашим под Вену и поступил в фирму «Эрбауэр». Там уже работали Виноградов и Болдырев. Меня определили в начальники канцелярии — должность на бумаге. Со всей работой справлялись работники фирмы.

Так в качестве служащего Воробьева я и существовал до тех пор, пока меня не вызвал к себе Игорь Юнг, тоже член Союза. Русский, родившийся в Германии, он был в чине майора и возглавлял небольшой лагерь, где должны были готовить людей для переброски в советский тыл.

Он-то и взял меня к себе. Дал чин капитана и поручил преподавательскую работу. В этом лагере преподавал русскую историю Николай Иванович Осипов — лейтенант с седой бородой, а до этого — советский профессор антибольшевистских убеждений. Вместе с ним, после войны, мы писали «Очерки большевизмоведения». Посылать какие-либо отряды мы не собирались. Это была липа. Просто Юнг старался объединить и спасти людей для дальнейшей борьбы. Правда, один отряд все же был сформирован — отряд Соловьевых. Их было два брата, Коля и Володя. Родом они из Галиции, но русские ребята. Они ушли на Родину по своей воле. Просто не хотели эвакуироваться, жить в Германии. Решили вернуться домой — их там все знали, — укрепиться и вести союзную работу. Цель работы была довольна туманной, но ребята надеялись сориентироваться на месте. Братья Соловьевы благополучно дошли и закрепились на Родине. Вообще в России оставались многие. После войны большинство из них получили срок и отсидели. Не-

которые исчезли бесследно. Например — Жора Хомутов. Еще при эвакуации из Дятлова он организовал отряд, в который вошли несколько членов нашего Союза, присланных из Минска Георгием Сергеевичем Околовичем, который был главным на весь средний участок оккупированной России. Он служил у Меньшагина — бургомистра Смоленска, в должности начальника транспортного отдела. Это было для нас очень важно: транспортный отдел — это машины, связь.

Хомутов ушел обратно в Локоть и пропал.

В это время уже набирало силу власовское движение. С генералом Власовым я встретился в 1943 году — ездил с поручением от Каминского наладить связь. Андрей Андреевич в то время был в Берлине, под арестом. Немцам не понравились его смелые речи во время поездок в Смоленск и Псков. По приказу Гитлера «строптивного» генерала посадили за проволоку. Правда, это была формальность. Штрик и другие немцы, которые помогали движению, сняли для него виллу, довольно хороший дом, и обнесли его вокруг проволочкой. Для убедительности к Власову приставили охрану — Сережу Фрелиха. Это был прибалтийский немец, отлично говоривший по-русски. Он жил в том же доме, часто сопровождал Андрея Андреевича на прогулках, да и выпить всегда было с кем. Как-то Власов зашел в «русский дом» к эмигрантам. Об этом мне рассказывала моя будущая супруга — Людмила Глебовна, урожденная Скуратова — дочь белого офицера, Глеба Тимофеевича, члена РОВСа с 1929 года. В разговоре Андрей Андреевич вдруг обмолвился, что, мол, эмиграция нам вообще не нужна, мы — советские люди, мы все будем делать по-новому. Пустим ли мы вас обратно в Россию или нет, еще посмотрим. Его выступление не понравилось присутствующим. Людмила Глебовна, разволновавшись, резко заявила: «А мы и спрашивать вас не будем. У нас люди уже и сейчас едут и работают в Россию и потом поедут...»

Моя поездка к Власову закончилась ничем. Он тогда категорично заявил: «Каминский мне подчиняется без всяких разговоров и переговоров. Я принимаю его в РОА вместе с бригадой. Камин-

ский будет по-прежнему командовать, но под моим началом». На этом и расстались.

Г.Д. Белай¹

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВОЙНЕ

Я был профессиональным военным, и на Финской войне потерял ногу². После этого я был переведен на штабную работу. В августе 1941 года я был арестован по 58-й статье и два месяца провел в орловской тюрьме. 3 октября 1941 года, когда к городу подошли немцы, тюрьма была эвакуирована. Были оставлены лишь инвалиды. Перед отступлением красные расстреляли 58 заключенных³. К счастью, мне удалось сбежать.

¹ Белай Георгий Денисович (в ряде источников «Дмитриевич» или «Роман Корнеевич»), полковник РОНА (весна 1944 г., Белоруссия). До войны — участник Финской войны, лейтенант. Тяжело ранен в ногу, переведен на партийно-штабную работу. С начала Великой Отечественной войны — младший политрук. Арестован в августе 1941 г., обвинен по статье 58—10 (антисоветская агитация и пропаганда) за «пораженческие» высказывания. В Локте с лета 1942 г. Адъютант Каминского, одновременно руководил канцелярией штаба Бригады. После гибели в январе 1943 г. Г. Балашова стал заместителем Каминского по военным делам. После передачи РОНА в СС — ваффен-оберштурмбаннфюрер. После гибели Каминского фактически командовал 29-й дивизией. Репатриации избежал, скрывшись в гражданской одежде. В 1960—1970-е гг. жил в Канаде, до этого, возможно, проживал в Австралии. Публикуемое интервью было проведено американским исследователем А. Даллиным 16 декабря 1950 г. в Зальцбурге (Австрия) в рамках Гарвардского проекта опроса беженцев (Harvard Interview Project); перевод Д.А. Жукова и И.И. Ковтуна.

² Возможно, ошибка американского переводчика. Известно, что Белай был тяжело ранен в ногу. — *Примеч. ред.*

³ Респондент уменьшил действительное число расстрелянных узников орловской тюрьмы. 11 сентября 1941 г. по заочному приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР, вынесенному без каких-либо оснований, был расстрелян 161 человек (все они были осуждены по террористическим и контрреволюционным статьям). Расстрелями руко-

Поначалу при немцах я был безработным. Затем всех обязали пройти регистрацию в паспортном столе. У меня документов не было. Чтобы получить новый паспорт, нужно было найти двух свидетелей. После регистрации я был направлен в комендатуру, где меня назначили начальником канцелярии бургомистра Орла. Вскоре немцы предложили мне вступить в армию, и я согласился. Я был переведен в Бригаду Каминского в Локте (бывшее имение великого князя Михаила Романова), где я служил до июля 1943 года. После этого мы отступили к Лепелю, затем в Дятлово, затем — через Польшу — в Германию.

Бургомистру Орла подчинялось 18 отделов, в том числе транспортный, продовольственный, полиция и пекарня. Все находилось под общим немецким контролем, но в 1941—1942 годах городская управа обладала большой степенью независимости. Бургомистр, местный житель, в свое время был офицером царской армии [имеется в виду А.Н. Старов. — *Примеч. ред.*]. Начальника полиции позже повесили, поскольку он якобы был советским агентом¹. Другие отделы городской управы отвечали за политику в отношении населения, за торговлю и заготовки.

Одна из основных задач, стоящих перед нами, заключалась в том, как получить продовольствие у крестьян и дать им что-то взамен. Была разрешена частная торговля: люди продавали махорку, остатки колхозной собственности, зерно и т.д. Для того, чтобы открыть магазин, человек должен был получить разрешение в отделе

водил начальник УНКВД по Орловской области К.Ф. Фирсанов. Экзекуция была проведена в 10 км от Орла, в так называемом Медвеевском лесу. См.: *Жирнов Е.* Специально подобранные лица вкладывали в рот осужденному матерчатый кляп / «Коммерсантъ Власть» (Москва), № 15 (919), 18.04.2011. С. 61.

¹ Действительно, в августе — сентябре 1942 г. при личном участии начальника сыскной полиции М.И. Букина были разоблачены и арестованы члены подпольной организации в городской полиции во главе с начальником полиции В.И. Головки. Последний умер на допросе от побоев, остальные подпольщики были расстреляны. См.: *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Русская полиция. М., 2010. С. 115. — *Примеч. ред.*

торговли и заплатить налоги за помещение и за право на торговлю. Существовали также комиссионные магазины. Ювелирные изделия и ценные вещи продавались по смехотворно низкой цене, в то время как зерно стоило дорого. Оплата производилась в рублях, но курс рубля к рейхсмарке — 10:1 — делал немецкую валюту очень привлекательной. Были открыты также часовые ремонтные мастерские и скобяные лавки. Чтобы начать свое дело, требовались определенные деньги.

Когда красные отступили, в течение двух дней царило безвластие, началось повсеместное мародерство; двух или трех грабителей позже расстреляли, и часть награбленного была возвращена. В Орле много было похищено из военного училища, в том числе мебель. При этом Советы в тогдашнем хаосе смогли эвакуировать только немногих — главным образом ответственных должностных лиц и жен офицеров. Среди партийцев не осталось тех, кого предполагалось специально оставить для работы в тылу у немцев, многие из тех, кто состоял в партии формально, позже работали у немцев.

Поначалу отношение к немцам было дружественным. Они были хорошо встречены. Но затем немцы начали проявлять жестокость. Они распорядились расстреливать от 50 до 100 мужчин за каждого убитого немца, и это настроило население против них. Немцы сжигали деревни, изгоняли население, и многие люди бежали в леса.

Легче было выжить в деревне, чем в городе. Ведь там были и магазины, и оборудование, и скот. Многие председатели колхозов не выполнили приказ Советов сжигать хлеб. Многие не успели эвакуировать крупный рогатый скот. Таким образом, у крестьян было больше зерна, чем при советской власти, больше масла и молока. В Орле же зимой 1941—1942 года сотрудники и служащие были близки к голодной смерти. После того, как был собран урожай 1942 года, стало легче. Поначалу зимой люди выживали за счет обмена товаров на продовольствие. Многие городские жители хотели уехать из города, но вскоре немцы разделили территорию на зоны (12, 15, 25 км), за пределы которых выезд без пропуска был

запрещен даже с целью меновой торговли. Для получения такого пропуска бургомистр должен был дать письменные рекомендации в комендатуру. Товары, предназначенные для обмена, немцами почти никогда не изымались. Зато людей охотно обирали венгры, поскольку они сами занимались спекуляциями.

Колхозы не были упразднены: немцы приказали их сохранить, в значительной степени из-за недостатка скота и техники; но, в любом случае, работать стало легче, чем раньше. Налоги были понижены.

Так, позже в Локте, когда обербургомистром стал Каминский, налоги были ниже, чем до войны, хотя они должны были обеспечивать содержание его 12 000 военнослужащих. В подчинявшихся Каминскому восьми районах колхозы были распущены. Движение Каминского возникло следующим образом. Когда немцы оккупировали Локоть, в этой области были разгромлены три советские армии, красноармейцы побросали оружие и имущество. Многие были ранены и убиты, кто-то остался в лесу. Для того, чтобы обеспечить сохранность брошенного имущества, немцы поручили Воскобойнику сформировать полицейский отряд из 12 человек; позже он был увеличен. Красноармейцы блуждали по лесам, голодные, но вооруженные, а иногда совершали налеты на села, чтобы достать еду. Так образовались партизанские банды, действующие независимо от Красной армии. На самом деле это были мародеры, которые боялись сдаваться немцам. Они оперировали небольшими группами (в 1941—1942 годах); кадровые партизанские подразделения появились там позже. Партизаны могли убить одного или двух немцев, атаковать колонну грузовиков, а немцы отвечали на это репрессиями против населения, которое вынуждено было бежать в леса — не для того, чтобы встать на защиту советской власти, а чтобы спастись. Численность полиции продолжала расти, поскольку надо было преследовать партизан.

Воскобойник был в прошлом царским офицером и инженером. 7 января 1942 года он был убит в бою против группы партизан, численностью около 200 человек. В тот момент ему подчинялись око-

до 50 человек (он был одновременно бургомистром и начальником полиции), но многие из них погибли в рождественском бою. После этих событий полномочия Воскобойника перешли к его заместителю, Каминскому. С согласия немцев он продолжал увеличивать численность полицейского отряда, и в 1942 году преобразовал его в бригаду; к этому времени округ, состоящий из восьми районов, который он контролировал, получил автономию. Немцы не вмешивались в его дела. Таким образом, он сосредоточил в своих руках гражданскую и военную власть.

Бригада, которая началась с небольшого отряда, продолжала расти и со временем стала включать в себя 15 батальонов, с численностью от 400 до 1500 человек в каждом. Ее общая численность достигала 12 000 человек. Немцы не вооружали нас. Все наше имущество было представлено брошенным вооружением и техникой Красной армии, частично неисправными; мы сами отремонтировали все, что смогли. Нам достались винтовки, артиллерия, у нас был даже бронетанковый отряд, с несколькими танками Т-34 и одним танком КВ. До нашего (я имею в виду себя и еще нескольких офицеров) прибытия офицерский состав бригады был представлен бывшими рядовыми РККА — теми, кто сами захотели стать «офицерами». После того, как в бригаду были направлены мы — 18 бывших кадровых офицеров Красной армии — было принято решение о реорганизации бригады. Надо было поднять дисциплину и организовать боевую учебу. Мы преобразовали существующие отряды в регулярные взводы, роты, батальоны, придали каждому полку некоторое количество артиллерии и сосредоточили командование в руках Каминского.

Таким образом, было создано 15 батальонов, составляющих 5 полков, а также штабы; структура соответствовала принятой в Красной армии. Некоторые были недовольны, так как ряд командиров батальонов лишались избыточного оружия, дополнительно собранного в ходе операций, и части личного состава.

Хотя лично я был направлен в бригаду из Орла добровольно, остальные офицеры были откомандированы из лагерей военно-

пленных, сосредоточенных возле Брянска. Видимо, немцы к этому времени (декабрь 1942 года) убедились, что Каминский делает для них полезную работу, и решили предоставить в его распоряжение нескольких кадровых офицеров для реорганизации подчиненного ему формирования.

Пополнение осуществлялось за счет дезертиров из партизанских отрядов и из местных жителей. При необходимости мы сами осуществляли «призыв» нужного числа людей. Мы организовали нашу собственную программу подготовки новобранцев. Мало-помалу качество бригады начало улучшаться. Однако до определенного времени личный состав не носил знаков различия. В конце концов я разработал систему погон, взяв за основу те, которые использовались в Красной армии, с введением красноармейских же званий (в то же самое время знаки различия были введены и у власовцев; в РОА возрождались такие звания, как поручик и подпоручик, у нас же по-прежнему были лейтенанты и старшие лейтенанты). Сначала Каминский отдал распоряжение, чтобы его подчиненные нашили на рукава шевроны РОА, но буквально на следующий день приказал разработать нашивку Русской Освободительной Народной Армии с буквами «РОНА» и Георгиевским крестом на черном фоне. Днем части был объявлен День Георгия Победоносца.

Каминский не контактировал с Власовым, хотя последний хотел присоединить бригаду к своей армии. Но Каминский отказался признавать его верховенство, вероятно, сам надеясь в конечном счете стать диктатором.

Каминский, в общем-то, был невоенным человеком, инженером и специалистом по спиртопроизводству. В своем округе он восстановил два спиртозавода. Военнослужащие получали в качестве пайков водку, и питались лучше, чем немецкие военнослужащие. Мы получали продовольствие от населения в виде налога, который, помимо поставок немцам, охотно предоставлялся местными жителями в обмен на защиту от партизанских рейдов. В 1942 году Каминский начал получать зерновые поставки из бывших совхо-

зов и колхозов. Даже нам, штабным работникам, были выделены земельные наделы, с которых можно было получать достойные урожаи; некоторые из нас занимались торговлей и продавали свою продукцию немцам. В конце концов немецкие власти задолжали бригаде от 2 до 3 миллионов марок на зерно; этот долг они так никогда и не оплатили.

Бригада (позднее переформированная в дивизию) была рассредоточена по селам округа. Большинство военнослужащих были расквартированы в крестьянских хижинах. Когда не было боев с партизанами, солдаты помогали жителям обрабатывать землю. Со временем была введена немецкая система, согласно которой женатые военнослужащие получили более высокое денежное довольствие, чем холостые; в результате возросло число браков. Солдаты могли продавать свою продукцию на рынках или передать ее администрации округа для последующей продажи немцам. Колхозы были распущены еще при Воскобойнике, а все их имущество — разделено. Были распределены коровы.

Позже лошадей и коров, захваченных у партизан, передавали семьям офицеров (которые жили гораздо лучше, чем обычные крестьяне). Кроме того, немцы начали выделять 22 специальных пайка для штаба. Помимо этого, в распоряжении штаба находились значительные запасы: куры, утки, мясо. В качестве налога мы брали с крестьян ветчину и колбасы. Штаб жил прекрасно, получая любое количество продуктов и запасов со складов под расписку. Войска тоже никогда не оставались без мяса. Часто происходили застолья с выпивкой. На Пасху у нас были крашеные яйца и куличи. Позднее был специально построен офицерский клуб. Отношения между офицерами и солдатами были хорошими. Иногда на офицерские застолья приглашались несколько солдат из частей, дислоцировавшихся недалеко от штаба (как правило, из так называемого батальона охраны).

Для немцев Каминский был выгоден тем, что они получили возможность избежать излишних потерь в боях против партизан, которых они боялись; они пользовались антагонизмом между русскими. В бригаде не было ни одного немецкого военнослужащего,

но немцы присылали нам директивы (например, о совместных военных операциях). Они часто использовали нас в своих интересах, трусливо бросали нас на самые опасные участки, так что наши потери были гораздо выше, чем у них. Но с течением времени мы кое-чему научились. Были случаи, когда немцы своими тупыми действиями мешали нам бороться с партизанами. Тогда мы по-тихому «приканчивали» этих немцев, а затем списывали все на партизан. Так, однажды нас направили на операцию, но немцы не дали нам никакого оружия и боеприпасов (которых у них было предостаточно, но они хотели оставить их за собой). Мы «прикончили» немцев и взяли их имущество.

В Локте дислоцировалась группа полковника Рюбзама (он был немецким комендантом района). Его сотрудники — офицеры по связи с РОНА — иногда предоставляли нам артиллерийские снаряды и другие боеприпасы с немецких складов. Каминский был хорошим дипломатом и сумел многое получить от них.

Впоследствии наше формирование вошло в состав 2-й танковой армии и стало получать приказы из армейской штаб-квартиры в Орле. Каминский посылал немцам «подарки» в виде поросят, продовольствия и т.д., а немцы за это присылали нам обмундирование и снаряжение. Каминский неоднократно ездил в Орел. Когда у него родился сын, немецкий комендант стал крестным отцом ребенка.

Бронислав Владиславович Каминский был по происхождению поляком и хорошо говорил по-польски, по-русски и по-немецки. До 1917 года у Каминских было имение в Витебской губернии. При Советах он провел пять лет в тюрьме по 58-й статье. Еще до немецкого вторжения он был освобожден из тюрьмы и работал инженером на спиртозаводе в Локте¹. Он мог быть добр к своим под-

¹ Белай заблуждается. В 1924 г. Каминского судили за самогонокурение, но это повлекло за собой лишь исключение из партии. В 1937 г. его арестовали за связь с троцкистами и за переписку с братом, проживающим в Польше. Суд приговорил Каминского к высылке из Ленинграда. До войны он находился на поселении в Шадринске Челябинской области, а в 1940 г. — получил разрешение переехать в п. Локоть. — *Примеч. ред.*

чиненным, но часто совершенно безжалостным к другим людям, и особенно к партизанам. Немцы предоставили ему восемь районов, над которыми он правил как царь. Он лично утверждал или аннулировал приговоры «суда» и решал, кто должен быть приговорен к расстрелу, а кто — освобожден. Немцы не вмешивались в его произвол.

Однажды в рамках так называемого «Дела Васильева» была раскрыта шпионская группа, в которой участвовали около 100 человек. Васильев был бывшим интендантом Красной армии, который возглавлял у Каминского мобилизационный отдел. Он много разъезжал по округу, связывался с местными партизанами и с их помощью организовывал саботаж, взрывы железнодорожных путей, телеграфных и телефонных линий и т.д. 26 марта 1943 года он должен был возглавить восстание. Планировалось, что партизаны выйдут из леса — линия фронта проходила тогда в 30 км от нас — чтобы обеспечить нападение двух дивизий красных на Локоть. Однако Васильев был арестован своими офицерами у себя дома, поскольку им стали известны его взгляды и они не разделяли их. После этого был совершен советский воздушный налет на наш штаб (здесь у нас было три зенитных орудия). Заговор был раскрыт 18 марта, когда один из его участников проговорился. В результате Каминский приказал схватить около 100 человек. Суд приговорил всех к смерти, но Каминский помиловал семью Васильева (его самого, его жену и мать), так как сестра жены Васильева, привлекательная 19-летняя девушка, находилась в близких отношениях с Каминским. Позже Каминский откомандировал Васильева в разведшколу в Минске, где тот был специально подготовлен для работы за линией фронта. Васильев остался в Дятлово, когда РОНА отступила на запад, и вернулся в Минск. Там он был задержан Советами и повешен.

Было довольно много случаев, когда каминцы контактировали с партизанами, или когда партизанам удавалось проникнуть в РОНА в качестве солдат.

Начальник следственного отдела и одновременно главный судья Процюк отличался особой жестокостью¹. Он был садистом, лично бил женщин, пинал их ногами и т.д. Каминский знал об этом, но в течение длительного времени не вмешивался.

У нас было политическое управление, которое выпускало звания к партизанам и вело пропаганду на советскую сторону (наши листовки сбрасывались с немецких самолетов). Из пропагандистских соображений необходимо было помиловать нескольких захваченных партизан. Однако Процюк регулярно убивал их или приговаривал к тюремному заключению на срок от 5 до 10 лет. Очень немногим удалось вырваться из его когтей. Немало партизан тем не менее бежали из своих отрядов и присоединялись к нам, а затем вступали в РОНА, некоторые из них оказались советскими агентами.

Наши отношения с крестьянами округа были в целом хорошими. Изнасилования и прочие преступления строго карались. Уже в Дятлово двое военнослужащих из взвода охраны штаба ворвались в дом священника и похитили вещи из его подвала; он пожаловался нам, считая, что это сделали партизаны. Военнослужащие были приговорены к расстрелу, но священник просил помиловать их. Один офицер из штабного взвода изнасиловал девочку. Девочка была возницей, предоставленной этому офицеру вместе с телегой и лошадью старшиной волости. Офицер был расстрелян.

Политическое управление обратилось в штаб с требованием организовать в РОНА политическое обучение. В подразделениях (на уровне рот) были введены должности политических комиссаров; на эти должности не обязательно назначались военные. На гражданском уровне также существовала политическая структура, получившая наименование НСТПР (Национал-социалистическая

¹ Процюк Георгий Селиверстович (1893 — после 1980), начальник военно-следственного отдела РОНА. В 1923 и 1929 гг. задерживался органами ОГПУ за участие в петлюровском повстанческом комитете. После войны эмигрировал в Великобританию. — *Примеч. ред.*

трудовая партия России), которая занималась пропагандистской работой среди населения. Из ее членов и рекрутировались люди для политической работы в РОНА. Для членов партии проводились специальные лекции. Партийцы не носили какую-то специальную униформу. НСТПР была фактически независимой от немцев, партийные чиновники не имели особых привилегий. Сама идея создания партии была очевидно обусловлена желанием создать прикрытия для деятельности НТС. Существовало также молодежное движение, построенное по образцу «Гитлерюгенда». Возглавлял партию сам Каминский, видимо надеясь, что это как-то поможет ему стать лидером будущей России. В Минске располагался Центральный комитет НСТПР, который контактировал с НТС. Существовали также специальные курсы для партийцев, предназначенных для работы за линией фронта, в тылу красных. В Локте подобные курсы носили чисто локальный характер. Партия стремилась проводить работу среди местного населения. Проводились лекции, печатались листовки и т.д. Позже Каминский получил два или три «кукурузника» с надписью «РОНА», на которых он летал сам, но обычно они использовались для распространения наших листовок.

В РОНА было два издания — «Боевой путь» для военных и «Голос народа» для гражданских лиц. Типографии также публиковали пропагандистские брошюры для наших военнослужащих. Более серьезно печатная пропаганда была поставлена в Минске. Газета выходила под лозунгом «Все для народа — все через народ». Основной линией пропаганды, адресованной к партизанам, было то, что мы боремся только против советского режима...

Командир 2-го полка, майор Тарасов, был признан виновным в измене и повешен. Я слышал, однако, что среди палачей оказались его друзья, и что им удалось перебросить его на советскую сторону. Впрочем, я в этом не уверен.

Мало кто из наших военнослужащих перебежал к партизанам; гораздо больше людей, напротив, перешли на нашу сторону. В Лепеле восстание артиллерийской батареи было подготовлено

партизанами. Шесть человек были повешены, от 8 до 10 — расстреляны: бунтовщики расстреливали тех, кто отказывался перейти к партизанам. Среди убитых было несколько офицеров.

Летом 1943 года РОНА была эвакуирована из Локтя вместе с семьями и гражданскими лицами; общая численность эвакуированных в Лепельский район составила 77 000 человек. Мы взяли с собой, все, что могли, например, запасы зерна. В Лепеле 50 % пайков выделялось немцами. Наши запасы были в основном розданы гражданским лицам. Мы находились там с 1943 года до весны 1944 года. Территория автономной области здесь была меньше, чем раньше. Большинство населения составляли белорусы. Многие из них были призваны в РОНА. Здесь население было гораздо более дружелюбным к партизанам. Немцы задолго до нашего появления в этом районе оказались не в состоянии вычистить партизан и фактически смирились с существующим положением. При этом здесь они сожгли много деревень и совершили много расстрелов.

Части РОНА вновь были рассредоточены по селам района, но на более близком расстоянии друг от друга, чем раньше. Теперь, когда мы выдвигались на операции, мы оставляли определенное количество сил для обороны. Часто приходилось выдвигаться довольно далеко; однажды почти все соединение было брошено в бой под Лукомлем, где партизанам удалось нанести нам поражение; лишь наша артиллерия отступила почти без потерь. Зато был разгромлен наш бронетанковый батальон.

В этой области еще сохранялись колхозы, но с нашим появлением они были распущены. Население приветствовало это, хотя и оставалось лояльным к партизанам. В районе Ушачей продолжали оставаться регулярные части Красной армии, здесь были построены оборонительные укрепления, действовали советские административные органы, совхозы и колхозы.

В этот период боеспособность РОНА повысилась. Немцы никогда особенно не нравились нам. Множество евреев скрывалось в партизанских отрядах, когда мы захватывали их в плен, отноше-

ние к ним было, как правило, таким же, как и к остальным партизанам. Мы не передавали их немцам. Позднее, в Дятлово, мы захватили группу евреев, скрывавшихся в землянке, и не выдали их; когда РОНА эвакуировалась дальше, на запад, эти евреи были отпущены. Возможно, они впоследствии были схвачены немцами и расстреляны.

Семьям военнослужащих были выделены участки за счет бывшей колхозной земли. В Локте у нас имелись некоторые проблемы с точки зрения обороны и дисциплины. В Дятлово обстановка в этом смысле улучшилась. В Лепеле и Дятлово мы находились в составе 3-й танковой армии, командование которой поддерживало хорошие отношения с Каминским. Мы регулярно получали награды — поначалу это были медали для «восточных народов», но в конечном итоге военнослужащие РОНА стали регулярно награждаться немецкими Железными крестами. В Дятловский район мы передислоцировались весной 1944 года, как раз к весеннему севу. Мы оставались там в течение всего лишь трех месяцев, а затем вынуждены были отступить на запад через Польшу в Нойхаммер. Немцы тогда обещали включить нашу дивизию в состав армии, предназначавшейся для боевых действий на Восточном фронте; они также обещали включить в состав этой армии тысячи освобожденных из лагерей военнопленных добровольцев. Нас передислоцировали в Мюнзинген, где мы были включены в состав 1-й дивизии РОА, что означало конец движения Каминского.

Во время нашего пребывания в Нойхаммере началось Варшавское восстание. Из состава нашей дивизии был выделен сводный полк, в который вошли военнослужащие из каждого из наших полков.

В тот момент я был назначен начальником штаба эшелона. Немцы планировали передать нам автономную область, расположенную в 70 км от Ужгорода, но времени для осуществления этого проекта уже не хватило.

Вместо этого мы были выведены под Ратибор; здесь было сосредоточено все, что осталось от нашей дивизии.

Для подавления Варшавского восстания от нас было выделено от 1300 до 1400 человек — лучшие силы из каждого полка (всего у нас было четыре полка, в то время как пятый был полностью разбит и уничтожен в Севске, недалеко от Локтя¹). Позже Варшавский полк вернулся в дивизию. Они привезли много трофеев. Все военнослужащие были нагружены награбленным, имели при себе золотые слитки и драгоценности.

Каминский сам несколько раз ездил из Ратибора в Варшаву, чтобы лично присвоить себе что-то из награбленного. Однажды он отправился в сторону Карпат, чтобы осмотреть область, которую нам собирались передать немцы. На обратном пути из Варшавы он был убит. Он имел тогда звание генерал-майора и был в эсэсовской форме. Вместе в Каминском были полковник — его начальник штаба [имеется в виду Шавыкин. — *Примеч. ред.*], врач и водитель. Все четверо были убиты пулями. Немцы сообщили нам, что это дело рук польских партизан, но не приходится сомневаться, что немцы сделали это сами. Возможно, здесь есть связь с покушением на Гитлера 20 июля, в котором был замешан фельдмаршал Буш — друг Каминского по 3-й танковой армии. Мы решили послать на место убийства батальон охраны, чтобы расследовать все обстоятельства, но немцы все оцепили на десять дней.

После этого на должность командира дивизии был назначен неизвестный нам человек. В штабе мы провели совещание. Семьи наших военнослужащих были отправлены в Померанию; я тоже выдвинулся туда. Остальные были передислоцированы в Нойхаммер, а затем в Мюнзинген. Наш офицерский состав не был готов к боевым действиям на фронте против регулярных войск противника. Поэтому многие из офицеров были сильно понижены в должностях или отправлены в военные училища, а неко-

¹ Имеются в виду события марта 1943 г., когда части РОНА фактически впервые вступили в бой с регулярными частями Красной армии. — *Примеч. ред.*

торые полковые командиры стали командирами рот в 1-й дивизии РОА. Я встретил Власова в Фюссене в апреле 1945 года и был направлен им в Зальцбург в формируемую 3-ю дивизию РОА под командованием генерала Туркула.

Из 12 тысяч военнослужащих дивизии Каминского к тому моменту осталось около 8000 человек. Негодные к строевой службе и все семьи военнослужащих были отправлены в Померанию. До Варшавы у нас было относительно немного случаев прямого грабежа. В Варшаве мы потеряли около 60 человек, а несколько военнослужащих были нами расстреляны. Чем дальше мы отходили от родных мест, тем более сплоченной становилась дивизия.

Власов приказал мне следовать в Фюссен с целью продолжения борьбы на Восточном фронте. Если немцы хотят воевать на западе — это их дело, а не наше. В нашей дивизии шло много разговоров о КОНР и РОА, многие военнослужащие считали их вполне приемлемыми. Мы рассматривали Каминского как временного лидера, которому удалось создать русское боевое соединение, но такой человек не был способен победить Красную армию. Мы не могли оставить движение Каминского, даже если бы мы этого захотели. Каминский был диктатором и не простил бы нас. Он был способен расстрелять любого на месте. Мы не доверяли Власову и считали его опасным конкурентом в борьбе за власть. Власов направлял своих офицеров для переговоров, но Каминский отправил их обратно.

В Дятлово мы сражались вместе с казаками атамана Павлова; Павлов был убит под Борисовом.

В Дятлово мы стали 29-й дивизией СС и получили новую форму, сохранив при этом знаки различия РОА.

С течением времени мы все больше и больше зависели от немецких поставок. В Дятлово мы по-прежнему использовали рубли. Немцы задолжали нам большие суммы за осуществленные нами поставки.

Рост партизанского движения был обусловлен германской политикой, кроме того, репрессии немцев против населения прово-

цировали советские элементы, которые осуществляли диверсии. Поэтому население было склонно рассматривать движение Каминского в качестве альтернативы обеим противоборствующим сторонам. В Локте, кроме того, мы открыли школы, типографии, которые печатали учебники, больницы и т.д.

Каминский избрал путь диктатуры. Не все его подчиненные симпатизировали этому. Мы его уважали и боялись. Он мог награждать, но мог и строго карать. Чтобы поднять свой авторитет, он пытался улучшить материальное положение своих подчиненных, раздавал скот, который мы захватывали в ходе операций.

Представителей старой эмиграции в нашем движении не было.

Программа и устав НСТПР были близки к НТС. В них не определялась будущая форма устройства России, но едва ли она была бы монархической. Сам Каминский был определенно против народного представительства. Большая часть населения не слишком симпатизировала его убеждениям. Наши офицеры, насколько можно судить, имели разные политические убеждения. Мне кажется, что из всех немцев Каминского более всего поддерживал Геббельс. Пропагандистское оборудование, бумага и т.д. поставляло нам Министерство пропаганды. Ко дню рождения Геббельса Каминский послал ему вагон водки.

Каминский имел своих личных фаворитов и выдвинутых, как правило, независимо от их компетентности. У него также были его собственные сексоты, о некоторых из них мы «позаботились». Насколько можно судить, сам Каминский был не в восторге от немцев и, конечно, не разделял их сепаратистских планов в отношении России.

Поведение нашего полка в Варшаве было связано с тем, что Каминский и его подчиненные, почувствовав, что конец не за горами, решили «хорошо провести время»; кроме того, дурной пример показали каминцам сами немцы и другие национальные подразделения. В итоге дивизия часто действовала «анархически». Однажды поставки от населения не были осуществлены в

срок. Тогда Каминский приказал одному отряду войти в деревню; бойцы должны были стрелять в воздух, а при необходимости — и на поражение, чтобы получить «взносы». Конфискации иногда сопровождались бессмысленными убийствами.

Я ничего не могу сказать о религиозных взглядах Каминского. В нашем пункте дислокации церкви не было; в соседней деревне, располагавшейся ближе к Локтю — Брасово, церковь была открыта; там было специальное помещение для наших военнослужащих. При этом в дивизии были военные священники.

Мы также имели ансамбль численностью около 100 человек; он периодически выступал.

Мы никогда не занимали крупные города, поскольку там никаких партизан не было и наше присутствие было бы не оправданно. В Локте у нас было подразделение полиции, не входящее в РОНА; начальник полиции был одновременно офицером штаба дивизии, в которой существовал также так называемый секретный отдел.

В Орле в 1941—1942 годах поначалу были приемлемые условия. Евреев обязали носить звезды, им было запрещено ходить по тротуарам и т.д. Наконец их собрали и расстреляли. Это осуществили сами немцы.

Большинство из тех, кто получил хорошие рабочие места, были при Советах политически репрессированы. В период оккупации в худшем положении находилось городское население, особенно рабочие разрушенных заводов. В лучшем случае, лишь одна треть предприятий была восстановлена. Много безработных было также среди бывших советских чиновников. Крестьяне жили лучше, даже если их колхоз не был распущен: они собирали больше урожая. Бургомистр был настроен чисто пронемецки, он был карьеристом. Но большинство людей было равнодушно, как к Советам, так и к немцам. Поначалу после того, как пришли немцы, люди охотно записывались в военные и полицейские части. Но в 1942—1943 годах все поняли, что немцы действуют не в интересах населения.

В нашем автономном округе продолжали существовать машинно-тракторные станции, они должны были обеспечивать земли бывших колхозов техникой, но, в отличие от советских времен, на безвозмездной основе. Существовал гражданский суд, который действовал в соответствии с советским сводом законов (с небольшими изменениями). Убийства и другие серьезные преступления передавались на рассмотрение нашим военным судам, или немецким судам, которые были гораздо более суровыми¹.

¹ Информатор изъявил согласие ответить на дополнительные вопросы нашему представителю в Зальцбурге. — *Примеч. интервьюера.*

Содержание

Предисловие	
БРИГАДА КАМИНСКОГО: PRO ET CONTRA.....	3

Часть первая ВОСПОМИНАНИЯ СОВЕТСКИХ ЧЕКИСТОВ И ПАРТИЗАН

<i>А.Н. Сабуров</i>	
Из книги «За линией фронта»	31
<i>З.А. Богатырь</i>	
Из книги «Борьба в тылу врага»	54
<i>Д.В. Емлютин</i>	
Из книги «Шестьсот дней и ночей в тылу врага»	59
<i>Н.И. Ляпунов</i>	
В ночь под Рождество	62
<i>Д.В. Емлютин</i>	
Из книги «В южном массиве брянских лесов»	64
<i>К.Ф. Фирсанов</i>	
Как ковалась победа	67
<i>П.Я. Пархоменко</i>	
Комаричские подпольщики	77
<i>В.К. Морозов</i>	
Врагу от нас не уйти	93
<i>В.А. Засухин</i>	
Специальное задание.....	102
<i>В.П. Росляков</i>	
Из книги «Последняя война»	126
<i>Г.О. Осипов</i>	
Из книги «Пароль — “Наступает осень”...».....	145

<i>Я.А. Жилинин, И.Б. Поздняков, В.И. Лузгин</i>	
Из книги «Без линии фронта»	196
<i>П.Л. Лебедев</i>	
Из книги «Мы — алексеевцы»	199
<i>В.Е. Лобанок</i>	
Из книги «В боях за Родину»	210
<i>В.Е. Лобанок</i>	
Из книги «Партизаны принимают бой»	211
<i>И.Ф. Титков</i>	
Из книги «Бригада “Железняк”»	220
<i>Ф.Е. Шлык, П.С. Шона</i>	
Из книги «Во имя Родины»	223
<i>Р.Н. Мачульский</i>	
Из книги «Вечный огонь»	233

Часть вторая

ВОСПОМИНАНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ

<i>М.С. Бобров</i>	
Из статьи «Страшное безмолвие России»	241
<i>Б.П. Башилов</i>	
Правда о бригаде Каминского	245
<i>В.Д. Самарин</i>	
Каминский	255
<i>Р.В. Днепров</i>	
Из статьи «Власовское ли»?	259
<i>Р.Н. Редлих</i>	
О бригаде Каминского	261
<i>Г.Д. Белай</i>	
Из воспоминаний о войне	268

Научно-популярное издание

1418 дней Великой войны

Авторы-составители

Жуков Дмитрий Александрович

Ковтун Иван Иванович

**ФЕНОМЕН ЛОКОТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
Альтернатива советской власти?**

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *И.В. Левченко*

Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127566, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 16.12.2011. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 9. Тираж 2000 экз. Заказ № 1006.

Отпечатано с электронного оригинал-макета,
предоставленного издательством,
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

ФЕНОМЕН ЛОКОТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В 1941 г. на территории Брянщины немецкими оккупантами было санкционировано создание самоуправления, со временем получившего официальное название «Локотский административный округ». Численность населения этого округа, подчиненного тыловому командованию 2-й танковой армии вермахта, составляло свыше 500 тыс. человек. Со временем в Локте была создана так называемая Русская освободительная народная армия, известная также как Бригада Каминского, и в 1944 г. ставшая 29-й дивизией войск СС. Это соединение, наряду с немецкими и венгерскими частями, участвовало в антипартизанских операциях и нанесло народным мстителям немало болезненных ударов. Заключительным аккордом деятельности каминцев стало участие сводного полка 29-й дивизии в подавлении Варшавского восстания. В настоящем сборнике публикуются воспоминания непосредственных участников борьбы между каминцами и советскими патриотами, причем представлены обе стороны этого противостояния.

ISBN 978-5-9533-6348-8

ВСЧЕ
20 лет